Тамара ШАРКОВА-ОСЫХОВСКАЯ

Вызов забвению

Документально- художественное исследование
истории семьи

Рязань
2014

ББК 84.Р7 (2Рос=Рус)
Ш 26

Шаркова Т.В.
Вызов забвению. Документально-художественное
Ш 26 исследование истории семьи./Тамара Шаркова-Осыховская – Рязань: ИП Аладышева Г.Е. Издательский дом «Контраст», 2014 – с. 192

ISBN

© Т.В. Шаркова, 2014
© ИД «Контраст», 2014
© В. Мандраков, фото «Морозное утро»

ISBN

Автор благодарит:

За предоставленные материалы, воспоминания и финансовую помощь в издании книги:

***Осыховского Леонида Николаевича**, г. Владивосток;*

***Осыховских Леонида Владимировича** и **Татьяну Константиновну**, г. Ярославль;*

***Гайнатулину (Осыховскую) Веру Владимировну**, г. Спасск-Дальний Приморского края.*

За предоставленные материалы и воспоминания:

***Осыховского Александра Михайловича**, Украина;*

***Стафееву (Осыховскую) Валентину Владимировну**, г. Томск;*

***Осыховскую Нину Владимировну**, г. Томск;*

***Осыховского Эдуарда Владимировича**, г. Губкин Белгородской области;*

***Толмачёву Людмилу Владимировну**, г. Владивосток;*

***Кондрашова Сергея Анатольевича**, г. Москва;*

***Филиппову Валентину Владимировну**, село Молчаново Томской области.*

За техническую поддержку:

***Малиновскую Наталью Александровну**, г. Новомичуринск Рязанской области;*

***Титову Валентину Альбертовну**, г. Новомичуринск Рязанской области.*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Изучая историю своих предков, мы пытаемся узнать не только о их судьбе, но и ответить на вопросы, возникающие в нашей собственной жизни. Ведь судьба каждого из нас тесно связана с судьбой страны, в которой мы живем, и события происходящие в ней, в любом из нас могут отозваться как радостью, так и болью. Выдающийся русский историк В.О. Ключевский писал: «Изучая дедов, узнаем внуков, то есть изучая предков, узнаем самих себя. Без знания истории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и зачем мы пришли в мир, как и для чего в нем живем, к чему должны стремиться».

Многие жители Российской Империи, помня о том, что семья является наследницей рода, не только чтили своих предков, но и старательно вели свое родословие. Однако в советские годы генеалогические исследования не культивировались обществом, и многие граждане, если и занимались ими то – втайне, поскольку в их памяти были еще живы годы репрессий начала-середины XX века. Об этом не очень-то хотелось говорить, ибо люди, оказавшиеся в тюремных и лагерных застенках, автоматически становились «врагами народа». Эта «категория» не обошла стороной и мою семью, - как по линии матери, так и по линии отца.

Но вряд ли найдется на Земле человек, которому было бы неинтересно его происхождение. Заинтересовалась им и я, но более глубоко, когда не стало родителей.

Решение этой проблемы существенно облегчило появление Интернета, хотя первые сведения я получила ещё от родителей. Именно эти сведения и легли в основу родословных, которыми я начала заниматься несколько лет назад. Со временем восстановила связь с сёстрами от второго брака отца, отыскала других родственников как по его линии, так и по линии мамы, и стала с ними общаться. С их помощью знания по родословным не только расширились, но и дополнились. Выяснилось, например, что мои

предки по линии мамы – белорусы по национальности – во время Столыпинской реформы переселились из Белоруссии в одно из местечек Кыштовского района Новосибирской области, где получили землю и начали заниматься сельским хозяйством (позже переселились в деревню Коровинку того же района)*. Узнала я также и трагическую историю двоюродной бабушки по этой же линии – Ефросиньи Николаевны Горячкиной, урождённой Делидович (в детстве мне и брату она заменила рано ушедшую из жизни родную бабушку). Ефросинья Николаевна после трагической гибели первого мужа через несколько лет вышла замуж за Антона Павловца, который имел в хозяйстве лобогрейку (жатку), за что семью с тремя детьми «раскулачили» и выслали на болото в Нарымский край. Посёлок, основанный ссыльными в 1933 году на месте их высадки, получил название Могильный Яр, в настоящее время – Новый Васюган. Муж бабушки Ефросиньи Антон и их общий ребёнок Пётр, родившийся в ссылке, вскоре умерли, а бабушке через несколько лет разрешили вернуться домой.

Как пишут очевидцы, судьба переселенцев была трагичной. Из Новосибирской области и Алтая людей везли баржами и бросали в безлюдной тайге. Сосланным на поселение в дикие места не разрешалось брать с собой ни тёплой одежды, ни инвентаря. Инструментом, который они получали от властей, соорудить землянку до зимы успевали не все; продукты, прихваченные из дома, по прибытии отбирало начальство или разворовывали такие же голодные ссыльные. В этих нечеловеческих условиях люди гибли массово, в первую очередь, старики и дети. Достаточно набрать в поисковике Интернета Google «Остров Назино», и мы узнаем о трагедии, которая разыгралась на необитаемом острове посреди Оби близ села Александровское Нарымского края.

Нарым в переводе с селькупского означает «болотный». Край

* Согласно справке отдела архивной службы администрации Кыштовского района, деревня образована в 1893 году во время правления Александра III.

недаром заслужил «славу» центра политической ссылки России: сюда ссылали бунтарей и повстанцев при всех властях и режимах. Отбывали её декабристы, народники, а также участники польских восстаний 1830–1831, 1863–1864 годов*. В Нарыме в 1912 году находился в царской ссылке и Сталин.

С Нарымским краем также связана жизнь и моих родственников по мужской линии. Так, в деревню Нижне-Майково Томской губернии в 1864 году за участие в польском восстании в юном возрасте был сослан мой прадед Эдуард (Edward Osichowski). Этот факт подтверждён соответствующими документами архивной службы администрации Молчановского района, а также одним из его сыновей – Григорием Эдуардовичем, который в автобиографии называет своего отца ссыльным. За участие в восстании вместе с прадедом были сосланы также и другие юноши: Завацкий, Минкевич, Котеловский, Бужинский, Тынкевич (не исключено, что некоторые фамилии неточны).

На земле Нарымского края родились и дети прадеда, в том числе мой дед Александр, и здесь же – в 1937–38 годах – четверо из них были репрессированы советской властью. Особенно пострадала семья Григория, у которого через восемь месяцев после ареста органы НКВД отправили в тюрьму его жену, ещё через восемь – сына.

История жизни семьи прадеда до 2008 года мне была почти неизвестна. Из редких сообщений отца я знала лишь о том, что по национальности прадед поляк, что его семья проживала в городской местности, принадлежала к шляхетскому сословию

---

* Восстание 1830-31 гг. было организовано шляхтой и католическим духовенством в Царстве Польском и сопредельных с ним губерниях Российской империи (Литве, западной Белоруссии и Правобережной Украине). Направлено было на отделение Царства Польского от России. Восстание 1863-64 гг. под лозунгами восстановления Речи Посполитой в границах 1772 года произошло на территории Польши, Литвы, части Белоруссии и в Правобережной Украине. Известно как восстание под предводительством Константина Калиновского, в поддержку восставших выступил А.И. Герцен. (По материалам «Советского энциклопедического словаря», изд. третье, г. Москва, 1984 г. и Википедии, электронный ресурс)

и владела одной из фабрик. Много позже узнала, что это была Гродненская губерния*, которая в результате сложных исторических перипетий в прежние времена пребывала в составе и Российской империи, и Литовских земель, и самой Польши.

В начале октября 2012 года, набрав в поисковике Google свою фамилию в польской транскрипции, я открыла для себя много нового. Во-первых, на одном из польских сайтов обнаружила списки участников польского восстания 1863–64 годов, сосланных в Западную Сибирь. В числе повстанцев нашла и своего прадеда: он значился как Osichowski Edward – Осиховский Эдуард – 19 lat (лет)(1).

Следующую запись обнаружила в Рунете:

«Осиховский Эдуард (1868) 19 лет на 1870 г., мещанин Гродненской губернии (в составе Российской империи – Авт.), условия ссылки неизвестны. С 1864 г. находился в Томском округе, крестьянские работы, семьи не имеет, холост, участник Польск(ого) восстания 1863–64 гг., сосланный в Сибирь. (ГУ ГАОО. ф. 3. Оп. 6. д. 8960, 10388. Л. 298–299)»(2). В преамбуле к списку сообщается, что в Западную Сибирь направлялись в основном участники восстания, «сосланные в административном порядке и на водворение», в Восточную – «преимущественно осужденные на каторжные работы». В первом случае без конфискации имущества, во втором – с конфискацией.

И последняя короткая, но информативная запись: «Осиховский Эдуард – горожанин»(3).

Во-вторых, представители этой фамилии в транскрипции как Osichowski, так и Osuchowski (большей частью в последней),

* Гродненская губерния в настоящее время находится на территории западной Беларуси, граничит с Польшей и Литвой. Впервые Гродно упоминается в летописях в 1127 году. С 1376-го город находился в составе Литвы и Польши, в 1795 г. был присоединён к Российской империи, в 1863 г. являлся центром польского восстания в Белоруссии. В июле 1920-го перешёл под контроль Советской России, в октябре того же года – под управление Польши, в составе которой оставался до 21 сентября 1939 года. (По материалам «Советского энциклопедического словаря», изд. третье, г Москва, 1984 г. и Википедии, электронный ресурс).

обнаружились и в дальнем зарубежье: США, Польше, Канаде, Австралии, а также других странах, хотя не исключено, что это всё-таки разные люди. Но в том же списке участников Польского восстания 1863–64 гг., сосланных в Западную Сибирь, интересна и такая запись: «Осуховский Викентий – муж(чина), 53 года на 1867 г., дворянин Гродненской губ., сослан пр(авительством?) без лишения прав на жительство, находился в Кургане, в 1869 г. выехал в Царство Польское (ГУ ГАОО. ф. 3. Оп. 5. д. 7601. Л. 70–71)». Таким образом, как Осиховские, так и Осуховские, проживали в одной и той же Гродненской губернии, поэтому невольно возникает вопрос: нет ли ошибки в транскрипции написания этих фамилий? В связи с этим на ум приходит факт разночтения девичьей фамилии бабушки Ефросиньи, а именно: некоторым представителям рода она была записана как «Делидович», некоторым – как «Демидович». Это разночтение сохранилось до сих пор.

Итак, согласно вышеприведённым выпискам относительно прадеда Edwarda Osichowski, можно прийти к выводу, что родился он в 1851 году и, таким образом, в 1864 году – во время ссылки в Молчаново – ему было тринадцать лет.

Из истории села Молчанова (1870-й год):

«...Деревеньки попадались всё реже и беднее до самого села Молчановского, куда мы приехали часу во втором ночи, – пишет Н.А. Костров в книге «Поездка в Нарым». – Около Молчанова левый берег Оби внезапно возвышается, открывая песчано-глинистую формацию, которая составляет, кажется, постоянное явление на Оби, на всем её течении от впадения Томи до Нарыма. (…) Пока перепрягали лошадей, я разговорился с хозяином квартиры, старинным рыболовом. По обыкновению всех стариков, он жаловался на то, что пришли худые времена, что прежде было всего изобильнее и народ как-то лучше, добрее. Рыбы, по его словам, прежде ловилось несравненно больше, чем теперь. «Лет десять, аль двадцать, – говорил он, – моксуна попадалось в невод тысяч до пятнадцати штук, а ныне и пятидесяти не вынешь» (муксун – пресноводная рыба из рода сигов семейства лососёвых – Авт.).

Между другими причинами, способствовавшими уменьшению лова рыбы, он относил также появление здесь пароходов. Судя по его рассказу, появление первого парохода произвело между жителями самое странное впечатление. «Давно уже носился слух, – говорил старик, – что вот пойдут по нашей Оби какие-то пароходы, – идёт, вишь, себе судно на колёсах по реке, как телега по дороге катится; ни ветер, ни вал – всё ему нипочём. Ладно, думаем мы, только по Оби такому судну не пройти. Это не другая какая речушка – как разгуляется в ину пору, так что твое море. Так-то мы не верим.

Вот пришла и весна, прошёл лед, потянулись и суда вверх и вниз по нашей матушке. Один раз вечером сидим мы, старики, да калякаем у ворот, – как вдруг кто-то крикнул: «Пароход! пароход!» Мы, как ни есть, все на берег. Глядь – а он, братец ты мой, бежит, бежит себе против воды, знать ничего не хочет. С диву дались мы все. Вот он выплыл супротив села, остановился, да как – язви его – рявкнет, да засвистит, так мы на корточках и поползли со страху…»(4).

В Нижне-Майкове Эдуард занимался крестьянскими работами, женился в возрасте 23-х лет «на крестьянской дочери православного вероисповедания, девице Евдокии Васильевне Сысоевой из села Молчанова», которой было в ту пору 17 лет. В конце 80-х годов XIX века семья из Нижне-Майкова перебралась в Молчаново. За двадцать восемь лет совместной жизни у Эдуарда с Евдокией родилось двенадцать детей, четверо из них умерли в младенчестве, пятым – семнадцати лет – умер ещё один ребёнок (сын). В живых осталось семеро: старшая дочь Анна, 1878 года рождения, Игнатий – 1879, Евгения – 1890, Анастасия – 1881, Григорий – 1893, Александр – 1895 и Николай – 1898 года. Евдокия Васильевна умерла в 1902 году в возрасте 45-ти лет, не намного пережил её и Эдуард Иванович: он ушёл из жизни вскоре после 1910 года.

О том, что наша фамилия первоначально звучала как «Осиховский», сообщил мне внук Эдуарда Ивановича – Леонид Ни-

колаевич Осыховский, который в настоящее время проживает во Владивостоке и является старейшиной нашего рода. Комментируя одну из старинных фотографий своего архива, надпись на которой предположительно сделана около 1912–14 гг., Леонид Николаевич пояснил: «Эту фотографию моему отцу подарил его старший брат Игнатий. На обороте надпись (привожу дословно): «На вечную Память дорогому братцу Николаю Эдуардовичу, Г-ну Осиховскому, от Игнатия Эдуардовича, Г-на Осиховского».

История перерождения фамилии неизвестна, но то, что она претерпела трансформацию, – это факт. Возможно, «современное написание фамилии – это результат имевшего место в XIX веке искажённого её произношения или речевой ошибки», – такую точку зрения высказали сотрудники Томского государственного архива. Не исключено также, что по каким-то причинам её перерождение произошло в начале советской эпохи, когда буква «и» была заменена на твёрдо звучащую «ы».

К тому времени, когда я занялась поисками, моего отца уже не было в живых, и поскольку дальше этой информации продвинуться не могла, то поняла, что её надо искать в архивах. Но к ним из-за дальности расстояний доступ был ограничен, и тогда я обратилась к Интернету. Именно на его страницах обнаружила выписки из Книги Памяти по Томской области, где среди фамилий репрессированных в 1937–38 годах увидела также и свою, – она принадлежала двум мужчинам и двум женщинам из Молчанова. В том, что эти люди мои родственники, уверенности не было, хотя интуиция подсказывала обратное. Доказательства получила от племянницы из Петербурга, когда она прислала начальную схему нашей родословной, во главе которой стоял мой прадед Эдуард Иоаннович Осиховский (позже Иванович). Изучив схему, поняла, что репрессированные из Книги Памяти были трое его детей и сноха, то есть Анна, Григорий, Николай и жена Григория – Марфа. Все они были осуждены по 58-й статье с широким набором подпунктов, все реабилитированы в 1957, 1959 годах.

Позже из УФСБ РФ по Томской области я получила копии материалов их архивно-следственных дел, ещё позднее из Новосибирска пришли документы и по деду Александру, – он проживал и был арестован в этом же городе, осуждён по статье 58-10 за якобы антисоветскую агитацию и этапирован в Дальлаг. О дальнейшей его судьбе до сих пор ничего неизвестно, реабилитирован в июне 1994 года. А в конце июля 2013 года, когда были получены копии документов из Свердловского государственного архива, к роковому списку репрессированных добавились ещё три человека: сын Марфы и Григория – Иван, их зять Михаил и брат Марфы – Алексей. Ивана арестовали 1 ноября 1938 года, когда он учился на 3-м курсе Свердловского электроэнергетического техникума, титульный лист его дела в правом верхнем углу содержит два грозных слова: «Хранить вечно»! В других делах, присланных мне подобные листы отсутствуют, но думаю, необходимость в вечном хранении обозначена и там тоже.

Зять Марфы и Григория, Михаил Лаврентьевич Мелешкевич, проживавший в селе Молчанове, был арестован 22 сентября 1937 года по обвинению якобы в участии в «Польской организации войсковой». Расстрелян 5 ноября 1937 года, реабилитирован в 1959 году. Алексей Никитич Харитонов – брат Марфы, проживавший также в Молчанове и арестованный в один день с сестрой (8 марта 1938 года), был обвинён в участии в контрреволюционной правотроцкистской организации. Реабилитирован в 1941году (см. выписки из Книги Памяти в Приложении).

Так, через поиски информации о своих корнях, я перешла к другой теме – теме репрессий, затронувших семью Осыховских из сибирского села Молчанова. Эта тема и легла в основу моей книги.

***

При изучении архивно-следственных дел родственников я заметила одну деталь: протоколы допросов Григория и Александра, арестованных в 1937 году, содержали их подробные автобиографические данные – в большей степени это касается

Александра, тогда как тема допросов Марфы и Николая, арестованных в 1938-м, состояла исключительно из их «контрреволюционной деятельности, связях с иностранной разведкой» и других кознях против советской власти. Впечатление такое, что на допросах последних сами заключённые или не присутствовали, или протоколы были подписаны ими под давлением. Происходило так видимо потому, что в первом случае вышеупомянутые дела велись в индивидуальном порядке, во втором, включая Анну, дело которой мне не выслали, были групповыми. Именно по групповым, вместе с Николаем Эдуардовичем, расстреляли 93 человека, с Анной Эдуардовной – 17. То есть, в индивидуальных делах шла видимость «работы» с арестантами, групповые же вершились более ускоренными темпам, так как надо было выполнять расстрельные планы, хотя участь тех и других была предрешена заранее.

В делах Григория, его двадцатилетнего сына Ивана, а также моего деда Александра я отметила искренность, с какой во время допросов – большей частью первых – они отвечали на вопросы служителей НКВД. Это обстоятельство сначала поразило меня, но стоило осознать их веру в справедливый суд, как стало понятно, что дедушка и его братья, а также другие члены семьи наивно полагали, что им нечего скрывать. Они не думали, что их правда может быть использована против них самих же, не предполагали, что станут жертвами неправедного суда. В то же время методика провокаций работников НКВД с применением разного рода изобличений, направленная на получение самооговоров заключённых с последующим предъявлением к ним несуществующих обвинений, срабатывала безошибочно.

Я часто спрашиваю себя, почему при встрече со мной в начале 60-х годов отец ни разу не обмолвился о репрессиях, покосивших нашу семью? И отвечаю: наверное, потому что не хотел тревожить мою подростковую психику. Лишь по истечении семидесяти лет мне удалось хотя бы частично восстановить трагическую страницу истории жизни моих предков, и все эти

70 лет документы, повествующие о их боли, лежали на архивных полках в забвении. Вот почему я решила написать книгу об этом, ибо время отдаляет и будет отдалять современников и потомков нашего рода от тех чудовищных событий. Я же хочу, чтобы мы знали историю нашей семьи, знали об этой трагедии, ведь сами репрессированные о ней уже не расскажут, и эта книга – своего рода вызов забвению.

Занявшись поисками написанного и опубликованного на эту тему, я сознательно ограничила себя рамками семейного исследования, в котором элемент субъективизма не исключаю. Из собранных материалов попыталась, хотя бы приблизительно, воссоздать картину судилища над репрессированными, с этой целью были использованы не только материалы их следственных дел, копии которых были высланы частично, но также источники электронных и литературных ресурсов. Но если бы я имела возможность ознакомиться с делами в полном объёме, то обстоятельства их необоснованных арестов, следственных мероприятий и содержания в тюрьмах были бы намного полнее и правдивее.

Некоторые события, изложенные в делах и отображённые в повести, читателю могут показаться излишне подробными, но я решила рассказать о них, так как для нас, родственников, каждая подробность, касающаяся многострадальной жизни репрессированных, имеет большое значение. Эти события значимы ещё и потому, что многие из них – если не все – ранее были нам неизвестны. Фамилии работников НКВД, проходящие по делам родственников, я привела как констатацию факта и не более того. При изучении данных Книги Памяти не могла не обратить внимания на сведения о репрессиях земляков моих предков, часть из которых также привожу в книге. Понимаю, что рассказы моего деда, его братьев и старшей сестры о тех страшных временах (останься кто-нибудь из них в живых), были бы такими же суровыми и жёсткими, как и свидетельства других очевидцев. Люди, по непонятным причинам лишённые

свободы, загнанные в тюремные камеры и лагерные зоны, униженные, сломленные морально и физически, потерявшие уважение к себе, лишались всего: семей, близких, силы воли, веры в справедливость, здоровья и часто – жизни. Немногие из них выжили, поэтому их свидетельства – это достоверный памятник жестокому террору, развязанному сталинизмом в тридцатые годы.

Ознакомившись с выписками из Книги Памяти, а также со справками о реабилитации, пришла к выводу, что все восемь человек моих родственников были репрессированы без состава преступления, то есть необоснованно, следовательно, дела на них были сфабрикованы. Сопоставив даты их арестов и расстрелов, увидела, что семь человек попали в период разгула «ежовщины», и только самый молодой из них – студент Иван Осыховский, угодивший в паузу между отставкой Ежова* и назначением Берии, был освобождён за недоказанностью состава преступления. Он вышел на свободу 11 февраля 1939 года, то есть через два месяца после смещения Ежова с поста наркома внутренних дел. «Падение Ежова и расстрел его ближайших сотрудников, а также игра Берии в прекращение беззаконий и уничтожение троек»(5), видимо так напугали сотрудников НКВД, что они на время притихли. А назначенный вместо Ежова Берия даже отменил «тройки» и выпустил на свободу часть осуждённых и отправленных в лагеря. Только мало кто знал тогда, что одновременно с упразднением «троек» под руководством Берии продолжились аресты и посадки других. Но пик Большого террора пришёлся именно на правление Ежова.

«Тройки» были сформированы согласно оперативному приказу НКВД СССР № 00447, подписанному Ежовым 30 июля 1937 года в Москве. В частности, в состав «тройки» по Западноси-

* Пост наркома внутренних дел СССР Н.И. Ежов занимал с 1936 по 1938 годы. 10 апреля 1939 года он был арестован по обвинению к подготовке государственного переворота, расстрелян 4 февраля 1940 года. Военная коллегия Верховного Суда РФ в 1998 году признала Н.И. Ежова не подлежащим реабилитации, несмотря на прошения его приёмной дочери. (По материалам Википедии, электронный ресурс).

бирскому краю были назначены: председателем – Миронов, его помощниками – Эйхе и Барков. По Свердловской области: председателем – Дмитриев, помощниками – Абаляев и Грачев(6).

Я не историк и не политолог, поэтому не делаю политических оценок. В то же время знаю, что убийство невинных людей – будь то один человек или миллионы – оправдать нельзя, поэтому и хочу рассказать о той боли, которая, не пощадив ни старых ни малых, острой косой прошлась по моим родственникам.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГРИГОРИЙ ЭДУАРДОВИЧ

I. Предыстория

В конце июля – начале августа 2011 года я побывала на малой родине – в Кыштовском районе Новосибирской области. Там встретилась с одноклассниками и нашим директором школы Раисой Павловной Климовой. Раиса Павловна поведала историю гибели кыштовских партизан, боровшихся за советскую власть против колчаковцев в 1919 году. Среди погибших я услышала фамилии первого мужа бабушки Ефросиньи – Осипа Горячкина – и его двух братьев. Партизан поймали, бросили в подвал двухэтажного кирпичного дома богатого кыштовского купца и порубили шашками. Недалеко от районного краеведческого музея стоит памятник погибшим, на его постаменте выбиты слова: «Вечная память павшим за советскую власть».

Здесь же, в Кыштовке, на мемориале Памяти погибшим в Великую Отечественную войну 1941–1945 годов, я отыскала запись и о своём дедушке по материнской линии – Иване Семёновиче Абрамове, пропавшем без вести в феврале 1943 года.

Иван Семёнович был талантливым человеком, обладал феноменальной памятью и великолепно рассказывал различные истории, декламировал стихи и сам сочинял – легко и свободно. Жили они с бабушкой Василисой в Коровинке, жили бедно. Среди односельчан Иван Семёнович пользовался большим уважением: в 1934 году его избрали председателем сельского совета. Дедушка любил охоту и рыбалку, но дети и вся домашняя работа были на бабушкиных плечах. Чтобы прокормить семью, перед войной он отправился на золотые прииски в Якутию, вернулся домой с покупками и подарками, и с того времени всегда помогал бабушке по хозяйству. Только эта счастливая пора длилась недолго: вскоре началась Великая Отечественная война, на которую деда призвали сразу же. Воевал он в десантных войсках, пропал без вести, выполняя боевое задание. В последнем

письме каждому из своих четверых детей он написал по стихотворению, будто простился с ними…

***

По прошествии пяти дней из Кыштовки я выехала в Новосибирск, затем в Томск, где предстояло встретиться с сёстрами от второго брака отца. В душе теплилась надежда на то, что при встрече с ними удастся узнать что-либо о предках по линии Осыховских и нашем происхождении. Кое-что узнать удалось, но по вопросам происхождения – прямая дорога была в Томский государственный архив.

В течение двух дней мы, четверо сестёр, работали в читальном зале архива, но ответа на свой вопрос так и не получили, ибо в первый же день стало ясно, что для этого нужно перелопатить горы бумаг. Тогда наши корни так и остались тайной за семью печатями, в то же время работники архива в своих фондах отыскали гражданское дело Григория Эдуардовича Осыховского, которое охватывало период с 1932 по 1935 годы. С трепетным чувством прикоснулись мы к пожелтевшим от времени бумагам, на которых большей частью от руки были написаны разные справки, заявления и другие документы.

Как известно, тогда людей ссылали, сажали и расстреливали за такие «преступления», как социальное происхождение, национальность, пребывание в плену, воровство в три колоска, и главное – политические взгляды, не совпадающие с курсом вождя.

Судя по документам, преследовать Осыховских власти начали с 1932 года. Причиной тому, в первую очередь, послужили, согласно формулировке НКВД, их «анкетные признаки», т.е. принадлежность к польской нации. Во вторую – то, что один из детей моего прадеда, Григорий, осмелился вести переписку с сестрой Евгенией («анкетная связь с заграницей»), которая до 1917 года вместе с мужем* – поляком по национальности – уехала в Польшу.

* Фамилия мужа Евгении – Бластик. В Молчанове он отбывал дореволюционную политическую ссылку.

Документы дела рассказали также о попытках Григория доказать властям его принадлежность к красным партизанам села Молчанова, которые в 1918–19 годах вели борьбу за советскую власть против колчаковской интервенции на территории Кривошеинского и других районов Нарымского края. Но эти попытки не смогли уберечь Григория от последующих репрессий, предпринятых этой властью. Не смогли уберечь его старшую сестру и двух братьев, не уберегли его жену и сына, а также их близких: «машина террора» настигла всех.

К началу работы над книгой я располагала только документами гражданского дела Григория Эдуардовича Осыховского из Томского государственного архива. Позже сотрудники архива прислали по почте датированную 1913-м годом выписку из ведомости по Преображенской церкви села Молчанова Томской епархии со списком прихожан, где под соответствующими номерами значились дети прадеда. Информацией о других репрессированных родственниках Томский архив не располагал, и я решила снова обратиться к Интернету. Попытка оказалась небезуспешной: на его страницах нашла протоколы допросов работников НКВД, которых в связи с реабилитацией репрессированных допрашивали следователи КГБ. Среди последних был и Анатолий Иванович Спраговский, занимавшийся реабилитацией «многих сотен жителей Томской области» в конце 1950-х – начале 1960 годов.

В книге «Поляки в Томске (XIX–XX)» В.А. Ханевич пишет: «В 1959 г. по обвинению в «клевете на руководящий состав КГБ и охаивании старых чекистских кадров» (Спраговский А.И.) был наказан строгим выговором как член КПСС, а в 1960 г. уволен из органов. В дальнейшем работал старшим следователем прокуратуры Томска, а после, преодолев многочисленные козни бывших своих начальников и их друзей, трудоустроился на режимное предприятие в Томске-7 (город Северск – Авт.), где проработал последующие 27 лет. На волне перестройки конца 1980-х гг. откровенно рассказывал о своей работе в качестве сле-

дователя КГБ в 1950-е – 1960-е гг. и своём неожиданном увольнении из ведомства, ставшего правопреемником зловещего НКВД. Причём рассказывал об этом не узкому кругу слушателей, а дал согласие на публикацию своих воспоминаний в ряде местных газет. В течение нескольких месяцев в 1991 г. его воспоминания под рубрикой «Записки следователя КГБ» привлекали внимание широкого круга читателей. Умер А.И. Спраговский внезапно в 1993 г., не закончив своих воспоминаний»(7).

О Колпашеве* своему другу Сергею Клычкову в июне 1934 года русский поэт Николай Алексеевич Клюев** писал: «Я сослан в Нарым, в поселок Колпашев на верную и мучительную смерть. Она, дырявая и свирепая, стоит уже за моими плечами. (…) Поселок Колпашев – бугор глины, туго набитый почерневшими от бед и непогодиц избами, дотуга набитый ссыльными. Есть нечего, продуктов нет или они до смешного дороги… Мерзлый нарымский торфяник, куда стащат безгробное тело мое, должен умирить и врагов моих, ибо живому человеческому существу большей боли и поругания ни убавить, ни прибавить»(8).

Ознакомившись с протоколами допросов следователя Спраговского, я решила запросить материалы архивно-следственных дел репрессированных Осыховских. Собрав пакет документов, доказывающих моё родство с ними, отослала их в УФСБ РФ по Томской и Новосибирской областям и занялась гражданским делом Григория Эдуардовича. Но, приступая к его изучению, я и предположить не могла, насколько сложной и трагической окажется история моих родственников. Изучив документы, невольно задалась вопросом, – почему Осыховские

---

* Город Колпашево расположен на правом берегу Оби в 126 км от Молчанова и в 270 км к северо-западу от Томска; является административным центром Колпашевского района Томской области.

** Н.А. Клюев расстрелян в конце октября 1937 года в Томске, реабилитирован в 1957 году. С.А. Клычков был арестован в 1937 году, приговорён к смертной казни 8 октября этого же года, расстрелян в тот же день. Реабилитирован в 1956 году (по материалам Википедии, электронный ресурс).

приняли революцию и оказались в партизанском движении в борьбе с Колчаком? Почему стали защищать советскую власть и коммунистов во время Колыванского восстания в начале июля 1920 года, преследуя таких же крестьян, как и они сами, но восставших против чудовищной продразвёрстки? Почему ещё до революции проявили сочувствие большевикам, и разве могли они предположить, что польские корни сыграют впоследствии такую страшную роль?

Вопросы, вопросы…

Тогда же подумала, что вряд ли найду на них точные ответы. Единственное, что смогу – это попытаться осветить события того времени на основе имеющихся документов.

Несколько слов о Колыванском восстании.

Восстание вспыхнуло 6 июля 1920 года в городе Колывани Николаевского уезда (теперь Новосибирской области). Оно было вызвано недовольством крестьян вводом продразвёрстки, или обязательной сдачи государству нормы продуктов. Восстание вылилось в бунт против советской власти, но в течение недели было подавлено большевиками. За обоюдную жестокость Колыванское восстание вошло в историю как «Сибирская Вандея».

По определению советской власти июльское восстание в Колывани носило тогда контрреволюционной характер, а его участники были врагами народа, поэтому Григорий и оказался в числе борцов против восставших.

В своей автобиографии Григорий Эдуардович пишет о том, что ещё до революции активно помогал ссыльным большевикам, за что был арестован и посажен в тюрьму царской властью накануне её свержения. Был арестован и Временным правительством, но уже за агитацию против Первой мировой войны, за что просидел на гауптвахте до Октябрьской революции. Там же он пишет и о большевиках-соратниках: упоминает Карла Ильмера, Михаила Леонова, Арвида Дубельштейна и других.

О них же на допросах в Новосибирской тюрьме в октябре 1937 года упоминает и мой дед Александр. Таким образом, бра-

тья дали показания о том, что они были не только близко знакомы с известными большевиками того времени, но и являлись их соратниками, одним из которых был Карл Ильмер, возглавлявший в 1918 году подпольный комитет РСДРП в Томске с целью подготовки вооружённого восстания для свержения колчаковщины. Из этого следует, что Карл Ильмер знал семью Осыховских ещё при правлении Николая II Романова, то есть со времён своей ссылки в Нарымский край.

Карл Петрович Ильмер – латыш, известный революционер, родился в 1891 году под Ригой. В 1908 году вступил в партию, в 1913-м за революционную деятельность был арестован. После длительного следствия выпущен из Рижской тюрьмы, затем с паспортом на другое имя выехал в Баку, – там вёл подпольную работу, был арестован и сослан в Нарымский край на пять лет. Через два года Ильмеру удалось бежать, и после долгих скитаний в тайге он добрался до Петрограда. Через год после Октябрьской революции, осенью 1918 года, Ильмер получает задание по восстановлению разгромленных партийных организаций в Томске и Омске. Он находит соратников по большевистскому подполью и вместе с ними приступает к подготовке восстания в тылу Колчака. Рабочие дружины должны были выступить одновременно во всех крупных городах Западной Сибири. Но 4 марта 1919 года руководители подпольного штаба, собравшиеся для уточнения плана восстания, были арестованы белогвардейской контрразведкой. Карл Ильмер и его друг Ян Бредис были замучены колчаковцами в тюрьме(9).

Карл Петрович Ильмер похоронен на Новособорной площади в городе Томске. В его честь названа улица в Ленинском районе в юго-западной части Каштака.

О другом политическом ссыльном – Арвиде Дубельштейне – упоминается на сайте администрации села Молчанова. «В годы Первой мировой войны, когда наиболее трудоспособная часть крестьянства была мобилизована в армию, в деревню (Майково) прибыла масса политссыльных. В каждой семье жило 4-5

ссыльных, их было больше, чем всех жителей Майково. Среди них – известные впоследствии большевики А.П. Дубельштейн, А.С. Басов, И.М. Дорофеев, М.А. Вейнберг, Ф.Г. Бондарчук, Т.В. Орлов и др. Ссыльные пытались помочь жителям организовать школу, общественный маслозавод, но все их попытки немедленно пресекались местными властями»(10).

Интересен также факт ссылки в Нарым* и Сталина, который был отправлен в это поселение в 1912 году на четыре года. «Сталин был в Нарыме только 39 дней, – приводит слова директора Нарымского музея в областной газете «Красное знамя» от 12.07.2003 г. Александр Красноперов. – В это время было принято решение о его побеге. Сын хозяйки дома, где жил Сталин, ночью перевёз его на лодке через протоку на пристань. Сталин сел на пароход и через 11 дней был в Женеве. Позднее Сталин назначил Якову с матерью персональную пенсию и в гости приглашал. Но они не смогли поехать». И далее Красноперов пишет: «После смерти Сталина государство втайне застыдилось пролитого им моря крови. Власти постарались стереть память о людоедских 20-40-х. Спецкомендатуры отменили. Выжившим репрессированным выдали паспорта. Пояснили лаконично и жёстко: культ личности, не массовые репрессии, а перегиб; забудьте всё. Кровавые следы замазывались. Самый известный пример – уничтожение останков репрессированных в Колпашеве, когда первого мая 1979 года обвалившийся яр открыл огромную общую могилу. (…) А несогласных и памятливых продолжали ссылать. Но без шума. Последний политический ссыльный был отпущен из Нарыма в 1989 году! На пятом году гласности, ускорения и перестройки – 14 лет назад (от 2003 года – Авт.)»(11).

Но вернёмся к семье Осыховских.

Не во время ли ссылки большевиков в Нарымский край они прониклись симпатией к борцам против «тиранов» – царей? Может быть. И всё же основной причиной их симпатии к большевикам, на мой взгляд, явилось то, что на них, как на детях

* Поселение, основанное в 1596 году как Нарымский острог.

ссыльного, висело это же самое клеймо. Поэтому – предполагаю – Осыховские безоговорочно приняли революцию, а потом и новую власть, на которую возлагали большие надежды и даже верили, что она примет их в своё лоно не как потомков политического ссыльного, а как своих граждан. И не только примет, но будет уважать их права и свободы, будет защищать их. Но семья Осыховских даже и предположить не могла, что сталинская репрессивная машина, наоборот, воспользовавшись принадлежностью её главы к польской нации, его статусом политического ссыльного, не только проигнорирует участие его детей в партизанском движении против Колчака, но многих её членов сочтёт за шпионов и диверсантов и погубит их. Имея за плечами немалый опыт содействия советской власти, вряд ли Осыховские понимали тогда, чем они провинились перед ней. Так переплелись три эпохи, через которую прошла эта семья: эпоха польских восстаний середины XIX века, эпоха Первой мировой войны с последовавшей Октябрьской революцией и Гражданской войной в России и эпоха жестокого и бессмысленного террора тридцатых годов в стране Союза Советских Социалистических Республик.

II. Автобиография

Дело Григория Эдуардовича из Томского государственного архива содержало в себе как рукописные документы, так и машинописные. Некоторые рукописные читались без труда – это, как правило, небольшие справки или объяснительные. Отдельные слова других документов прочесть было невозможно: мешали исправления в тексте, помарки и выцветшие чернила. Немногочисленные машинописные документы читались легче.

Особую трудность в расшифровке доставил главный документ – автобиография Григория, написанная красными чернилами мелким неровным почерком на четырёх тетрадных страницах. Самую большую трудность доставила последняя, четвёртая страница, торопливо исписанная и почти не поддаю-

щаяся расшифровке: или Григорий Эдуардович сам торопился, или его торопили, во многих местах расплылись чернила.

Хронология в подшивке документов не соблюдена, я постаралась восполнить этот пробел, расположив их строго по годам, где это было возможно. Но в автобиографии дата не была проставлена, и поэтому я решила выставить её первой. Стиль, орфографию и пунктуацию документов сохранила подлинными, лишь некоторые из них представила с соблюдением оных.

От начала до конца пакет документов свидетельствует об одном: желании Григория жить, а точнее, выжить в тех страшных условиях, в которые попали тогда миллионы простых, ни в чём не повинных граждан.

Травили Григория несколько лет, начиная с 1932 года, и даже то алиби, которое он собрал тогда, чтобы доказать властям свою принадлежность к красным партизанам, не помогло: вершители судеб на него не обратили внимание. Из подшивки документов видно, с каким невероятным усилием Григорий противостоял подозрениям, а потом и преследованиям, суть которых он не понимал; как боролся за жизнь, как цеплялся за любую возможность, чтобы доказать, что он достойный гражданин своей родины, что имеет право на жизнь.

Автобиография Григория Эдуардовича Осыховского
(Томский государственный архив)

Первая страница

Родился 1894 г.* ноября 24 дня в Молчановском с(ель)совете того же села. Отец был бывший ссыльный, его социальное происхождение рабочий-столяр. Я по смерти отца с 1911 г.** пошёл грузчиком. С 1914 г. женился, стал заниматься охотой и рыболовством. Семья моя состояла из 4-х человек: жена и двое детей***.

---

* В метрической книге Молчановского архива год рождения Григория Эдуардовича обозначен как 1893-й. Почему в автобиографии указан 1894-й – неясно.

** Брат Григория Александр (мой дед) после ареста на первом допросе укажет другой год смерти отца – 1913-й. Разночтение, возможно, объясняется ошибкой в записи протокола.

*** Жена – Марфа Никитична, дети – Иван и Августа.

В 1915 г. познакомился со ссыльными политическими (…), часто брал читать у них политические книги. Они неоднократно поручали мне перевозить книги в Майково, (неразборчиво) посёлок, и передавал я политическим ссыльным во время побегов. Ссыльным большевикам я помогал и в 1916 году.

В Ново Сибирском (Новосибирске) я находился на службе в царской армии, работал в организации подпольной с … (непонятно) и Башмаком. В 1917 был арестован с ними вместе и сидел в тюрьме 16 суток до свержения царской власти (15 марта 1917 г. по старому стилю – Авт.). В 1917 г. в августе месяце был арестован Временным правительством за агитацию против войны (Первой мировой – Авт.) и посажен в 18 полку в гарнизонную гауптвахту в одиночку, где просидел до Октябрьской революции (до 26 октября 1917 г. по старому стилю – Авт.). В 1918 году с марта месяца по приезду Петра (фамилия непонятна), бывшего политического большевика, меня причислили в помощь к начальнику Красной Гвардии тов. Голдовскому, где я находился по июнь месяц 1918 года (Приложение №1).

Вторая страница

Где я делал первое выступление с оружием в руках о защите арестованного тов. Голдовского, которому удалось сделать побег от белых, после чего белые банды усилились.

Прибыл из Томска большевик Леонов – участник совета рабочих и солдатских депутатов в Молчанове. Леонов Михаил, и он же Журба, имел связь с Томскими большевиками.

В 1918 году, в 1-х числах июля, я получил из Томска секретное письмо через одного матроса на имя Леонова, где было поручено во что бы то ни стало (дать) продуктов и помощи едущим товарищам. Я взял эту ответственность на себя, снабдил их хлебом. Когда выехали из села Молчанова в лодках, … хватать как большевиков… (далее непонятно). Мы с братьями моими вооружились и спасли едущих. Везли на … (неразборчиво) оружие и обмундирование бежавшим большевикам.

В январе месяце 1919 года я подружился с нелишенцем

Ильёй*, после чего к нему приехал большевик, бывший ссыльный Ильмер – мой старый знакомый. Я вёл подпольную работу по части восстания вместе с Леоновым**. В это же время получил поручение в марте месяце 1919 года выехать в г. Томск на восстание, но вскоре получили опять письмо – мне остаться в Молчанове, а Леонову выехать на плотбище по Чулыму и организовать отряд. Леонов выехал в Чулым, я остался в Молчанове.

Третья страница

… военного вместе с Карлом Ильмером, Карнетом Иваном, бывшим ссыльным политическим. Мы выехали в район по латышам, стали приглашать в отряд, а также занимались покупкой оружия. Но дело было неудачно: латыши не пошли в отряд. Часть винтовок купили, часть нам отдали бесплатно. Я взял на себя поручение отправить винтовки Васильевым в г. Томск, что я и сделал. После чего в Томске организацию раскрыли и всех казнили. После этого из села Чулыма приехал Леонов, и мы решили ехать в отряд Лубкова.

Мы поехали в обласе по Чулыму (деревянной долблёной лодке – Авт.), доехали до Верхней … (неразборчиво), и нас настиг отряд белых пароходом Ермака***. Обстреляли нас, где мы вывернулись из обласа и потопили своё оружие. После чего вернулись обратно в Молчаново, где отряды белых усилились, и Леонову жить было нельзя. Я его и своего брата (Александра Осыховского – Авт.) послал за Бакчар на Чанку в тайгу, а сам дал обещание остаться в Молчанове и организовать отряд или посылать большевиков к ним на Бакчар. Восемь человек бежав-

---

* Предположительно – с Ильёй Пилипенко, жителем села Молчанова, квартира которого была на тот момент явочной.

** Речь идёт о подготовке к мартовскому восстанию в тылу Колчака по заданию Карла Ильмера.

*** Бронированный колчаковский пароход. Наряду с «баржами смерти» «Белая», «Вера» и №4, «Ермак» ходил по Иртышу, Оби и Чулыму, сея на своём пути смерть. По приблизительным данным в плавучих тюрьмах было замучено около 10 тысяч сторонников советской власти (по материалам молчановской газеты «Знамя» от 01.09.2009 г.).

ших большевиков я одел, обул, снабдил продуктами и отправил … (неразборчиво), после чего я решил достать себе оружие.

Четвёртая страница

Познакомился с большевиком… (неразборчиво) и Лошаковым* ночью у одного крестьянина, – они приглашали меня в свой отряд.

В октябре м-це 1919 года я решаюсь взять у отряда белых оружие. 18 октября 1919 года влезаю в окно, где находились 12 человек колчаковцев, забираю 5 винтовок, 2 револьвера и 3 подсумка с патронами. Отрядом было услышано моё вылезание из окна, кинулись за мной в погоню. Мне удалось захватить с собой две винтовки, один револьвер и часть патронов, я отстреливался и по мне стреляли, где был ранен невредно в руку. Забежал я в болото, где просидел в воде целую ночь, после чего скрылся совсем из Чановой, зашёл в отряд Лошакова, где и забрали колчаковскую милицию и выбили белую свору, а также задержали много белых.

Подпись: Осыховский.

В автобиографии Григорий Эдуардович упоминает о Лубкове (1883–1921). Сведения, которые я нашла о нём, неоднозначны: с одной стороны Пётр Кузьмич Лубков весной, летом и осенью 1919 года активно действовал в Причулымье и Зачулымье во главе партизанского отряда против белогвардейцев, но уже через год – в сентябре 1920 года – поднял вооружённое восстание Ксеньевских** крестьян против продразвёрстки, проводимой Советской властью. Восстание было подавлено, после чего Лубков партизанил в тайге в качестве «белых партизан». 23 июня 1921 года в результате операции отряда ВЧК*** Пётр Лубков был убит. Таким образом, в советской истории Лубков характеризуется как враг народа, но сегодня существует и другая точка зре-

* Павел Васильевич Лошаков после установления советской власти в Молчанове в декабре 1919 года был избран членом ревкома.

** Село Ксеньевка – ныне город Асино Томской области.

*** Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, предшественница ГПУ, ОГПУ, НКВД.

ния, которая утверждает, что Пётр Кузьмич Лубков пал жертвой большевистского террора.

III. Гражданское дело

В течение трёх лет с помощью различных справок и заявлений Григорий Эдуардович пытался доказать властям своё участие в партизанском движении против колчаковцев. Почему он собирал эти доказательства? Потому что подвергся преследованиям со стороны властей, и это – несмотря на то, что он и его братья находились по одну сторону баррикад с известными большевиками, среди которых были Михаил Леонов и Карл Ильмер. Но на это власти не обратили внимания, или не захотели обратить, – им видимо не давала покоя переписка Григория с сестрой Евгенией, которая в это время жила в польском городе Лодзи («анкетная связь с заграницей»).

Итак, документы. В их пакет вошли: справка о переименовании улицы в Молчанове в честь братьев Осыховских, справки соратников Григория Эдуардовича по борьбе с колчаковской реакцией, подтверждающие его участие в их отрядах, обращения Григория во властные структуры по поводу выдачи книжки Красного партизана, их ответы, а также протокол заседания властей с ходатайством Григория о его зачислении в списки «бывших Красных Партизан». Документы привожу в оригинале, но там, где смысл понять трудно, даю отредактированные варианты.

1. Справка (рукопись)

Дана настоящая Молчановским с/с Осыховскому Григорию Эдуардовичу в том что действительно в честь его и братьев дано название улицы на которой оне проживали вовремя Колчака Партизанская в чём и удостоверяет Молчановский с/с.

Председатель. Подпись, печать.

6/III.32 г. (Приложение №2).

Отредактировано:

Справка

Дана Молчановским сельским советом Осыховскому Григорию Эдуардовичу в том, что в его честь и честь его братьев переименована улица, на которой они проживали во время бело-колчаковской интервенции. Улице присвоено название «Партизанская».

В чём и удостоверяет Молчановский сельский совет.

06/III.1932 г.

2. Справка 1932 года 11 июля (рукопись)

Дана настоящею граж(данину) с(ела) Молчаново Григорию Эдуардовичу Осыховскому в том, что он принимал активное участие в моём партизанско-повстанческом отряде в 1919 году в ноябре и декабре м-це против белых бандитов и колчаковской милиции, все оперативно-военные задания выполнял аккуратно и своевременно, в чём и расписуюсь.

Член партии с 1920 года, п(арт)/б(илет) № 528955, Лошаков.

11|VII-32 г.

В неподложности подписи Лошакова управляющий Колпашевской конторой удостоверяет.

Управляющий конторой, подпись. Печать (Приложение №3).

3. Справка (рукопись)

Дана настоящая Осыховскому Григорию Эдуардовичу в том, что я его знаю с 1918 года, участвовал в 1919 году в ноябре и декабре в постанческом партизанском отряде в Молчанове. В июльское востание Осыховский участие активное принимал и оказывал всемерное по ликвидации востания Колыванского нам комунистам, в 1918 году работал я с ним вместе на плотбище Иванцовское на лесозаготовках.

Осыховский вёл агитоционную работу среди рабочих за большевиков.

К сему подписуюсь (подпись неразборчива).

4. Справка – копия (рукопись)

Осыховского Г.Э. знаю с 1916 г. как человека революционного настроеного, дружившего с политическими ссыльными.

Во время колчаковщины он содействовал многим товарищам скрыватся. Совместно с Майковцами принимал участие в освобождении арестованного, шедшего этапом в Томск из Нарыма. Я после падения сов.власти в Томске скрывался в с. Молчанове и когда был выявлен, благодаря перехваченой переписке, тов. Осыховский оказал мне содействие скрытся за реку Бакчар. Считаю т. Осыховского вполне советским человеком, не чуждым нашей партии.

Член В.К.П. с 1915 года – Леонов, п/б № 697014*.

Подпись тов. Леонова удостоверяю. Подпись.

Копия верна, свидетельствует Кривошеинский с/с.

Зам. (неразборчиво). Подпись, печать.

5. Справка (рукопись)

Дана т. Осыховскому Григорию Эдуардовичу в том, что я его знаю.

С 1918 года по 1919 год он участвовал действительно в борьбе с белыми бандами с оружием в руках и делал помощь большевикам. Также помог скрываться партизанам, которым дал свою одежду и увёз за Бакчар. Тов. Осыховский был в партизанском отряде, где руководил группой партизан. В том же отряде тов. Осыховский действительно выполнял поручения начальника отряда, например, было поручение тов. Осыховскому задержать идущий к Молчанову отряд. Как я знаю, тов. Осыховский отдавал всё для революции и вполне заслуживает звания Красного Партизана, в чём и даю настоящую справку.

Т. Осыховского в его борьбе с колчаковцами знает всё наше Молчаново.

К чему и подписуюсь. Подпись: Черкашин**.

---

* Номер партийного билета Михаила Леонова фигурирует также и в деле брата Григория – Александра Эдуардовича Осыховского

** Братья Черкашины упоминаются на сайте администрации села Молчанова в разделе, посвящённом селу Майково. Г.С. Черкашин в 1924 году являлся членом комсомольской ячейки, Изот Сергеевич Черкашин как враг народа был арестован в октябре 1937 года, расстрелян через два месяца после ареста, реабилитирован в апреле 1958 года (см. выписки из Книги Памяти в Приложении).

Кандидат ВКПб с 1931 года. Канд(идатская) карт(очка) 26763.

6. Заявление (рукопись)

Общий отдел секретариата РИКа Кривошеинского (революционного исполнительного комитета – Авт.).

Осыховский Григорий Эдуардович

Заявление

Прошу заменить мне прилагаемые 3 справки о моём партизанстве и выслать партизанскую книжку.

Адрес: Молчаново Кривошеинского РИКа, Осыховскому Г.Э.

8.10.32 г. Подпись: Осыховский.

7. Молчановскому с(ель)/совету от 11.10.32 г. (рукопись)

Гр(аждани)ном вашего с(ельского) с(овета) Осыховским Г.Э. подано заявление в райисполком об признании за ним звания Красного партизана, о чём прилагает соотв(етствующие) документы.

Вам надлежит об этом объявить населению, и в случае у кого из гр(ажда)н или организаций будут возражения, они должны подать срочно свой протест в письменном виде через с(ель)/совет или непосредственно в РИК до 20.10. с(его) г(ода)*.

Пред(седатель) РИКа: подпись. Кроме этой, – ещё две подписи.

8. Справка (рукопись)

Дана т. Осыховскому Григорию Эдуардовичу в том, что в 1918 году с марта по июль принимал участие с оружием в руках против белых в Молчановском отряде красной гвардии, а также с октября 1919 года в (неразборчиво) красной гвардии революционного отряда. С октября и до ликвидации колчаковцев участвовал с оружием в руках в Молчановском рев(олюционном) отряде.

* Несмотря на то, что Григорий один за другим предъявляет доказательные документы своего участия в партизанском движении, РИК предлагает сельскому совету выявить у населения всевозможные «протесты и возражения». Но с каким мотивом и как объявлялось «об этом» населению – неизвестно.

Партизанское удостоверение № 3 – Голдовский Пётр Аввакумович*.

Подпись: Голдовский 02|VI.1933 г.

Неподложность подписи Голдовского Соколовский с(ельский) совет свидетельствует.

Председатель с(ель)совета: подпись неразборчива (так в документе).

С подлинником верно. Печать.

Пред(седатель) Молчановского сельсовета: подпись.

Секретарь: подпись.

9. Заявление Осыховского Григория Эдуардовича села Молчаново (рукопись)

Прошу на моё заявление ответить. На мною поданное заявление в 1932 году в октябре месяце и приложенные к заявлению справки о признании меня партизаном почему-то до сих пор не получено никаких результатов. Прошу тов. Харина сообщить скорее. Если будет несообщение, я буду писать через газету «Сов(етский) север».

… 1934 г.

10. Председателю Молчановского сельсовета Тов. Коргапольцеву, … апреля 1934 года (машинопись)

Предлагается немедленно выслать все материалы по поводу подачи заявлений тов. Осыховского о признании за ним права бывшего партизана. Высылке подлежат выписка из протоколов общего (общих) собраний в части объявления отдельных выступлений и т.д., а также все письменные заявления, поступившие к Вам в связи с вышеуказанным.

Исполнение ожидается к 15.04. с(его) г(ода).

Ответсекретарь РИКа – подпись: Харин.

---

* В Книге Памяти имеются сведения о Самуиле Аввакумовиче Голдовском 1881 года рождения, который проживал в селе Соколовке Парабельского района Томской области. Арестован 13 декабря 1937 года, расстрелян через 25 дней после ареста, реабилитирован в июне 1958 г. (см. выписки из Книги Памяти в Приложении). Не исключено, что имя «Пётр» в справке указано ошибочно.

11. Кривошеино т. Степанову
21|VIII.1934 г. (рукопись)

Прими меры – разобрать заявление Осыховского об установлении участия его (в) партизанском движении, которое по его заявлению Вами… (окончание не вошло в копию).

12. Протокол от 23.11.1934 г. (машинопись)

С Л У Ш А Л И: ходатайство о зачислении в списки бывших Красных Партизан.

1. Осыховский Георгий Эдуардович (правильно Григорий – здесь и далее правки автора), рождения 1894 г. в с. Молчаново Кривошеинского района Запсибкрая, из крестьян, в данное время служащий, член Профсоюза, работает зав. Молчановским отделением Сибпушнины, имеет справку члена ВКПб Ломакова (Лошакова) о том, что Осыховский участвовал в партизанском отряде Лотонова (Леонова?) в ноябре-декабре 1919 г.

2. Говорит ОСЫХОВСКИЙ (изложено в интерпретации служащего, стиль сохранён).

В революции я участвовал в 1917 г., сидел в тюрьме в с(еле) К-не (Кривошеине?). В 1917 г. в июле я прибыл для пропаганды в с. Молчаново по поручению, дабы удерживать народ, чтобы не шёл за Колчака.

При Временном правительстве в 1917 г. был в вооружённой схватке с Керенской Милицией. Нас было 6 человек. После явился в Уездную Милицию, был посажен в тюрьму, где просидел до октября 1917 г. (по старому стилю – Авт.) Освободился и выехал в Молчаново, где (находился) под командой Голдовского. В мае м-це 1918 г. арестовали Голдовского, где я его выручил из рук колчаковцев. В это время прибыл из г. Томска большевик-подпольщик Леонов, который давал мне поручения по укрытию большевиков, по отбору оружия и т.д.

В 1919 г. в мае из Москвы прибыл Карл Ильих (Карл Ильмер). Для организации восстания встретились в Молчаново, он дал мне поручение организовать отряд, приобрести винтовки и т.д. Выезжал в пос(ёлок) Малиновку, где отряд не удалось орга-

низовать, но собрал 5 винтовок. Из-за репрессии поехали в отряд Лупкова (Лубкова) по Чулыму, по дороге нас разбили, и мы разошлись. Вернувшись с Чулыма, я вступил осенью 1919 г. в Чаинском районе в отряд под командой Лашакова (Лошакова), было нас 28 чел. Из Чаинского района наступали на с. Молчаново. Второго ноября в с. Молчаново взяли всю Милицию, 5 ноября выехал я с отрядом для задержки идущего белого отряда, этот отряд мы обезоружили в Молчанове 10 декабря в 1919 г.

3. ПОСТАНОВИЛИ: В виду того, что ОСЫХОВСКИМ не доказано документальным его участие в партизанском отряде и отсутствия сведений об оперировании партизанского отряда ЛОПКОВА (Лубкова) в 1919 г. на территории Чаинского района – ОСЫХОВСКОМУ в ходатайстве о выдаче удостоверения Красного Партизана – **ОТКАЗАТЬ**. (Выделено автором; подписи в копию постановления не вошли).

В этом судьбоносном для Григория Эдуардовича документе официальными лицами допущено множество ошибок – как в языке, так и по сути. Что касается второго, то, во-первых, искажено его имя: вместо Григория фигурирует имя Георгий – последнее так и перешло в Книгу Памяти репрессированных по Томской области. Искажены также фамилии его соратников по борьбе с колчаковцами: Карл Ильмер записывается как Карл Ильих, Лубков – как Лопков, Лошаков – как Ломаков. Видна нестыковка и в датах событий: в автобиографии (страница вторая) Григорий говорит о прибытии Ильмера в Молчаново в начале 1919 года, тогда как данный документ свидетельствует о прибытии Ильмера в мае. Но Карл Ильмер был арестован колчаковцами в марте 1919 года и прибыть в мае в село уже не мог, поскольку к этому времени был замучен при пытках в колчаковских застенках.

На следующий день после объявления Григорию Эдуардовичу вердикта постановления ему должно было исполниться 40 лет, в это время его жене Марфе было 36 лет, их детям – Ивану и Августе – 17 и 19.

IV. В праве на жизнь отказано

Таким образом, многочисленные свидетельства очевидцев, которые подтвердили деятельность Григория Эдуардовича Осыховского в пользу советской власти, ею во внимание приняты не были.

Были проигнорированы следующие документы:

1. Удостоверение от 06.03.32 г. Молчановского сельского совета в том, что в честь партизанского движения братьев Осыховских улица, на которой они проживали в селе Молчаново, переименована в «Партизанскую» (документ № 1).

2. Свидетельства Лошакова, Леонова, Черкашина и Голдовского о причастности Григория к партизанскому движению (документы №№ 2, 4, 5, 8).

Напомню отрывки из них:

«… в его честь и честь его братьев переименована улица, на которой они проживали во время бело-колчаковской интервенции», – документ № 1, подтверждён свидетельством Молчановского сельского совета и печатью.

«… он принимал активное участие в моём партизанско-повстанческом отряде» – док. № 2, свидетельство Лошакова, подтверждённое управляющим конторой и печатью.

«… тов. Осыховский помог мне скрыться за реку Бакчар» – док. № 4, свидетельство Леонова, подтверждённое Кривошеинским сельским советом и печатью.

«… в 1918 году с марта по июль принимал участие с оружием в руках против белых» – док. № 8, свидетельство Голдовского, подтверждённое председателем Молчановского сельского совета и печатью.

«... Как я знаю, тов. Осыховский отдавал всё для революции и вполне заслуживает звания Красного Партизана. Тов. Осыховского в его борьбе с колчаковцами знает всё наше Молчаново» – док. № 5, свидетельство Черкашина.

Кроме того, в постановляющей части протокола № 12, в ко-

тором также допущена путаница фамилий и нестыковка в датах событий, власти указали на то, что в деятельности Григория якобы отсутствовали «сведения об оперировании партизанского отряда Лопкова в 1919 г. на территории Чаинского района». Но в автобиографии Григорий прямо говорит о том, что вместе с товарищами он намеревался выехать в отряд Лубкова. «Мы решили ехать в отряд Лубкова, – пишет он. – Мы поехали в обласе по Чулыму, доехали до Верхней …, нас настиг отряд белых пароходом Ермака. Обстреляли нас, где мы вывернулись из обласа и потопили своё оружие». Об этом же в своих воспоминаниях говорит и М.Н. Леонов.

«Следует отметить, – пишет А.В. Гаврилин в журнале «Церковь и время» № 52, – что судебно-следственные материалы 1940–1941 годов изобилуют большим количеством грамматических ошибок, описок и опечаток, искажениями имён, фамилий, духовных санов и званий, нарушениями хронологического и тематического порядка комплектации следственных дел и др. После разоблачения культа личности Сталина прошла волна прокурорских проверок законности арестов по «политическим статьям» УПК РСФСР (уголовно-процессуального кодекса – авт.). Эти проверки выявили вопиющие нарушения процессуальных норм следствия и суда» (12). Судя по характеру ведения дел репрессированных Осыховских, судебно-следственные материалы изобиловали ошибками, начиная уже с 30-х годов, а может, и раньше.

Документы, которыми я располагала работая над книгой, свидетельствуют о том, что в партизанском движении против колчаковщины вместе с Григорием и Александром участвовали также их братья Игнатий и Николай. О последних стало известно из рукописи Михаила Никитича Леонова, часть которой вошла в эту книгу. Таким образом, все братья Осыховские, кроме Игнатия, попали под молох Большого террора, не ушли от бессмысленной кары и другие члены этой семьи. Игнатию Эдуардовичу удалось избежать репрессий лишь только потому, что он не дожил до этого страшного времени: умер в 1935 году в

возрасте 56-ти лет, причина смерти неизвестна. Мы знаем, что он женился в 23 года на восемнадцатилетней «инородческой девице* юрт Чабановых**» Тюделековой Анне Ильиничне, воевал в Первую мировую войну, был пленён, вернулся домой в 1921 году, работал в Молчанове в кредитном товариществе, после – заведующим заготзерна***. И неизвестно, знала ли Евгения о репрессиях, которым подверглись её братья и сестра в Молчанове, знают ли сейчас её потомки об этом? На эти вопросы ответа нет.

С момента, когда Григорию Осыховскому вынесли последнее постановление с отказом выдачи удостоверения «Красного Партизана», и до его ареста оставалось два года, семь месяцев и семь дней.

V. Арест

Днём ареста Григория Эдуардовича в Книге Памяти репрессированных значится дата 30 июня 1937 года, ордер на арест сроком на одни сутки выписан 28 июня (Приложение №4). Сотруднику окружного отдела НКВД поручалось «произвести обыск и арест гр(ажданина) Осыховского Григория Эдуардовича», а «всем органам Советской власти и гражданам СССР» надлежало при этом «оказывать законное содействие предъявителю ордера при исполнении им возложенных на него поручений».

В копиях документов на репрессированных родственников, полученных мной из УФСБ РФ по Томской и Новосибирской областям, фамилии работников НКВД и свидетелей, проходивших по их делам, большей частью вымараны. Лишь в отдельных случаях они сохранились частично или полностью. Отсутствуют также показания свидетелей, протоколы очных ставок и «заверенные выписки» из протоколов заседания «тройки» с изло-

* Девица, принадлежащая к одной из малых народностей, скорее всего к остякам.

** Позднее – деревня Чабаново Молчановского района.

*** Зернохранилище.

жением приговоров, которые, согласно оперативному приказу НКВД № 00447 от 05.08.1937 г., являлись основанием для приведения их в исполнение. В то же время анкеты арестованных с их автобиографическими данными представлены полностью, и поскольку этой информацией мы, потомки, до сего времени не располагали, то их содержание привожу подробно. Представлены также протоколы допросов и справки о реабилитации.

В отношении Григория Эдуардовича УФСБ РФ по Томской области первоначально представило следующие краткие сведения:

«В соответствии с документами дела Осыховский Григорий (Георгий) Эдуардович, ноябрь 1894 г.р., уроженец с. Молчаново Кривошеинского района Нарымского округа Западно-Сибирского края (ЗСК), поляк, гражданин СССР, беспартийный, образование – грамотный, из семьи рабочих, женат. На момент ареста проживал по месту рождения, работал заведующим отделением Молчановского отделения Запсибторга. Арестован 30 июня 1937 года Нарымским окружным отделом УНКВД СССР по ЗСК как активный участник контрреволюционной кадетско-монархической эсеровской организации «Российский общевоинский союз», готовившей вооружённое восстание против Советской власти. Содержался под стражей в тюрьме в г. Колпашево».

Городок НКВД в Колпашево был построен в середине 30-х годов на месте бывшего пустыря. «Располагался он на пересечении улицы Ленина (раньше она называлась иначе) и улицы Дзержинского. Центральное здание, двухэтажное, сложенное из бруса, – стояло торцом к улице Дзержинского. Здесь было парадное крыльцо. Здание окр(ужного) отдела НКВД со слов очевидцев событий находилось в 30-40 метрах от берега Оби, окружённое примерно трёхметровым забором по периметру 150х150 метров. Наверху, кроме того, была натянута колючая проволока. Над забором возвышались три сторожевые вышки. Недалеко от здания НКВД находилось здание тюрьмы, состоящее из шести камер. Здесь содержались арестованные и приго-

ворённые к расстрелу. Здесь же, в одной из камер, приводились в исполнение приговоры «двоек», «троек» и Особого совещания. Ворота, выходившие на улицу Дзержинского, всегда были заперты. Да и через двери парадного крыльца редко кто заходил в дневное время внутрь. Таким молчаливым и мрачным здание НКВД запомнилось большинству колпашевских старожилов»(13).

На четвёртый день после ареста на Григория Эдуардовича была заполнена анкета (Приложение №5), а спустя девятнадцать лет, старший следователь КГБ А.И. Спраговский допросил бывшего сотрудника Нарымского окружного отдела НКВД Г.Н. Худякова, который, полагаю, и был причастен к делу Григория Эдуардовича.

Согласно анкете, Григорий родился 24 ноября 1894 года, национальность и гражданство – русский, хотя на допросах фигурирует как поляк. С воинского учёта на момент ареста снят по возрасту, по профессии – специалист по пушнине, паспорта не имел, «социальное происхождение – рабочий». Его отец Эдуард Иванович занимался столярным ремеслом. Семья Григория имела половину дома по улице (предположительно) Кооперативной в Молчанове, вторую половину дома занимал его брат Николай с семьёй. Трудовую деятельность Григорий начал с семнадцати лет – работал грузчиком сначала в родном селе, потом в городе Томске. В 1916 году в возрасте 22 лет был призван в царскую армию, дома в это время остались жена Марфа и годовалая дочка Августа. Служил в Новосибирске в 17-м строевом полку до 1918 года рядовым, – так записано в анкете, хотя на допросе от 31 июля 1937 года Григорий покажет, что служил старшим унтер-офицером и имел два Георгиевских креста за боевые отличия. После революции занимался рыболовством, после 1929 года работал в системе «Сиб. пушнина». Окончил три группы сельской школы, в 1935 году – курсы заведующего отделением «Сиб. пушнина». В партии не состоял, в белых и других контрреволюционных армиях не служил, в бандах не

участвовал, «репрессиям при Соввласти (судимости, арестам) не подвергался», особых примет не имел. Состав семьи: жена – Марфа Никитична 39 лет, сын Иван 19 лет, «жили на фамилии Осыховские в селе Молчаново Западно-Сибирского края». На этом содержательная часть анкеты заканчивается, о дочери Августе не упоминается, – возможно потому, что к этому времени она имела свою семью.

На первый допрос Григория вызвали 5 июля 1937 года, вёл его оперуполномоченный четвёртого отдела УНКВД Западно-Сибирского края (фамилия вымарана).

– Расскажите, как вы попали в Нарымский округ ЗСК? – был первый вопрос сержанта.

– Я являюсь уроженцем села Молчаново, и больше нигде не проживал.

– С кем вы имели хорошее знакомство в селе Молчаново?

– У меня хорошее знакомство со всеми служащими села Молчаново, – отвечал Григорий Эдуардович.

Из допроса видно, что сержант задаёт обычные вопросы о знакомых арестованного, хотя на его знакомых мог указать любой житель Молчанова. Аналогичная заинтересованность «в хороших знакомых» встречается и в других следственных материалах, опубликованных на электронных ресурсах.

На следующий допрос Григория привели 25 июля, в воскресенье, и в этот же день, то есть через три недели после ареста, ему предъявили обвинение, а именно: «1. Является активным участником эсеро-меньшевистской диверсионной террористической организации. 2. Был завербован Мориловым – командиром взвода повстанческого полка. 3. Получил задание вести вербовку. 4. Для повстанческих целей приобрёл и хранил оружие». (Из статьи В.Н. Харитонова «Как это было…», газета «Знамя Коммунизма», 31.05 и 12.06.1990 г., с. Молчаново). На этом допросе, судя по документам, обвиняемому был задан всего один вопрос:

– Вам предъявлено обвинение в том, что вы являетесь активным участником эсеровско-монархической, повстанческо-тер-

рористической К(онтр)Р(еволюционной) организации. Признаёте вы себя в этом виновным?

И получен один ответ – самый главный:

– В предъявленном обвинении виновным себя не признаю и заявляю, что я никогда ни в какой эсеровско-монархической, повстанческо-террористической К.Р. организации не состоял и даже ни от кого не слышал, что такая существует в Кривошеинском районе или другой местности (Приложение №6).

VI. Третий допрос

В субботу 31 июля Григория Эдуардовича доставили на очередной допрос. К этому времени оперуполномоченный 3-го отделения Нарымского окружного отдела НКВД и его помощник, сотрудник 4-го отдела УГБ УНКВД (фамилии вымараны), располагали «изобличением» некого гражданина «в причастности» Григория к преступной контрреволюционной организации» (Приложения №№ 7,8). Оно прозвучало восемнадцатью днями раньше – им Григорий и был подведён к признанию своей мифической вины.

Фрагменты допроса:

«– Вы служили в царской армии?

– Да, служил с 1914 по 1917 г.

– В каком чине?

– Старшим унтер-офицером.

– Участие в русско-германской войне принимали?

– Да, принимал.

– Какие имели награды?

– В русско-германскую войну за боевые отличия на фронте имел два Георгиевских креста.

– Кто у вас из родственников проживает за границей?

– Сестра Евгения Эдуардовна, живёт в Польше, город Лодзь.

– Как и когда она туда попала?

– В 1910 г. в нашем селе Молчаново проживал политический

ссыльный (Бластик), который женился (на Евгении), и она с ним уехала в Польшу.

– К какой политпартии принадлежал б(ывший) политссыльный (Бластик)?

– Он был бундовец*, а впоследствии перешёл в партию социал-демократов меньшевиков.

– Вы имели с ним переписку?

– Да, имел. Я вёл с ним переписку через сестру (далее вымарано).

– Расскажите о характере вашей переписки.

– Переписка носила исключительно бытовой характер.

– Вы говорите неправду. Он в письмах к вам касался и политических вопросов? (Ловкий переход на давление по отношению к обвиняемому: с одной стороны – утверждение о «неправде», с другой – будто бы вопрос – Авт.)

– Я не отрицаю, что он иногда писал и по политвопросам, но очень осторожно.

– О чём же он вам писал?

– В своих письмах он осуждал политику партии и проводимые мероприятия соввластью, клеветал на руководителей партии и правительства.

– Как вы ему отвечали?

– Я писал о ходе коллективизации, о выселении кулачества и по ряду других вопросов.

– Отвечайте конкретно, какой характер носили сообщённые вами факты!

– Сообщал я ему об этом в грубо извращённых красках и давал понять, что я также враждебно настроен против соввласти.

– До какого года вы вели переписку с (Бластиком)?

– До 1935 года.

– Почему прекратили?

---

* БУНД – еврейская социалистическая партия, действовавшая в России, Польше и Литве от 90-х годов XIX века до 40-х годов XX века. В настоящее время группы бундистов существуют в США, Канаде, Австралии, Израиле и Великобритании. (Из Википедии, электронный ресурс).

– (Бластик) мне сообщил, что по неизвестным для него причинам последнее время мои письма до него не доходили. Я из осторожности – не навлечь на себя подозрений – переписку с ним прекратил.

– Вы обвиняетесь как активный участник к(онтрреволюционной) эсеровско-монархической, повстанческо-террористической организации. Признаёте себя в этом виновным?

– Да, признаю».

***

Остаётся предположить, что «грубо извращённые краски» и «враждебное настроение против соввласти» в ответах Григория появились после его соответствующей обработки. Далее, отвечая на вопросы оперуполномоченного, Григорий Эдуардович описывает все козни против «соввласти», которые он якобы совершал по заданию «бывшего военного чиновника». Последний будто бы вёл разговор «о событиях в Испании и сказал, что скоро Испания будет побеждена Германией и Италией, а после этой победы начнут войну против соввласти. (…) Затем сообщил, что в Нарымском округе, а также в городах Западно-Сибирского края под руководством б(ывших) военных людей проводится работа по созданию повстанческой организации, для этой цели формируются повстанческие полки, которые должны будут с оружием в руках выступить против соввласти».

«Признательный» рассказ Григория в заключительной части допроса напоминает хорошо сплетённую словесную вязь, не им придуманную. Она, по всему, состоит из вымыслов «специалистов» ежовской школы, потому что вряд ли Григорий мог знать о скорой победе Италии и Германии над Испанией и вряд ли мог знать об интервенции со стороны Японии и Германии. Это всё тонкости международной политики, и сомнительно, что известия о них – при средствах массовой информации того времени – доходили до глухого таёжного края не только своевременно, но и в принципе. Точно так же сомнителен факт и формирования полка, который должен был выступить против Советской

власти, а также факт образования контрреволюционной организации в Кривошеинском районе (в Интернет-материалах я не однажды встречала упоминание о том, что здесь такой организации не существовало вовсе).

В постановлении о реабилитации говорится: «Справка на арест Осыховского 28 июня 1937 года была составлена при отсутствии в деле каких-либо доказательств его преступной деятельности, не выявлены таковые и проверкой по оперативным учётам. Арестован Осыховский был 30 июня 1937 г., а обвинение было предъявлено только лишь 25 июля 1937 г., хотя постановление о предъявлении обвинения было вынесено ещё 2 июля 1937 г., чем грубо были нарушены нормы УПК РСФСР. На допросе 25 июля 1937 г. в предъявленном обвинении Осыховский виновным себя не признал и заявил, что в эсеровско-монархической, повстанческо-террористической контрреволюционной организации не состоял и о существовании такой организации ни от кого не слышал».

И хотя через шесть дней на очередном на допросе Григорий Эдуардович уже «во всём признаётся», в контрреволюционную организацию он так никого и не вовлёк – «не нашёл подходящих людей» из своих знакомых. И, как видим, служба Григория старшим унтер-офицером в царской армии до революции, а также два его Георгиевских креста, полученных им за мужество в Первой мировой войне, в вопросах уполномоченного подспудно звучат как обвинение. Кроме того, Григорию вменяется в вину и то, что он переписывался с сестрой Евгенией и её мужем.

В Колпашевской тюрьме Григория Эдуардовича держали недолго: около двух месяцев. За это время вершители судеб успели провести «расследование» его несуществующего преступления и вынести приговор.

Из сообщения УФСБ РФ по Томской области:

«Постановлением Тройки УНКВД СССР по ЗСК от 07 августа 1937 г. № 45 по ст. 58-2-8-11 УК РСФСР» Осыховский Григорий Эдуардович «приговорён к высшей мере наказания – расстрелу.

Приговор приведён в исполнение 27 августа 1937 г. Сведения о месте расстрела и захоронения в архивном уголовном деле отсутствуют. Постановлением президиума Томского областного суда от 09 мая 1957 г. Г.Э. Осыховский реабилитирован».

В недоумение привела фраза о том, что «сведения о месте расстрела и захоронения в архивном уголовном деле отсутствуют», тогда как следователь КГБ А.И. Спраговский в своих записках пишет о том, что «рядом со зданием Окротдела НКВД (г. Колпашева) была большая площадка, обнесенная высоким забором, там была вырыта яма, куда можно было подойти по специально устроенному трапу. В момент расстрела исполнители находились в укрытии, а при подходе арестованного к определенному месту раздавался выстрел, и он сваливался в яму». А поскольку все Осыховские, кроме Александра, содержались в этой же тюрьме, то и последнее пристанище, судя по всему, они нашли в этой же могиле.

Обвинения, предъявленные моим родственникам, поражают своими масштабами. Им приписали шпионаж, диверсии, вредительство в народном хозяйстве, участие в контрреволюционных организациях разных «мастей», подготовку к вооружённым восстаниям, террор с целью захвата власти и знаменитую антисоветскую агитацию.

От приговора к высшей мере наказания и до расстрела сорокатрёхлетнему Григорию дали пожить ещё двадцать дней. Какую муку принял он за эти два месяца, особенно за последние двадцать дней, – представить невозможно. И вряд ли его жена и дети знали, что через два месяца после ареста он был расстрелян.

Правнук Григория Эдуардовича – Александр Михайлович Осыховский – со слов своего деда Ивана охарактеризовал Григория Эдуардовича так: «Мой прадед от природы был очень сильным человеком: мог скатить с телеги двадцатипудовую бочку, когда разгружал поклажу. А если лошадь не тянула гружёную телегу в гору, то он распрягал коня и сам затягивал её на гору». И далее: «В конце пятидесятых годов дед Иван обратился

к властям с просьбой о предоставлении информации о кончине отца, на что ему было прислано свидетельство о его естественной смерти» (ЭК № 068508, Приложение №9). Судя по этому документу, Григорий Эдуардович Осыховский умер 29 октября 1943 года в возрасте 49 лет от гипертонической болезни, то есть через шесть лет и два месяца после расстрела в Колпашевской тюрьме. Комментарии, как говорится, излишни.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. АННА ЭДУАРДОВНА

I. Шестидесятилетняя «шпионка»

В семье прадеда из всех репрессированных детей Анна была старшей, она родилась 28 января 1878 года в деревне Нижне-Майково Томской губернии. Григорий был моложе её на 15, Александр на 17 и Николай на 20 лет. Арестовали Анну через четыре месяца после ареста Григория, на момент ареста ей было около 60-ти лет. Её дело, как показано выше, УФСБ по Томской области мне не выслало, мотивируя тем, что «Колмакова-Осыховская (Колмакова-Осуховская, Колмыкова-Осыховская) Анна Эдуардовна* в представленной копии архивной справки не указана в качестве дочери Осыховского Эдуарда», «поэтому», – сообщалось – «предоставить копии документов архивного уголовного дела не представилось возможным». Сообщалось также, что фотографии арестованных Осыховских и их паспорта в уголовных делах отсутствуют.

Согласно выписке из церковной ведомости, Анна в 1913 году была замужем за Колмаковым Иоанном Васильевым, 37-ми лет, с которым имела двоих детей: девятилетнего Михаила и двухлетнего Ермолая**. В этой ведомости она с семьёй – так же, как и её замужняя сестра Анастасия Эдуардовна Пикулина, тоже с семьёй, – значилась под другим номером, нежели остальные дети их отца Эдуарда. Однако по отчеству обе сестры были «Эдуардовы», и год рождения каждой соответствовал действительности. Но эти факты УФСБ посчитало недостаточными и по этой причине копию дела Анны не выслало, ограничившись лишь краткой справкой, в которой она значилась одинокой. Действительно, с момента посещения церкви и до её ареста прошло 24 года,

* В двойной фамилии Анны работниками НКВД допущены ошибки – отсюда три варианта его написания.

** Кроме Михаила и Ермолая, у Анны была ещё дочь Елена, но она в церковной ведомости не упоминается. Проживала в Санкт-Петербурге.

и что случилось в семье Анны за это время, почему на момент ареста она значилась одинокой, – предугадать невозможно.

Судьба её мужа и судьба их детей также неизвестны.

Краткая справка об Анне Эдуардовне из УФСБ РФ по Томской области: «В соответствии с документами дела № П-2979 Колмакова-Осыховская (Колмакова-Осуховская, Колмыкова-Осыховская) Анна Эдуардовна, 1878 (1877) г.р., уроженка с. Молчаново Кривошеинского района Нарымского округа Западно-Сибирского края, полька, гражданка СССР, беспартийная, образование – неграмотная, из крестьянской семьи, одинокая. На момент ареста проживала по месту рождения, род занятий – крестьянка-единоличница. Арестована 23 октября 1937 г. Нарымским окружным отделом УНКВД СССР как активная участница контрреволюционной «Польской организации войсковой», проводившей шпионско-диверсионную работу против Советской власти (в Книге Памяти арест Анны обозначен 22-м октября – Авт.). Содержалась под стражей в тюрьме в г. Колпашево. Постановлением Тройки УНКВД СССР по Новосибирской области от 14 декабря 1937 г. № 540 по ст. 58-2-6-8-11 УК РСФСР приговорена к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор приведён в исполнение 8 января 1938 г., сведения о месте расстрела и захоронения в архивном уголовном деле отсутствуют. Определением Военного трибунала Сибирского военного округа от 10 февраля 1959 г. А.Э. Колмакова-Осыховская реабилитирована».

Известно, что во время ареста младшего брата Николая в его доме в ящике письменного стола была найдена фотография Анны. Это произошло 15 февраля 1938 года, и в это время её уже не было в живых: шестидесятилетнюю «шпионку и диверсантку» расстреляли за месяц до ареста Николая.

В документе под грифом «секретно» с названием «Всех арестовали» приведён один из списков «Польской организации войсковой», участники которой якобы занимались шпионско-диверсионной деятельностью в Кривошеинском районе На-

рымского края. В их числе значится и Анна Эдуардовна Колмакова-Осыховская.

«№ 35

СПРАВКА

Нарымского окротдела НКВД на арест жителей Кривошеинского района как участников польской контрреволюционной организации

22 октября 1937 г. г. Колпашево.

Следствием по делу вскрытой и ликвидированной на территории Нарымского округа Новосибирской области контрреволюционной шпионско-диверсионной, повстанческо-террористической «Польской организации Войсковой», созданной по заданию польских разведывательных органов установлено, что в названную контрреволюционную организация входили проживающие в Кривошеинском районе Нарымского округа следующие лица:

1. ЯСИНСКИЙ Иван Станиславович
2. ЧЕРНЫХ Станислав Иванович

(…)

10. КОЛМЫКОВА-ОСЫХОВСКАЯ Анна Эдуардовна

(…)

17. КИСЕЛЬ Иван Осипович

Начальник Нарымского окр. отдела НКВД
ст. лейтенант госбезопасности Мартон
Арест санкционирую: Прокурор Стариков

Архив УФСБ Томской области. Д. П-2979*. Л.2. Заверенная копия. Машинопись.

Все указанные в списке 17 человек арестованы в 1937 г. и расстреляны» (14).

С.С. Мартон в 1937 году возглавлял Нарымский окружной отдел НКВД. Согласно следственному делу № 3503, 12 сентября 1938 года в Новосибирске ему самому было предъявлено обвинение как активному участнику «контрреволюционной право-

* Дело П-2979 расшифровывается, видимо, как «Поляки-2979».

троцкистской организации». Арестовали Мартона в январе 1938 года, освободили в июле 1939-го «в связи с прекращением следствия». Ему предъявлялись, в частности, обвинения в его якобы препятствии к арестам некоторых лиц, но позже было доказано, что никаких препятствий он не чинил и поэтому был оправдан(15). Прокурор Нарымского края Стариков представлял в то время государственное обвинение.

II. Вершители судеб. Эффект бумеранга

Не прошло и двух десятилетий со времён политического насилия, как по меткому выражению Варлама Шаламова, «жизнь поменяла масштабы». В связи с реабилитацией жертв репрессий на скамье допрашиваемых оказались теперь сами каратели, учинявшие расправы над невинными людьми во время террора. Некоторые протоколы их допросов из ранее засекреченных архивов благополучно перекочевали на просторы электронных ресурсов. В них, в частности, фигурируют «Польская организация войсковая» и контрреволюционная кадетско-монархическая организация, в которые якобы и были вовлечены мои родственники. Так, допрашиваемый А.В. Смирнов – соратник Ульянова, Лукичева, Калинина, Худякова и Резникова, вершивших дела и судьбы в Окружном отделе НКВД Нарымского края, – прямо говорит о том, что «к «Польской организации войсковой» причисляли в основном поляков», что «на этот счёт тоже были указания свыше» и что «показания одного обвиняемого подгонялись под показания другого».

Здесь следует остановиться и сказать, что 11 августа 1937 года в Москве Ежов подписал оперативный приказ № 00485, согласно которому органам НКВД предписывалось «с 20 августа начать широкую операцию, направленную к полной ликвидации местных организаций «ПОВ» (Польской организации войсковой – Авт.) и, прежде всего, ее диверсионно-шпионских и повстанческих кадров в промышленности, на транспорте, сов-

хозах и колхозах. Вся операция должна быть закончена в 3-х месячный срок, т.е. к 20 ноября 1937 года». Предписывалось также «после утверждения списков в НКВД СССР и Прокурором Союза приговор немедленно» привести в исполнение, то есть осужденные по первой категории должны быть расстреляны, по второй – отправлены в тюрьмы и лагеря, «согласно нарядов НКВД СССР». И далее – «Прекратить освобождение из тюрем и лагерей оканчивающих срок заключения осужденных по признакам польского шпионажа»(16).

Существует точка зрения, что польская операция была одной из самых масштабных национальных операций во время эпохи Большого террора. Это объяснялось якобы тем, что Польша на протяжении 1920-30 годов рассматривалась – прежде всего Сталиным – как потенциальный противник, и это могло стать основной из причин репрессий поляков.

Привожу фрагменты допроса бывшего сотрудника уголовного розыска Нарымского окружного отдела НКВД Александра Васильевича Смирнова, «1903 г. рождения, уроженца г. Верхотурье Свердловской области, гражданина СССР с низшим образованием, русского, из служащих, проживающего в г. Томске, ул. Вершинина № 27 кв. 2. Допрашивал старший следователь следственного отдела УКГБ по Томской области старший лейтенант А.И. Спраговский.

11 апреля 1956 г. г. Томск»

Фрагмент первый

«ВОПРОС – Вы работали в бывшем Нарымском окр(ужном) отделе НКВД?

ОТВЕТ – Да, работал.

ВОПРОС – Какой период времени?

ОТВЕТ – С 1932 по 1944 г.

ВОПРОС – В качестве кого Вы работали в 1937-1938 гг.?

ОТВЕТ – В 1937-38 гг. я работал начальником отделения уголовного розыска Нарымского окротдела милиции.

ВОПРОС – Вы принимали участие в расследовании дел на

участников контрреволюционных организаций, ликвидированных в 1937-1938 гг. бывшим Нарымским окротделом НКВД?

ОТВЕТ – Да, принимал.

ВОПРОС – В чем конкретно выражалось Ваше участие?

ОТВЕТ – В допросах отдельных лиц, привлеченных к уголовной ответственности за участие в контрреволюционных организациях.

ВОПРОС – Какими материалами располагали Вы о существовании в Нарымском округе контрреволюционных организаций, в причастности к которым обвинялись арестованные граждане?

ОТВЕТ – По тем делам, где я принимал участие в допросах арестованных, имелись постановления об избрании меры пресечения и предъявления обвинения того или другого арестованного к какой-либо контрреволюционной организации и его практической деятельности. Другими материалами при допросах я не располагал. Были ли таковые в окротделе, я не знаю.

ВОПРОС – На основании каких материалов производились аресты граждан?

ОТВЕТ – Не знаю. С таким документами я знаком не был».

Фрагмент второй

«ВОПРОС – Допрошенные в качестве свидетелей бывшие сотрудники Нарымского окротдела НКВД ФИЛИППОВИЧ Сергей Федорович и ДОЦЕНКО Иван Пантелеевич показали, что допрос арестованных и привлеченных по настоящему делу, осуществлялся ими по схеме, выработанной руководством окротдела, а показания обвиняемых в протоколах фиксировались необъективно, то есть протоколы писались по стандарту. Это верно?

ОТВЕТ – Возможно, они и получали такие указания, но я лично никакой схемы не видел. В практике тогда протоколы допроса писались с учетом данных на других обвиняемых, т. е. учитывались показания вербовщика и завербованного. Записи производились, конечно, не со слов обвиняемого. Обвиняемые

же, как правило, говорили «пишите всё, что хотите» и подписывали протоколы. В то время был такой порядок ведения дел.

ВОПРОС – Следовательно, признательные показания обвиняемых о причастности их к контрреволюционным организациям и о их практической деятельности измышлялись работниками следствия?

ОТВЕТ – Да, на этот счет были соответствующие указания руководства окротдела и Управления НКВД».

Фрагмент третий

«ВОПРОС – Вам предъявляются для ознакомления архивно-следственные дела № 674741 и 797451 на участников так называемой «Польской организации войсковой». Протоколы допроса этих обвиняемых напечатаны на машинке и подписаны обвиняемыми. Показания всех обвиняемых носят однообразный признательный характер. Соответствуют ли они действительности?

ОТВЕТ – По этим делам допрос обвиняемых производился таким же образом как и по предыдущим. Судя по тому, что протоколы печатались на машинке, трудно сказать, сам ли я допрашивал этих обвиняемых. Вероятно протоколы были составлены другими работниками, а я их подписал. Признательные показания всех этих обвиняемых, конечно, нельзя считать объективными. Помню к «Польской организации войсковой» причисляли в основном поляков. На этот счёт тоже были указания свыше.

ВОПРОС – Вы сознавали преступный характер ведения следственных дел таким образом, как об этом Вы сейчас показали?

ОТВЕТ – До тех пор, пока не начали арестовывать самих сотрудников НКВД, я считал, что борьба с контрреволюцией, как об этом гласили приказы и указания из центра, ведется законно. (…) Дела вели упрощенным способом, что в то время считалось правильным. Допросы свидетелей, очные ставки, сбор каких-либо доказательств не практиковались. Достаточно было

признательных показаний обвиняемого. С точки зрения сегодняшнего дня при расследовании дел в 1937-1938 гг. конечно допускались грубейшие нарушения соцзаконности.

Допросил: п/п ст. следователь следотдела УКГБ при СМ СССР по Томской области ст. лейтенант Спраговский
Верно: подлинный в арх. след. деле № 4648 ст. след(ователь) Подпись [Спраговский]».

Архив УФСБ Томской области. Д. П-2612. Л. 612-615. Заверенная копия. Машинопись(17).

***

Не обошли стороной репрессии и самих работников НКВД, уже тогда осознавших чудовищную жестокость террора, развязанного властями против собственного народа.

Новосибирский историк А.Г. Тепляков в книге «Машина террора. ОГПУ-НКВД Сибири в 1929-1941 году» рассказывает: «Оказавшись в тюрьме, многие чекисты считали себя уже не связанными корпоративными отношениями с НКВД и откровенно рассказывали сокамерникам, чего им следует ожидать. Бывший начальник Ачинского окротдела ОГПУ К.П. Болотный, арестованный в сентябре 1937 г. на Алтае, в камере «всячески убеждал арестованных не сознаваться, заявляя, что всё равно будут расстреляны. Предупреждал о могущей иметь место камерной подсадке агентуры и т. д.». В Кривошеинском районе Нарымского округа оперуполномоченный Н.А. Черных* «высказывал сожаление по адресу арестованных врагов народа и клеветал на методы следствия» (…), а попав за решётку, знакомил заключённых с методами следствия и уговаривал отказываться от показаний. Чекисты в тюрьме отваживались и на серьёзные заявления, могущие, в частности, подорвать даже знаменитые

* Черных Николай Андреевич, 1899 г.р., русский, помощник оперуполномоченного Нарымского окротдела НКВД. Проживал в Колпашеве, арестован 20 января 1938 года по обвинению в контрреволюционной деятельности. Приговорён к 15 годам ИТЛ и 5 годам поражения в правах. Реабилитирован 4 декабря 1991 года (из Книги Памяти по Томской области).

открытые процессы. (…) Арестованный начальник Томского ГО НКВД И.В. Овчинников писал следователям: «Да, безумная обстановка 1937 года, безумное проклятое время, тот психоз, которым были охвачены все мы, лишили разума и обрекли с неизбежностью рока на действия, которые возведены сейчас в преступление... [...] Я был поражён установками на размеры операции, на упрощённый порядок следствия... переживал тогда жуткие минуты страшной внутренней борьбы, примерял свою совесть и рассудок, не согласные с этой операцией, с необходимостью выполнения долга службы, диктуемого сверху, со ссылкой на Москву, но бороться с этой линией УНКВД не смел, т. к. думал, что раз Москва требует, значит так надо, значит я оперативно и политически отстал, не вижу того, что видно с московской колокольни, на которой сидел Ежов. [...] Все ссылки на него [со стороны УНКВД] я понимал прежде всего как ссылки на указания ЦК ВКПб). В этом ярком заявлении, – пишет далее А.Г. Тепляков, – тем не менее, отсутствует объяснение того, почему Овчинников так искренне поддерживал соревнование по количеству арестов»(18).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. АЛЕКСАНДР ЭДУАРДОВИЧ

I. Задержание

В начале июня 2012 года из УФСБ России по Новосибирской области я получила копии документов «уголовного» дела Александра Эдуардовича Осыховского, моего деда. По сравнению с делами его братьев оно содержало большее количество материалов и требовало большего внимания при изучении. Но всё по-порядку.

В 1937 году сорокадвухлетний Александр проживал в городе Новосибирске по улице Ермака, 55, на его иждивении находились жена Елена и два сына. Взяли его 28 октября, то есть на шестой день после ареста сестры Анны. Так же, как в делах его братьев и сестры, в его деле нет ни паспорта, ни фотографий. В копиях присланных документов отсутствовало также и постановление на производство обыска (имеется лишь протокол осмотра документов), хотя сам обыск был произведён через полтора месяца после заключения Александра под стражу.

Первым документом значится «Протокол задержания», согласно которому основанием для привода в милицию послужили показания двух свидетелей: некой гражданки Никитиной и некого лейтенанта «Рабоче-Крестьянской Красной армии» гражданина Зотова, который и доставил Александра Эдуардовича в 4-е отделение милиции города Новосибирска. Удивительное совпадение: в нужном месте и в нужный час оказался никто иной, как вышеупомянутый лейтенант милиции. Идя по улице Крылова, он и Никитина якобы услышали, как Александр «оскорблял вождя народов товарища Сталина». Фамилия лейтенанта, а также фамилия Никитиной в документах сохранились, но фигурируют без инициалов.

В протоколе задержания «оперуполномоченный ОУР при 4 отделении гор. милиции Рабоче-Крестьянской Милиции УНКВД по ЗСК», фамилия которого вымарана – так и в после-

дующих документах, – пишет (стиль и орфография сохранены): «28 октября 1937 года с ул. Крыловой был доставлен неизвестный гр(аждани)н, который назвался по фомилии Осыховский Александра Эдуардович (так в тексте) 1895 года рождения. При личном обыски ничего не обнаруженно. Последней в улеце вёл себя вызывающи с розличныме оскорбл(ениями), посему и основываясь на выши изложинном и руководствуясь ст. 100 УПК и церкуляром РКМ УНКВД по ЗСК, постоновил: гражданина Осыховского Александра Эдуардовича задержать и заключить его под стражу при КПЗ 4-го отд(еления) РКМ до выеснение личности.

Подпись задержанного: Осыховский.
Подпись оперуполномоченного ОУР»
(неразборчива – Авт., Приложение №10).

Попутно замечу, что название улицы в документах дела именуется по-разному: в одних – это улица Крыловой, в других – Крылова.

Помощник уполномоченного, рассмотрев материал о «подозреваемом в совершении произнесения пропаганды против вождя народов и приняв во внимание, что в целях установления его личности и сокрытия совершённого преступления» (так в тексте), вынес постановление о необходимости производства предварительного расследования по признакам ст. 58-10 УК (антисоветская агитация – Авт., Приложение №11). Александр в это время содержится в КПЗ Новосибирской тюрьмы.

В этот же день товарищ оперуполномоченный вызывает Александра на допрос, протокол допроса выполнен в его интерпретации от первого лица.

«1937 года октября 28 дня, город Новосибирск, оперуполномоченный (того же отделения – Авт.) допросил гр-на нижи поименованного, который на первоначальное мной поставленные вопросы пояснил следующие: Осыховский Александр Эдуардович, 1895 года рождения, я – русский, а отец поляк, уроженец древня Молчаново Кривошеинского р-на ЗСК (Западно-Си-

бирского края – Авт.), из крестьян-бедняков, в данное время кустарь, проживающий ул. Ермака № 55».

Далее Александр рассказывает, а оперуполномоченный записывает (правка орфографии и пунктуации автора):

«По существу касающихся меня вопросов могу пояснить следующее: родился в семье крестьянина-бедняка. У меня есть два брата Осыховские – Николай и Григорий, проживают в селе Молчанове в колхозе или на заводе, точно не знаю. Я проживал совместно с братьями до 1915 года, отец умер в 1913 году. В 1915 году меня взяли на военную службу в Сибирский флот Царской армии. Прослужил до весны 1918 года, был демобилизован, приехал обратно домой в село Молчаново, прожил с месяц. После переворота – так как мы были против Колчака (видимо, интервенция Колчака названа переворотом – Авт.) – нас стали притеснять. Мы сбежали с Леоновым Михаилом Никитовичем, – где он сейчас живёт, неизвестно, – но работает где-то прокурором*. Скрывались мы в деревне Старая Галка, пробыли там до 15 декабря 1919 года, оттуда выехали в село Молчаново. Через несколько дней я поехал в город Томск, поступил в милицию, работал там до 1922 года. В партию вступал в Томске, будучи работником милиции. Уволился из милиции, поступил в губ(ернский) коммун(альный) отдел заведующим учёта распределения жилых помещений. Проработал с год, и меня перебросили на завод «Красное утро».

Вслед за этим Александр Эдуардович подробно перечисляет, в каких организациях работал, сообщает о том, что в 1926 году его исключили из партии, говорит об учёбе на курсах сырьёвщиков, о том, что долго болел воспалением лёгких. В его Трудовом списке причина исключения не указана, но в двадцатых годах изгнание из партии практиковалось широко. Об этом упоминает В. Шаламов в своих рассказах, этот факт подтверждается также и «Кратким курсом истории ВКП(б) 1938 года».

* М.Н. Леонов во время ареста Александра проживал и работал на Украине.

«(…) ЦК провел большую работу по укреплению партии, организовав чистку партии в 1921 году. Чистка происходила с участием беспартийных на открытых собраниях. Всего в результате чистки исключено было из партии до 170 тысяч человек, или около 25 процентов всего состава партии. (…) Советский суд приговорил бухаринско-троцкистских извергов к расстрелу. НКВД привел приговор в исполнение. Советский народ одобрил разгром бухаринско-троцкистской банды и перешел к очередным делам»(19).

На этом же допросе оперуполномоченный, якобы со слов Александра, делает запись о том, что задержанный оскорблял товарища Сталина, находясь в нетрезвом состоянии, и поэтому ничего не помнит. Оскорбление вождя народов в этой трактовке в деле Александра будет фигурировать и дальше, в том числе и на допросах в интерпретации уполномоченного, хотя в первичном документе (справке о задержании) об этом не говорится ни слова. Не зафиксирован этот факт и в постановлении о производстве предварительного расследования, а также и в приговоре о наказании, вынесенном спец. коллегией Новосибирского областного суда.

В постановлении об избрании меры пресечения, принятом в день задержания, оперуполномоченный, «рассмотрев материал следственного дела гр. Осыховского Александра Эдуардовича, **обвиняемого** (выделено автором) в совершении пропаганды против вождя народов т. Сталина» и «принимая во внимание» его слова, что «в руководстве нам не нужно нацменов, а нужно русских, так лучше бы жилось», выносит вердикт: «Он будучи на свободе может помешать ходу расследования» (Приложения №№ 12,13). Таким образом, подозреваемый априори переведён в категорию обвиняемого.

Постановление без согласия начальника отделения санкционировал помощник прокурора, его подпись неразборчива, фамилия отсутствует; подпись «обвиняемого» отсутствует также. Документ выполнен на машинописном бланке, его основное

содержание впечатано с помощью пишущей машинки, но так бледно, что в копии текст не отобразился, и сотрудники архива приписали его от руки. На следующий день уполномоченный ОУР 4-го отделения вынес постановление о привлечении Александра Эдуардовича в качестве обвиняемого. Констатирующая часть постановления гласит: Осыховский «…проходил по улицы Крыловой и **просебя Публично** (выделено автором) всячески оскорблял вождя народов т. Сталина». Постановляющая часть резюмирует: «Привлечь по настоящему делу в качестве обвиняемого Осыховского Александра Эдуардовича, предъявив ему обвинение в совершении пропоганды против вождя народов товарища Сталина по ул. Крыловой при окружающех рабочех».

Документы один за другим настойчиво повторяют постулат «об оскорблении вождя народов», тем не менее, в каждом из них мы находим нечто новое. Выражение «про себя публично, при окружающих рабочих» в постановлении от 29 октября – одно из них, только как можно совместить понятия «про себя» и «публично» – непонятно. Если оскорблял «про себя», то товарищи Зотов и Никитина вместе с «окружающими рабочими» оскорблений не могли услышать в принципе, если «публично», то причём тогда «про себя».

В этот же день уполномоченный вызвал обвиняемого на допрос, но своей вины в предъявленном обвинении Александр не признал. Несмотря на это, 31 октября принимается протокол об окончании предварительного следствия. Таким образом, на третий день после задержания мой дед был переведён в одну из новосибирских тюрем, скорее всего – в следственно-пересыльную, через которую во время сталинских репрессий прошли сотни тысяч репрессированных. Материалы его трёхдневного «дела» из 4 отделения гор. милиции РКМ УНКВД были переданы одному из следователей «Новосибирской Горпрокуратуры».

II. В следственно-пересыльной тюрьме

Согласно анкете, заполненной в следственной тюрьме, Александр Эдуардович родился 2 июля 1895 года в селе Молчанове Кривошеинского района Нарымского округа*. Происхождение – из крестьян, национальность – русский, с воинского учёта снят, особых примет не имеет. «До 1915 года жил в крестьянстве и работал по столярному делу. С 1915 по 1918 год служил во флоте царской армии», в 1918-19 годах принимал участие в партизанском движении против Колчака. Имел профессию «пушносырьёвщик», с 1920 года служил по найму в разных учреждениях города Томска. С 1923 года – член профсоюза сельхозрабочих (книжка № 431321), состоял на военном учёте, группа 27-й категории, запас Красного флота (военная книжка № 72).

До революции Александр и его родители имели избу, родители занимались сельским хозяйством. На момент ареста в Новосибирске, по случаю болезни, Александр занимался кустарными работами и значился как неимущий. Не судим, образование низшее (в других документах – грамотный), женат, на иждивении жена и два сына**. Беспартийный, состоял в ВКП (б) с 1918 по 1926 годы, наград не имел. На семнадцатый день пребывания Александра Эдуардовича в пересыльной тюрьме следователь принимает постановление о «прист(уплении)» к следствию по его делу (Приложение №14).

На тему следственно-пересыльной тюрьмы, отвечая на вопросы журналистов сайта «Тайга.инфо», историк Алексей Тепляков говорит: «В Новосибирске было не меньше четырёх тюрем в середине тридцатых годов. Но эта была самая крупная, и у неё был статус пересылки. Поэтому все, кто шёл на Колыму, кто шёл в лагеря Восточной Сибири, – они шли через эту тюрьму. Пересыльные тюрьмы в крупных областных центрах – это так называемые «этапы», через них этапировали заключенных. Это

* Дата рождения обозначена неверно, правильно – девятого июля.

** Эдуард и Леонид.

производилось десятилетиями – до начала пятидесятых. (…) Это была самая крупная тюрьма, она выполняла еще и функции следственной тюрьмы. Там не содержали тех, кто был приговорён к тюремному заключению, таких было не очень много, и для них существовали специальные тюрьмы. А вот новосибирская была – следственная и пересыльная. Человека после следствия либо расстреливали, либо отправляли в лагеря. Наиболее ценные арестованные (видимо со статьёй 58 – Авт.) содержались в здании современного ФСБ, а тогда НКВД, в подвалах. В этих подвалах сейчас архив».

Из этого архива, полагаю, я и получила копию дела на своего деда. А когда наткнулась на сайт «Тайга.инфо» с интервью Теплякова, даже подумала, что в помещении хранилища, где лежало оно, в одной из камер во время следствия он и содержался.

И далее Алексей Тепляков продолжает: «… в 1938 году в этой «пересылке» специально сделали так называемый «особый корпус» – весь второй этаж разгородили комнатами допросов. И там, в этих бывших камерах, которые стали кабинетами следователей, там проводились круглосуточные допросы. Чтобы справиться с огромным потоком арестованных, который был в 37–38 годах, там трудилось одновременно до ста следователей. (…) У них был жесточайший режим, всё управление работало, плюс им помогали курсанты из Москвы, пограничники, которые просто не давали подследственным спать. Нормальная такая была работа для начинающего чекиста, называлась «подсидка» – сидит и тормошит. Ну и орёт. (…) На сайте Министерства обороны размещён проект «Подвиг народа», и там выложены награды военнослужащих с описанием, за что они получены. Там есть такие награды – «Выполнял публичные расстрелы, что оказало мобилизующее воздействие». (…). Наверняка эти дела были потом пересмотрены, но награды назад у «особистов» не отбирали»(20).

И далее «Тайга.инфо» пишет: «в середине мая (2013 года – Авт.) на стройплощадке в центре Новосибирска были найде-

ны «множественные человеческие останки» (…). Они предположительно относятся к 1930–40-ым годам. (…) Год назад на этой территории снесли областной психоневрологический диспансер, в здании которого раньше располагалась пересыльная тюрьма НКВД. С 1929 по 1951 год через нее прошли сотни тысяч заключенных. По данным историков и правозащитников, предлагавших сделать на месте бывшей тюрьмы памятник жертвам репрессий, во дворе здания могли осуществляться массовые расстрелы.

В настоящее время строительные работы на объекте, который региональные власти продали частному застройщику для возведения жилого комплекса, приостановлены до выяснения обстоятельств. Ранее новосибирские общественники обращались к региональным властям и правоохранительным органам с требованием расследовать гибель репрессированных. Они предложили открыть доступ к информации о расстрелах во дворе пересыльной тюрьмы, установить личности погибших, проведя экспертизу всех найденных останков, обнародовать эти сведения с помощью СМИ»(21).

Приведена и реакция властей. Она такова: «Сейчас строительство приостановлено. Договор купли-продажи никогда не будет пересмотрен, потому что он заключен в рамках закона, ну а что там обнаружено... [это уже другой вопрос]»(21).

III. Допросы и обыск

Почти полтора месяца Александр находился в неизвестности, ожидая очередного вызова на допрос. За это время он передумал о многом. Ему вспомнился отъезд из родного дома в Томск, после того как в губернии восстановилась Советская власть*, вспомнилась работа в городской милиции по хозяйственной части, куда он был определён Томским военкоматом; припомнились и годы жизни в Новосибирске. Но что бы не вос-

* Декабрь 1919 г.

производила его память, перед глазами всегда стояли родители. «Хорошо, что отец не дожил до этих времён, – с горечью думал Александр, – он бы не вынес этого кошмара».

Среди тёмной череды проходящих дней не было ни одного, чтобы не думалось о жене с детьми и о братьях с сёстрами. О том, что Григория власти начали преследовать ещё с 1932 года, он знал: помнил, с каким упорством тот собирал разные справки и документы, чтобы доказать своё участие в партизанском движении во время колчаковской реакции. Знал, что брат арестован, хотя позднее, на одном из допросов, скажет, что это ему неизвестно. Но о том, что шесть дней назад арестовали сестру Анну и месяцем раньше зятя брата Григория, этого знать он не мог.

Наступил декабрь. В ночь на восьмое он долго не мог уснуть. Память настойчиво возвращала его в те времена, когда с боевыми товарищами Михаилом Леоновым и Карлом Ильмером он и его братья боролись против колчаковцев за Советскую власть. Вспомнил Александр и родную улицу, которая сельским советом в честь братьев Осыховских была переименована в Партизанскую. Вспомнил и сам себе задал вопрос – почему и за что они подверглись жестоким преследованиям, почему повторяют судьбу отца, репрессированного царской властью в 1864 году, и почему большевистская власть, которую он защищал вместе с братьями, обходится с ними так жестоко? Но пока приговор не зачитан, арестант всё ещё надеется на благополучный исход, тем более, если он невиновен. Надеялся и Александр.

Когда стал засыпать, из дверного волчка послышался окрик: «Кто на букву О, – выходи!»* Лязгнул засов, дверь открылась. Он вышел, повернулся лицом к стене, руки – за спину. Надзиратель запер камеру и, толкнув прикладом, скомандовал:

– Пошёл!

Допрашивал его всё тот же следователь Новосибирской го-

* Известно, что на допросы арестантов вызывали либо по номерам, либо по начальным буквам фамилии.

родской прокуратуры, допрос проводился в ФЗИТК* Новосибирской тюрьмы.

«В 1918 году, – говорит Александр, – меня хотел арестовать карательный колчаковский отряд, но я убежал. Ко мне присоединились Леонов Михаил Никитович – председатель горсовета Томска, Блымчик Иван (Балынчик – Авт.) – член исполнит(ельного) комитета г. Ленинграда и другие. С ними я ушёл на реку Галку Андорминской волости. Там нас собралось человек 50-60. Оружия мы сначала не имели». В заключение Александр сообщает, что при бегстве колчаковцев партизаны перехватили белых офицеров и, вооружившись, ушли в Молчаново.

Протокол допроса оформлен рукописью, его начало и окончание в соответствующих строках документа не проставлены, фамилия следователя вымарана, подпись обвиняемого отсутствует. В конце протокола значится: «Записано верно и мне прочитано». Не мной прочитано, а мне прочитано. Из этого следует, что наряду с показаниями обвиняемого следователь мог записать и прочитать (или не записать и не прочитать) всё, что угодно. При изучении документа я также обратила внимание на 13-й пункт, а именно: «в каких отношениях состоит (обвиняемый) с потерпевшим от преступления» (обвиняемый у нас Александр Осыховский – потерпевший Иосиф Сталин). В ответе прочерк. Возникает вопрос (наивный, конечно): что предусматривал этот пункт? Неужели возможность примирения между обвиняемым и потерпевшим? В других делах своих родственников такого пункта я не нашла.

Рассмотрев собранный по делу следственный материал, этим же днём следователь вынес постановление о предъявлении заключённому обвинения «в преступлении» по статье 58-10 (Приложения №№ 15,16). Нужно сказать, что копия архив-

* Фабрично-заводская(?) исправительно-трудовая колония.

но-следственного дела моего деда содержит многочисленные пропуски документов. Так, между протоколом данного допроса (листы №№ 30-31) и постановлением о привлечении в качестве обвиняемого, принятого этим же днём (лист № 45), отсутствует 13 листов, и это самый большой пропуск. Всего из 69-ти обозначенных листов пропущено около 30-ти, многочисленные пропуски имеются и в других делах. Как объяснили сотрудники одного из архивов (по телефону), документы следственных дел по запросам родственников копируются и отсылаются не в полном объёме.

Через шесть дней на квартиру Александра нагрянули с обыском. В качестве трофеев были изъяты его Трудовой список (аналог Трудовой книжки в СССР), справка о подпольной работе времён колчаковской реакции, отзыв Михаила Леонова о его работе с молодёжью, мобилизованной в колчаковскую армию, и два аттестата командира корабля «Чесма», на котором Александр проходил службу в армии. Больше ничего не нашли. Документы следователь приобщил к делу, сопроводив негативными комментариями по поводу перемены мест работы обвиняемого в течение последних 14 лет, а также привёл сомнения по поводу подлинности «Разных документов», хотя к инкриминируемому обвинению эти факты отношения не имели. Более того, эти факты говорят о том, что следствие велось с пристрастием, выходя за пределы обвинения.

Привожу «Разные документы» с сомнениями «нар. следователя»:

«1. Истрёпанная справка, несколько раз подклеенная, написана от руки чернилами, содержание её коротко следующее: «В 1918 г. Осыховский А.Э. открыто выступил перед крестьянами против колчаковской реакции, работал в большевистской подпольной организации боевых отрядов, преследовался колчаковскими отрядами, был приговорён к смерти, бежал за Бакчарское болото в лес, на реке Галке производил налёты на колчаковцев».

Имеется слабый оттиск гербовой печати и одна неразборчивая подпись (так в тексте).

2. Отзыв, выданный членом партии с 1915 г. Леоновым, партбилет № 0697014 в том, что Осыховский работал во время колчаковщины среди мобилизованный молодёжи Молчановского района. При разгроме белой армии задерживал бегущих в тайгу офицеров в районе реки Галки и Андормы. Подпись Леонова засвидетельствована за секретаря ячейки энергетического цеха неизвестного завода Кудимовым и печатью.

3. Аттестат, выданный Осыховскому линейным кораблём «Чесма» в том, что он за время пребывания на линейном корабле «Чесма» в звании электрика с 1|IV-1916 по 1/IV-1918 г. находился в заграничном плавании от Владивостока до Мурманска, работал добросовестно. Аттестат этот никем не подписан и не заверен.

4. Аттестат того же корабля выдан Осыховскому тем же кораблём «Чесма» в том, что он был на этом корабле электриком и все возлагаемые на него обязанности исполнял добросовестно. Этот аттестат подписан командиром, председателем судового комитета и минным механиком и заверен печатью судового комитета». Конец цитаты.

Не подтверждённые фактами сомнения «нар. следователя» звучат и в его постановлении о приобщении Трудового списка с «Разными документами» к делу. Согласно констатирующей части постановления, обвиняемый «с 1916 г. по 1918 г. был в заграничном плавании на линейном корабле «Чесма», после чего вернулся на родину в Молчаново Нарымского округа и во время колчаковской реакции в Молчанове отсутствовал, якобы скрывался, будучи преследуемый колчаковскими карательными отрядами, что явно вызывает сомнение». Конец цитаты.

Сомневаясь в партизанской деятельности Александра и одновременно обходя вниманием тот факт, что в своих показаниях тот ссылается на свидетельство своего соратника по партизанской борьбе Михаила Леонова, номер партбилета которого

указан в «Разных документах» (697014), следователь выдаёт желаемое за действительное. Его подспудное подозрение звучит также и в словах по поводу заграничного плавания Александра, но и этот факт вместе с сомнениями следователя никакого отношения к предъявленному обвинению также не имеет. В то же время правдивость показаний Александра Эдуардовича подтверждается материалами гражданского дела его брата Григория, где член партии ВКП/б Леонов, давая справку Григорию о том, что последний помог ему скрыться от преследования колчаковцев за реку Бакчар, также указывает номер своего партбилета: 697014. Сговориться об одинаковых показаниях братья не могли, т.к. Григорий жил в Молчанове, был арестован там же и расстрелян за два месяца до ареста Александра в Новосибирске.

Новый, 1938-й год, мой дед встретил на нарах следственно-пересыльной тюрьмы. Зиму ему предстояло пережить здесь. Она будет такой же суровой и морозной, какую он и его братья пережили в 18–19 годах во время борьбы с колчаковцами на земле Нарымского края.

IV. Допросы с пристрастием

Четырнадцатого января Александра Эдуардовича вызвали на очередной допрос (фрагмент в Приложении № 17). В кабинет, куда его доставили, за столом сидел всё тот же следователь. Надо признать, что в отличие от текстов оперуполномоченных, проводивших первые допросы при задержании, записи «народного следователя» выглядят на порядок грамотнее, – мною проставлена лишь пунктуация.

«В 1915 году, – продолжает показания Александр, – меня мобилизовали в царскую армию во флот. Служил я всё время на линейном корабле «Чесма», там учился на машиниста, но т.к. машинисты не требовались, меня использовали электриком. Демобилизовался в марте или апреле 1918 года. Во время службы был в заграничном плавании на востоке. По демобилизации,

примерно в мае месяце при первой Советской власти, вернулся в село Молчаново. Через 2-3 недели случился переворот*: в село Молчаново прибыл колчаковский отряд карателей. До прихода карательного отряда в Молчаново приехали из Томского совдепа (совета депутатов – Авт.) Леонов Михаил Никитович – зам. председателя Томского Совета, а также Дубельштейн, – он кажется был в финансовом отделе совдепа, и Карл Ильмер, кем он работал в Томске – не знаю, но был большим работником. Они пришли в квартиру моей сестры Пикулиной Анастасии Эдуардовны. К ней они пришли, потому что Леонов и Ильмер, будучи в ссылке (в царское время – Авт.), проживали у неё. (…) Мы провели совещание по поводу организации сопротивления колчаковским отрядам. Мне совещание поручило организовать ячейки отряда из кр(естьян) по Молчановской волости. Я был в деревне Майковой, пос(ёлке) Золотой, пос(ёлке) Фоминском и других, где проводил работу по организации отряда. (…) Спустя некоторое время, мы провели тайное собрание с завербованными в отряд. Таким образом, мы работали нелегально в течение лета 1918 и зимы 1919 года, но нас заподозрили и следили за нами».

Далее Александр рассказывает о том, что весной 1919 года в Молчаново прибыл бронированный пароход «Ермак» с карательным отрядом. Отряд своим постановлением решил его – «Осыховского, повесить на мачту парохода и увезти висячим на мачте в Томск». Об этом Александра предупредил односельчанин – бывший сельский урядник, и он же посоветовал ему скрыться. «После чего, – говорит Александр, – я убежал на пашни, там пробыл недели две, а потом ушёл, т.е. уплыл на обласке под Кудрявый Осинник. Ко мне туда пришёл Леонов, с которым мы ушли за Бакчарское болото на реку Галку, – жили у Тиуно-

* Переворотом назван мятеж военнослужащих чехословацкого корпуса и местных отрядов белогвардейцев в конце мая 1918 года, в результате чего Советская власть в Томске пала. Была восстановлена в декабре 1919 года.

ва Ивана*, где он теперь, тоже не знаю. Туда же пришли Вегман и Балынчик. Первый был из какого-то партизанского отряда, а Балынчик являлся членом Петербургского совета. Они имели (достали как-то) документы колчаковских военнослужащих и приехали на лошадях, там мы и познакомились. Работали у крестьян, вели агитационную работу и готовили организацию отряда.

К нам приехало много бежавших от Колчака, с которыми мы также вели работу. Всего нас было человек 50-60. После колчаковского краха мы задержали двух офицеров и пошли в село Молчаново, по дороге встретили колчаковский отряд – он шёл из Молчанова. Они, узнав о нас, убежали в лес. В Молчанове мы начали наводить порядок, и у нас стали неприязни с отрядом Хабарова, а посему мы выехали в Томск и больше в Молчаново не возвращались.

В члены ВКП/б я вступил в 1918 г(оду), приняли меня в Томске в 1920-м, но стаж определили с 1918-го. На реке Галке меня знал Непомнящий Александр Николаевич, – он сидит со мной в ФЗИТК.

Вопрос: Вы утверждаете, что Леонов служил в Томском Совдепе?

Ответ: Да, утверждаю, что Леонов служил в Томске в Совдепе, это я знаю с его слов.

Вопрос: На допросе от 8/XII-37 вы показали, что вас пытались арестовать в 1918 году, но вы бежали, а сейчас вы показали, что это был 1919 год.

Ответ: Меня пытались арестовать несколько раз: и в 1918, и 1919 годах, но я убегал и скрывался.

Вопрос: Не служили ли Вы в колчаковских отрядах?

---

* Тиунов Иван Алексеевич – проживал в д. Калинке Асиновского района Томской области. Арестован 2 августа 1937 г., расстрелян 19 августа 1937 г. Реабилитирован в июле 1959 г. (см. выписки из Книги Памяти в Приложении). В своих воспоминаниях М.Н. Леонов упоминает сына Тиунова – Петра Ивановича, тем самым подтверждая показания Александра.

Ответ: Нет, не служил.

Вопрос: За что арестован ваш брат проживав(ший) в с(еле) Молчаново? (Имеется в виду Григорий, который к этому времени был уже расстрелян – Авт.).

Ответ: Мне неизвестны не только причины ареста, но и сам факт ареста я не слыхал.

Вопрос: В силу чего вы занялись контрреволюционной агитацией, направленной против Советской власти и членов правительства, что имело место 28/X-37 г. на улице среди публики?

Ответ: Никакой контрреволюционной агитацией я никогда не занимался, и этого не могло быть, т.к. я человек, лояльный Советской власти».

***

Из допроса видно, что следователь делает попытку поймать обвиняемого на якобы противоречивых показаниях по поводу его преследования колчаковцами. Но как было указано выше, показания братьев Александра и Григория в части партизанской деятельности против колчаковцев совпадают, хотя были показаны в разное время и в разных местах. Об этом же, спустя почти 30 лет, напишет в своих воспоминаниях и Михаил Леонов, поэтому недоверие следователя к информации заключённого не имело под собой основания. Кроме того, признание Александра о предупреждении урядника о его готовящемся аресте со стороны отряда Колчака, следователь тут же оборачивает против него, задавая подозрительные вопросы. Также не принимается во внимание и то, что пребывание допрашиваемого на реке Галке мог подтвердить А.Н. Непомнящий, находящийся в этой же тюрьме. Подпись обвиняемого на половине страниц рукописного текста вышеприведённого допроса отсутствует.

Ознакомившись с протоколом допроса, я задала себе вопрос: кто такой Хабаров и почему у молчановских партизан возникла к нему неприязнь?

В воспоминаниях Михаила Леонова есть сведения о том, что отряд Хабарова был карательным. Об этом же говорит и Г.Г. Су-

дарик – участник разгрома Колчака и один из организаторов восстановления советской власти в Молчанове, – его воспоминания опубликованы в местной газете «Знамя» первого сентября 2009 года. Иная точка зрения приведена в художественно-документальном романе «Справедливость бессмертия» писателя из города Рубцовска Александра Сухачёва. Согласно версии автора, Хабаров, находясь в рядах колчаковской армии, организовал отряд сопротивления. Отряд действовал самостоятельно в округе села Новокускова*, надеясь впоследствии сблизиться с партизанами. «Боевой путь отряда Хабарова, – пишет Сухачёв, – закончился в Молчанове 23 декабря 1919 года. Здесь его застало известие о вхождении в Томск частей 5-ой армии Восточного фронта красных, в состав которой он и был вскоре включён в качестве стрелкового батальона. (…) Но с Красной армией у Хабарова не заладилось. Свалил тиф»(22).

Из этого можно сделать вывод, что время тогда в Нарымском крае было архисложное, и разобраться сейчас в этих событиях можно только с помощью соответствующих документов.

V. Приговор

После допроса этим же днём «нар. следователь» оформил протокол об окончании следствия и объявил об этом обвиняемому Александру Осыховскому, после чего последний просил подвергнуть его «медицинскому исследованию на предмет определения здоровья». Протокол санкционировал «облпрокурор» Новосибирской области, просьба обвиняемого была оставлена без удовлетворения.

Через две недели было вынесено обвинительное заключение, согласно которому Осыховский Александр Эдуардович обвинялся в том, что он «среди проходящей публики вёл контрреволюционную агитацию, направленную против вождей Советского правительства». 27 февраля 1938 года, в воскресенье,

* Около 500 км юго-восточнее села Молчанова.

спец. коллегия Новосибирского суда утвердила обвинительное заключение «о предании суду» моего деда и постановила «дело слушать в закрытом судебном заседании спецколлегии в гор(оде) Новосибирске без участия сторон с вызовом обвиняемого и свидетелей по списку обвинительного заключения. Меру пресечения оставить прежнюю – содержание под стражей».

Девятнадцатого марта специальной коллегией Новосибирского областного суда от имени «Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» был вынесен приговор: Осыховского А.Э. на основании ст. 58-10, ч.1 УК подвергнуть заключению в Исправтрудлагерь сроком на пять лет с поражением в правах сроком на три года после отбытия основной меры наказания. «Приговор, – говорилось далее, – может быть обжалован в кассационном порядке в течении 72 часов с момента вручения копии приговора Осуховскому (так в документе) в Спецколлегию Верховного суда Р.С.Ф.С.Р» (Приложения №№ 18,19).

Следует отметить, что в решении суда уже не упоминается об обвинениях, не имеющих отношения к «антисоветской агитации», то есть тех, которые в ходе следствия старались «пристегнуть» Александру оперуполномоченные и «нар. следователи». Это – и смена работы, и заграничное плавание на корабле «Чесма» во время службы в царской армии, и исключение из рядов ВКП(б).

Не согласившись с приговором Новосибирского суда, Александр Эдуардович направляет кассационную жалобу в Верховный Суд РСФСР, надеясь, что этот орган непоколебимо станет на стражу закона. Но он просчитался: специальная коллегия Верховного Суда РСФСР от 8 мая 1938 года определила: «доводы кассатора об отмене приговора по мотивам неверных показаний свидетелей не основательны, а потому приговор суда оставить в силе».

После этого последние надежды на справедливость рухнули, и думать о будущем он не решался.

VI. Этапом в Дальлаг. Непонятное исчезновение

Спустя три месяца после определения Верховного Суда, заключённый прибыл этапом в Дальневосточный исправительно-трудовой лагерь*, управление которого находилось в городе Хабаровске Дальневосточного НКВД.

Шестого августа, в день прибытия, на него была заполнена карточка с указанием номера личного дела. Фамилия должностного лица, заполнявшего документ, не проставлена, подпись неразборчива. На другом бланке – «откуда прибыл, кем осуждён» – в графе «отделение-командировка-рота» – вписано: «Пвр** пункт, 3-е отд(еление), Д/л (Дальлаг). Под этой записью – другая запись: «стр(ока)(?) – 437». В графе – «прибыл» стоит эта же дата, то есть шестое августа 1938 года, в графе «убыл» – десятое августа этого же года. Слева на бланке штамп, на нём обозначено: «Перепись 1939, далее неясно, и внизу от руки – 437 стр(ока) (Приложение №20).

В то же время ЦИТО УФСИН РФ по Хабаровскому краю*** письмом № 27/41/1-с-15 от 15.09.2005 г. сообщил, что из Дальлага заключённый убыл в другой лагерь, название которого «непонятно». Таким образом, в лагерь с «непонятным» названием Александр Эдуардович был отправлен почти через девять месяцев после прибытия в Дальлаг. Налицо нестыковка в датах, в связи с чем я запросила копию карточки. Получив, увидела, что название лагеря убытия – «Ратлаг»–«Раблаг»–«Хаблаг» – вписано другой рукой, и оно действительно непонятно. Рядом небрежно проставлена дата убытия: 1/5-39 (первое мая 1939 года). И всё – следы Александра Эдуардовича Осыховского странным образом исчезают, и полный провал в его судьбе. Напрашивается вопрос: что кроется за странной «непонятностью» в названии лагеря убытия?

---

* Дальлаг был организован в 1929 году, расформирован в 1938 (по другим данным в 1939-м).

** Пункт временного размещения(?)

*** Центр инженерно-технического обеспечения управления федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации по Хабаровскому краю.

В документах имеются и другие нестыковки. Так, спустя почти два месяца после прибытия заключённого в Дальлаг, распределительный отдел лагеря направляет извещение об этом в адрес учётного стола спец. коллегии Новосибирского областного суда (№ 12770 от 01.10.1938 г.) В верхней части извещения штампом проставлена уже другая дата – «16 июля 1939 года» (снова, кстати, воскресенье). И снова вопрос, – почему штамп с этой датой проставлен позже обеих дат убытия, зафиксированных в его карточке? Не содержит ли ответ на этот вопрос разгадку к его странному исчезновению? Приложение №21).

В документальной повести «Записки сталинского зэка» Владимир Куземко описывает пребывание одного из узников в Дальлаге и последовавший затем его пересыльный этап по Охотскому морю на Колыму. «Ночью мёртвых, «закаченных» людей (укачанных штормом – Авт.) стали бросать за борт, – вспоминает узник. – Занималось этим человек семь из команды. Выбросили десятка полтора, если не больше»(23).

Этот факт подтверждается также и воспоминаниями бывшего заключённого Дальлага Юрия Илларионовича Моисеенко, лагерника с десятилетним сроком. Он пишет о том, что в пересыльный лагерь «на морских судах «Джурма» и «Дальстрой» с четырёхъярусными нарами в трюмах размещали страдальцев. Семь суток плыли до бухты Нагаево, где тогда уже строили Магадан. Рассказывали, что многие умирали в пути. Этих просто выкидывали в Охотское море, кормить рыб. Родным о их смерти не сообщали»(24).

Так что же могло случиться с Александром Эдуардовичем? На ум приходит три версии.

Первая:

Возможно, через Владивостокский пересыльный лагерь он был также этапирован в Магадан, где погиб во время пути: либо был выброшен за борт, либо уже в Магадане его выгрузили мёртвым. В книге «Левый берег» Варлам Шаламов пишет: «Мёртвых бросали на берегу и возили на кладбище, складыва-

ли в братские могилы, не привязывая бирок, а составив только акт о необходимости эксгумации в будущем». По свидетельству очевидцев, живущих в настоящее время в Магаданской области, брошенные могилы узников на её территории сохранились до наших дней. Есть кладбища, на могилах которых стоят только столбы со стёртыми надписями, а то и без них.

Через Владивостокский пересыльный лагерь прошли актёр Георгий Жжёнов, академик Сергей Павлович Королёв, писатели Евгения Гинзбург и Варлам Шаламов. В этом лагере умер поэт Осип Мандельштам.

Вторая:

После реформирования Дальлага в 1938 году и образования вместо него других исправительно-трудовых лагерей, как то: Владивостокского, Хабаровского, Средне-Бельского, Бирского и Строительного Управления № 201, Александр Эдуардович был этапирован в один из них (или любой другой), где мог погибнуть от рук так называемых «блатарей», то есть воров, ибо они, по Шаламову, были в чести у государства, соответственно и у начальников лагерей. «Блатари» не работали на тяжёлых, мученических работах, наоборот, они занимали мелкие административные должности в лагерях, а на их всяческие проделки, в том числе и убийства сокамерников, закрывались глаза. «В 1938 году, – пишет Шаламов, – блатные были открыто призваны в лагерях для физической расправы с «троцкистами»; блатные убивали и избивали беспомощных стариков, голодных «доходяг»… Смертной казнью каралась даже контрреволюционная агитация, но преступления блатных были под защитой начальства»(25). «Эти люди», (то есть осуждённые по 58-й статье – Авт.), – говорили лагерные инспекторы блатарям, – «присланы сюда для уничтожения, а ваша задача – помочь нам в этом деле (…). Блатари ответили полным согласием. Ещё бы! Это спасало им жизнь, делало их «полезными» членами общества»(26).

Третья:

Новым судом «тройки» пять лет лагерей были заменены расстрелом, о котором родственникам не сообщили. Все версии носят предположительный характер и нуждаются в проверке, но возможностей к этому мало, если не сказать, что они отсутствуют вовсе. Не думаю, что причина таинственного исчезновения Александра Эдуардовича Осыховского органам НКВД была неизвестна. Возможно, его перемещение в лагерь с «неизвестным» названием было придумано для того, чтобы ввести в заблуждение его близких.

Заключением прокуратуры РФ по Новосибирской области от 21 июня 1994 года мой дедушка был реабилитирован (Приложение №22). Но на этом поиски ответов на вопросы о его странном исчезновении я не закончила. По совету работника ЦИТО УФСИН по Хабаровскому краю я сделала соответствующий запрос в ФКУ «ГИАЦ МВД России»*, на что получила ответ: «Сведениями об аресте, судимости, нахождении в местах лишения свободы, в ссылке, высылке, на спецпоселении и другими данными в отношении Осыховского Александра Эдуардовича» данное учреждение не располагает». В настоящее время (декабрь 2012 г. – Авт.) проводится проверка сведений о судьбе Осыховского А.Э. по учётам и архивным материалам органов МВД России на региональном уровне, а также МВД (полиции) государств – участников СНГ. Проведение проверки требует длительного времени. О результатах будет сообщено дополнительно».

Таким образом, остаётся надеяться и ждать.

* Федеральный комитет управления, Главный информационно-аналитический центр МВД.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. НИКОЛАЙ ЭДУАРДОВИЧ

I. Польские повстанцы

В начале 1937 года у Николая Эдуардовича умерла жена*. Сиротами остались трое детей: одиннадцатилетний Володя, семилетний Лёня и двухлетняя Галя. Из-за того, что детям нужна была женская рука и забота, Николай Эдуардович через некоторое время женился второй раз**, но, спустя полгода, глава семьи был арестован. Ещё через год репрессиям подверглись его дети: их разлучили и распределили по разным детским домам, жена Анастасия в это время ждала ребёнка.

Как упоминалось выше, в Интернете я отыскала материалы протоколов допросов тех, кто послушно исполнял волю репрессивной машины. Но прежде чем познакомить читателей с одним из них – он касается Николая Эдуардовича Осыховского, – хочу привести телеграмму секретаря ЦК ВКП (б) И. Сталина.

[ТЕЛЕГРАММА]

ШИФРОМ ЦК ВКП(б)

СЕКРЕТАРЯМ ОБКОМОВ, КРАЙКОМОВ, ЦК НАЦКОМПАРТИЙ, НАРКОМАМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, НАЧАЛЬНИКАМ УНКВД

ЦК ВКП стало известно, что секретари обкомов-крайкомов, проверяя работников УНКВД, ставят им в вину применение физического воздействия к арестованным, как нечто преступное. ЦК ВКП разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП. При этом было указано, что физическое воздействие допускается, как исключение, и притом в отношении лишь таких явных врагов народа, которые, используя гуманный метод допроса, нагло отказываются выдать заговорщиков, месяцами не дают показаний, стараются затормозить разоблачение остав-

* Мария Ивановна, урождённая Тябут.

** Анастасия Денисовна, урождённая Ильиных.

шихся на воле заговорщиков, – следовательно, продолжают борьбу с Советской властью также и в тюрьме. Опыт показывает, что такая установка дала свои результаты, намного ускорив дело разоблачения врагов народа.

СЕКРЕТАРЬ ЦК ВКП(б) И.СТАЛИН

10/I - 39 г.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 6. Л. 145-146. Машинопись (1-й экз.). Согласно пометам на архивном экз., машинописные копии посланы: Берия, Щербакову, Журавлеву, Жданову, Вышинскому, Голякову, и др. (всего 10 адресатов) (27).

Следовательно, пытки в «практике НКВД» были официально разрешены товарищем Сталиным с 1937 года и под эгидой «явных врагов народа» несомненно применялись к большинству заключённых, если не ко всем.

Итак, документ. Под грифом «секретно» он подписан работниками НКВД Ульяновым и Калининым, в числе его девяноста трёх жертв значится и Николай Эдуардович, младший из детей моего прадеда.

«ИЗ СПРАВКИ Нарымского окротдела НКВД от 15 февраля 1938 года (г. Колпашево) на арест группы жителей Кривошеинского района за принадлежность к польской повстанческой организации.

УТВЕРЖДАЮ Вр. нач. Нарым(ского) окротдела НКВД

лейтенант Госбезопасности Подпись Ульянов

СПРАВКА

Следствием по делу вскрытой и ликвидированной Нарымским окротделом НКВД контрреволюционной шпионско-диверсионной повстанческо-террористической «Польской организации войсковой», – установлено, что в деятельности названной организации принимали активное участие следующие лица, проживающие на территории Кривошеинского района, Нарымского округа:

1. МИЛЬКЕВИЧ, Евстафий Антонович
2. КУШНЕРУК, Андрей Петрович

(…)

32. ХАНЕВИЧ, Кузьма Осипович

(…)

82. **ОСЫХОВСКИЙ, Николай Эдуардович** (выделено автором)

(…)

93. ЛАЙКО, Адам Казимирович

Считаю необходимым вышепоименованных участников контрреволюционной организации арестовать и привлечь к уголовной ответственности по ст. 58-2,6,8,11 УК РСФСР.

Оп(ер)уполн(омоченный) 3 отд. УГБ –
Нарым(ского) окротдела НКВД
Подпись Калинин

Архив УФСБ Томской области. Д. П-1996. ТА. Л. 6-8. Подлинник. Машинопись»(28).

II. Арест. Постановление «Тройки»

Семья Осыховских таяла на глазах: Григорий и Анна были уже расстреляны, под стражей в Новосибирской тюрьме содержался Александр. Николай по счёту арестов шёл четвёртым. Пятой, спустя три недели, отправят в Колпашевскую тюрьму жену Григория, Марфу Никитичну, через восемь месяцев шестым в Свердловске арестуют их сына Ивана – студента техникума. Но об этом позже.

Николая Эдуардовича взяли 15 февраля 1938 года, ордер на арест был выписан Кривошеинским районным отделением Управления НКВД сроком на одни сутки (Приложение №4). Если Александра арестовали за антисоветскую агитацию, Григория за участие в контрреволюционной кадетско-монархической и эсеровской организации, Марфу за участие в правотроцкистской организации, то Николая – как и Анну – за то, что он якобы принадлежал к «Польской организации войсковой».

Николай Эдуардович родился 1 декабря 1898 года в селе Молчанове. Согласно анкете, по профессии был плотником (по

другим данным охотник-промысловик), паспорта не имел, с 1917-го по 1918-й воевал на фронтах Первой мировой войны. Социальное положение – крестьянин-колхозник, до революции крестьянин-единоличник, беспартийный, национальность и гражданство (подданство) – поляк. Слово «поляк» в анкете написано поверх другого, следовательно первоначальный статус национальности Николая Эдуардовича был обозначен видимо как «русский». Остаётся предположить, что «поляка» оперуполномоченные вписали не иначе как под след «линейных арестов» (фрагмент анкеты в Приложении №23). На воинском учёте состоял в Кривошеинском РИКе (революционно-исполнительном комитете – Авт.); судимости, арестам и другим репрессиям при «Соввласти» не подвергался, наград не имел. Состав семьи: жена – Ильиных Анастасия Денисовна 18-ти лет, колхозница; дети – сын Владимир 12-ти лет, сын Леонид 8-и лет, дочь Галина, 3 года, проживали в селе Молчанове.

На семнадцатый день после ареста Николая Эдуардовича привели на допрос. Судя по всему, к этому времени с ним была проведена соответствующая работа и поэтому безоговорочно и сразу он начал признаваться в том, чего не совершал.

«С близкими знакомыми», – записывает работник НКВД в протоколе допроса, якобы со слов арестованного, – мы «вели националистические контрреволюционные беседы, в которых восхищались высокоразвитостью национальными воинственными чувствами польского народа, который (…) вновь завоюет Украину и покорит Москву, как это было в своё время, и что в этом направлении, особенно за последнее время, Польское государство, её разведывательные и военные органы ведут усиленную подготовку для нападения на СССР. (…) По заданиям (далее текст вымаран) совместно с участниками данной организации мы провели отравление колхозных телят в количестве 16 штук мышьяком и сулемой, который достал (так в тексте) неизвестным мне способом». Конец цитаты.

Поскольку арестованным «полякам» вменялась «контррево-

люционно-шпионско-диверсионная работа» по заданию польских разведорганов, их дело было передано в военный трибунал. Все они были приговорены к ВМН – высшей мере наказания. При знакомстве с протоколами допросов других участников «контрреволюционных организаций» я обратила внимание на то, что всевозможные отравления колхозного скота, поджоги ферм и подрывы несуществующих мостов в их показаниях были очень популярны.

По словам Леонида Николаевича Осыховского, его отец Николай и дядя Григорий имели в Молчанове один дом на две семьи. «Дом был разделён на две половины, – сообщил Леонид Николаевич, – в одной жил дядя Гриша с семьёй, в другой – наша семья».

После смерти матери и ареста отца Лёня вместе с братом Владимиром и сестрой Галиной остался круглым сиротой. Вот как пишет об этом Леонид Николаевич: «Нас отправили с сопровождающим в Колпашево для распределения по детским домам: меня с Володей направили в Тоинский детский дом Томской области, а маленькую Галю – в Александровский». В Бакчарском детском доме, куда Лёню перевели из Тоинского, его стала опекать Лидия Спиридоновна Дубовицкая – ленинградская воспитательница, находившаяся тогда в Томской области в эвакуации. В 1944 году, взяв Лёню с собой, она вместе с ним и дочкой возвратилась в Ленинград. Там Леонид Николаевич сначала окончил Ленинградское военно-морское подготовительное училище, а в 1951 году – Высшее военно-морское училище связи и радиолокации, с присвоением звания лейтенант Военно-Морского Флота. Для прохождения дальнейшей службы он выбрал Тихоокеанский флот, где служил на боевых кораблях и штабных учреждениях Флота около 32 лет. После демобилизации проработал 23 года в Тихоокеанском океанологическом институте Дальневосточного Отделения Российской Академии наук. В настоящее время – на пенсии.

Об аресте своего отца Леонид Николаевич вспоминает: «Я

хорошо помню день ареста моего папы – это было поздно вечером зимой, когда пришли его забирать. Помню, при обыске в ящике стола обнаружили фотографию тёти Анны, которая к этому времени была уже арестована (к этому времени она уже была расстреляна – Авт.). Отца это очень обеспокоило. После окончания обыска, когда больше ничего не нашли, отца увезли в село Могочино. Ещё помню случай, когда большую группу заключённых перевозили или перегоняли из села Могочино, видимо, в Колпашево или Томск. Арестованных разместили в клубе села Молчанова, и мы, мальчишки, бегали к клубу, чтобы увидеть своих родных. Общаться с ними не разрешили – мы виделись только через окно. Это был последний раз, когда я видел своего отца живым. Мне было тогда восемь лет».

Из краткой справки о Николае Эдуардовиче из УФСБ по Томской области: «Арестован (…) как активный участник контрреволюционной националистической «Польской организации войсковой», готовившей вооружённое восстание против Советской власти. Содержался под стражей в тюрьме в г. Колпашево. Постановлением Тройки УНКВД СССР по Новосибирской области от 21 апреля 1938 г. № 1106 по ст. 58-2-6-7-9-10-11 УК РСФСР приговорён к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор приведён в исполнение 12 мая 1938 г., сведения о месте расстрела и захоронения в архивном уголовном деле отсутствуют». Как видим, из всех репрессированных Осыховских Николай Эдуардович получил больше всех обвинительных пунктов по пресловутой 58-й статье.

Если сравнить подписи Николая Эдуардовича в анкете от 16 февраля 1938 года и протоколе допроса от 4 марта того же года, то видно, что они абсолютно разные: первая выполнена мелким убористым почерком и обозначена полностью, вторая (укороченная) разительно отличается от первой. Создаётся впечатление, что подписи выполнены не самим заключённым, а лицами, заполнившими эти бумаги. Фамилии и подписи этих лиц отсутствуют (Приложения №№ 23,24).

Отца Лёни расстреляли в возрасте тридцати девяти лет, самому Лёне через пять дней после расстрела отца должно было исполниться восемь лет.

III. Колпашевский Яр

Общей могилой в Колпашеве является печально известный Колпашевский Яр. В 1979 году паводковыми водами Оби произошёл его подмыв, и то, что случилось с ним, потрясает цинизмом и жестокостью.

«Городок Колпашево, – пишет библиотекарь Колпашевского кадетского корпуса Н.Д. Ситникова, – до недавнего времени был мало известен. В памяти другое слово: Нарым». А Колпашево был некогда административным центром Нарымского округа «особой территориальной единицы Западно-Сибирского края, отведённой для уничтожения «врагов народа». Со всего Союза свозили их сюда на верную гибель»(13).

«Кровью народа история пишется, – продолжает Нина Дмитриевна. – И одна из страниц написана кровью наших земляков. Этой весной (2010 год – Авт.) исполняется 31 год, как Колпашевский Яр обнажил массовое захоронение на месте Нарымского окружного отдела НКВД. Тогда наш город прославился тем, что выходит за пределы человеческого разумения». И далее Нина Дмитриевна рассказывает страшную историю уничтожения общей могилы с останками жертв репрессий подмытого обскими водами Яра.

Описание этой истории я нашла также и на форуме Сибирских Сетей в Интернете, – её по щадящим соображениям и привожу.

«Это место называется «Колпашевский Яр». Находится он в районе города Колпашево, что к северу от Томска. В 1979 году во время майских праздников паводок подмыл берега Колпашевского Яра и обнажил одно из крупнейших мест массовых захоронений расстрелянных в 30-40-х годах. Захоронение было огромным. Слухи об открывшейся «братской могиле» сразу

распространились по Колпашево и немного погодя достигли Томска, в Томске, как и в других городах области, почти каждый второй имеет либо репрессированных родственников, либо сам был репрессирован.

Люди устроили из этого захоронения место паломничества, на что местные власти ответили довольно оперативно. Во-первых, почти сразу после обнаружения было выставлено оцепление вокруг могильника, чтобы не позволить людям приносить цветы и ставить свечки. Во-вторых, сразу возник вопрос, что делать дальше. Разумеется, никто особо не задумывался над вопросом о перезахоронении останков, как того потребовало местное население. Между тем, трупы были чуть ли не в идеальном состоянии, многие из них мумифицировались в связи с сочетанием почвы и извести, которой трупы засыпались в яме, куда их сбрасывали после расстрела. На трупах сохранилась большая часть одежды, более того, можно было и опознать их по внешним признакам.

Тогда же из центра пришло распоряжение захоронение ликвидировать. Шутов, глава Колпашево, выполнил приказ чётко, по-большевистски. К Яру по Оби подогнали пароход, развернули его винтами к берегу и начали размывать берег. Но берег плохо поддавался, да и с трупами было не всё гладко. Некоторые – да, измельчались в куски винтами парохода, но большую их часть стало разносить по всей реке. В течение двух недель по всей Оби плавали трупы репрессированных, УКГБ приняло меры по решению и этой проблемы. Были сформированы отряды из сотрудников МВД, КГБ, а также созданы дружины добровольцев, которых посадили на моторные лодки и перегородили ими реку. С заводов им стали доставлять ненужный железный лом. Задача этих отрядов заключалась в том, чтобы подплыть к трупу, привязать груз лома к нему и утопить. Злая ирония заключалась в том, что дружинников-«добровольцев» формировали не так уж добровольно и, более того, у большинства из них, вероятно, могли быть родственники в этой яме.

За две недели большую часть трупов удалось «героически» утопить. Однако по прошествии лета и даже на следующий год попадались плавающие трупы расстрелянных, которых носило вместе со сплавом леса по реке. Их вылавливали и закапывали, где придётся. Именно закапывали, а не хоронили.

В 1990 году по данному поводу было возбуждено уголовное дело по факту надругательства над телами умерших. В 1992 году дело было закрыто за отсутствием состава преступления. Лигачёв и Шутов до сих пор на свободе. Сколько человек было расстреляно в Колпашево в самый пик репрессий, установить невозможно. Можно предположить, что в данном захоронении покоится не менее 5-6 тысяч невинно убиенных*. Хотя есть сведения, что расстрелы производились не только в Колпашево, но и в пригородном Тогуре и ряде других мест»(29).

По словам Н.Д. Ситниковой, 99 процентов следственных дел на осуждённых, согласно показаний бывшего работника КГБ Анатолия Ивановича Спраговского, «были грубо сфальсифицированы работниками Томского и Нарымского отделов НКВД. (…) Но вот что характерно, сколько бы не рушился яр, а клин, вымытый в нём в 79-м, не исчезает. Словно вбит он в души, в совесть живущих ныне и тех, кто будет жить потом»(13).

Волею судьбы я побывала в Колпашево, это было в начале августа 1960 года. В это время со своим отцом и сестрой Людмилой (от его второго брака) я путешествовала по Оби на теплоходе «Максим Горький», вернее, ехали мы в посёлок Стрежевой, где в то время жил отец со второй семьёй. В Колпашеве была большая остановка, и мы, сойдя на берег, втроём отправились в город: отец повёл нас не то к родственникам, не то к знакомым. Но ни тогда, ни после он ни слова не сказал о том, что Осыховские содержались в Колпашевской тюрьме, расстреляны там и захоронены в общей могиле на берегу Оби. В том, что отцу были известны эти факты, сомневаться не приходится, –

* По данным общества «Мемориал» – около 4-х тысяч.

он близко общался со своей племянницей Ритой Москвитиной*, проживавшей в Томске, а она знала о многом. Побывать на земле, принявшей в своё лоно своих близких, и вместе со своими дочерьми хотя бы мысленно поклониться их праху, отец посчитал своим долгом, будто чувствовал, что в будущем печальная страница истории семьи Осыховских будет записана и предана гласности.

IV. Вершители судеб. Эффект бумеранга

27 апреля 1956 года в городе Томске старшим следователем следственного отдела УКГБ при СМ СССР по Томской области капитаном Челноковым был допрошен бывший сотрудник Нарымского окружного отдела НКВД Г.Н. Худяков. Допрос проводился в связи с реабилитацией необоснованно репрессированных жителей Кривошеинского района.

Фрагменты протокола допроса Худякова, приведённые здесь, освещают моменты, большей частью касающиеся организаций, в которых якобы состояли мои родственники. Но приведён также и фрагмент, касающийся латышской национальной организации, из которого в частности видно, какие методы в своей работе применяли «винтики» этой страшной репрессивной машины. При этом на допросах по поводу своей деятельности «винтики» выказывали свою постоянную забывчивость и часто не помнили своих действий по отношению к арестованным.

«ПРОТОКОЛ ДОПРОСА бывшего сотрудника Нарымского окружного отдела НКВД Г.Н. Худякова (Архив НКВД).

27 апреля 1956 г., г. Томск

Об ответственности за дачу заведомо ложных показаний предупрежден по ст. 95 УК РСФСР. Худяков».

Фрагмент первый

ВОПРОС: В органах НКВД в 1937–38 годах Вы работали?

---

* Внучка Анастасии Эдуардовны Пикулиной (Осыховской) и дочь Анфии.

ОТВЕТ: Да, работал. Весь 1937 год и до июля или августа 1938 года я работал в должности секретаря Кривошеинского РО НКВД, а затем до конца 1938 года помощником оперуполномоченного Нарымского окротдела НКВД. (…)

ВОПРОС: Кем Вы были привлечены для участия в следствии?

ОТВЕТ: Кто меня назначал для ведения следствия по делам арестованных, я за давностью времени не помню.

Фрагмент второй

ВОПРОС: Из показаний арестованных Чесновского А.И., Черных А.И., Вайвод У.Т. и других, которых Вы допрашивали, видно, что все они признали себя виновными в том, что являлись участниками контрреволюционной повстанческой латышской националистической организации, проводили вербовку новых лиц в эту организацию, вели антисоветскую агитацию, а некоторые занимались диверсионной деятельностью. Соответствуют ли действительности эти показания арестованных?

ОТВЕТ: (…) Перед допросом этих арестованных мне были даны в отношении их копии протоколов допроса с признательными показаниями других арестованных и было предложено получить от своих арестованных признательные показания в разрезе тех показаний арестованных, копии протоколов допроса которых мне были даны. При этом мне было сказано, что арестованные, которых я должен допрашивать, уже обработаны и легко пойдут на признание. Так было и в действительности. На все вопросы, которые я задавал арестованным, они давали признательные показания. Кто мне поручал допрашивать и говорил, что они уже обработаны, я не помню, мне кажется, что Лукичев или Калинин.

ВОПРОС: Кем и каким образом проводилась обработка арестованных?

ОТВЕТ: Кем именно и каким образом обрабатывались арестованные для дачи признательных показаний, я не знаю. (…) Я слышал от сотрудников Нарымского окротдела НКВД, но от кого именно не помню, что в камерах среди арестованных были

так называемые «колуны», то есть люди, которые подготовляли арестованных к даче признательных показаний. (…)

ВОПРОС: Большинству арестованных по этому делу вменено в вину ряд фактов диверсионной и вредительской деятельности. Проверкой же установлено, что таких фактов в действительности не было. На каком основании арестованные обвинялись в этих, не совершенных ими преступлениях?

ОТВЕТ: Факты диверсионной и вредительской деятельности в вину арестованным были вменены на основании их показаний о совершении тех или иных вредительских или диверсионных актов. Проверялись ли эти показания арестованных я не знаю, так как я только допрашивал арестованных и протоколы их допроса отдавал старшему следственной группы Лукичеву или Калинину. Они же мне говорили, что документы о совершении тех или иных актов диверсионной и вредительской деятельности, о которых дают показания арестованные, ими будут получены.

Фрагмент третий

ВОПРОС: Участвовали ли Вы в следствии по делам на арестованных, обвинявшихся за участие и антисоветскую деятельность в составе контрреволюционной шпионско-диверсионной повстанческо-террористической «Польской организации войсковой» в 1937–38 годах?

ОТВЕТ: Я помню, что в Нарымском окротделе НКВД дела на арестованных в 1937–38 годах поляков за участие их в контрреволюционной повстанческой организации «Польской организации войсковой» велись, но вел ли я следствие на арестованных участников этой организации, сейчас не помню.

ВОПРОС: Существовала ли такая организация в бывшем Нарымском округе?

ОТВЕТ: Существовала ли так называемая «Польская организация войсковая» в бывшем Нарымском округе, я не знаю. Я о существовании такой организации слышал только из разговоров с сотрудниками НКВД, а также знал, что от некоторых арестованных о существовании её получены признательные показания».

Далее, отвечая на очередной вопрос следователя, Худяков говорит о том, что «в 1937и 1938 годах следствие по делам на арестованных велось вообще упрощённым способом», и он делал то, что «было приказано». В заключение допроса, рассказывая об очередной жертве, Худяков произносит: «… когда Синицын (или Птицын) прибыл из командировки в Колпашево, его арестовали, и сразу же в моём присутствии Лукичев предъявил ему уже готовый, отпечатанный на машинке протокол допроса. Читая этот протокол, Синицын или Птицын в начале делал пометки, где был записан вымысел. Лукичев спросил: «Что ты делаешь?» Арестованный ответил, что таких фактов, которые записаны в протокол, не было, и он будет опровергать их в суде. Тогда Лукичев ему разъяснил, что его дело будет рассматриваться не судом, а тройкой без его присутствия и что ему без всякой канители лучше подписать протокол. Выслушав это, Синицын или Птицын не стал дальше читать протокол и его подписал. Судя по этим фактам, а также потому, что арестованные обрабатывались для дачи показаний в тюремной камере, я также понимаю, что следствие в 1937 и 1938 годах велось необъективно. (…)

Подпись Худяков

Допросил: Ст. следователь след.отдела УКГБ при СМ СССР по Томской области капитан Подпись. Челноков.

Архив УФСБ Томской области. Д. П-1273. Л.348-355. Подлинник. Рукопись(30).

На допросе следователь Челноков упоминает о Чесновском, Черных и Вайводе – очередных жертвах политического террора. Сведения о них также опубликованы в Книге Памяти по Томской области. Все трое – латыши, жители Кожевниковского и Кривошеинского районов, арестованы 17 февраля 1938 г. по обвинению в принадлежности к «Партии святых», расстреляны 22 мая 1938 г., реабилитированы в марте 1957 года. Кроме них, в Книге Памяти упомянуты ещё двенадцать мужчин с фамилией

«Вайвод». Все они также латыши и все из Кривошеинского района, за исключением одного, который, так же, как и Чесновский, проживал в Кожевниковском районе. Десять человек были расстреляны, один получил 10 лет лагерей и один, репрессированный в 1932 году, умер через две недели после ареста. Все реабилитированы (см. выписки из Книги Памяти в Приложении).

V. Репрессированы неосновательно

20 сентября 1957 года военным трибуналом Одесского военного округа были рассмотрены «протесты о порядке надзора Главного военного прокурора на постановление Комиссии НКВД СССР и Прокурора СССР от 21 апреля 1938 года, на основании которого» были расстреляны почти сто человек – «участников» «Польской организации войсковой», якобы действовавшей в Кривошеинском районе Нарымского края. Среди них был и Николай Эдуардович Осыховский. В констатирующей части определения говорится: «Все перечисленные выше лица были арестованы в феврале 1938 года Нарымским окружным отделом НКВД по обвинению в принадлежности к антисоветской организации под названием «Польская организация войсковая». По заданию организации все они якобы готовили вооружённое восстание против Советской власти, занимались диверсионной террористической и шпионской деятельностью, вербовкой новых лиц в организацию. (…)

Главный военный прокурор в своём прошении просит постановление Комиссии в отношении всех репрессированных по данному делу отменить и дело производством прекратить за отсутствием состава преступления по следующим основаниям:

Обвиняемые на следствии виновными себя признали, однако их показания никакими объективными доказательствами не подтверждены. Свидетели по делу не допрашивались, и показания обвиняемых об их антисоветской деятельности тогда не проверялись.

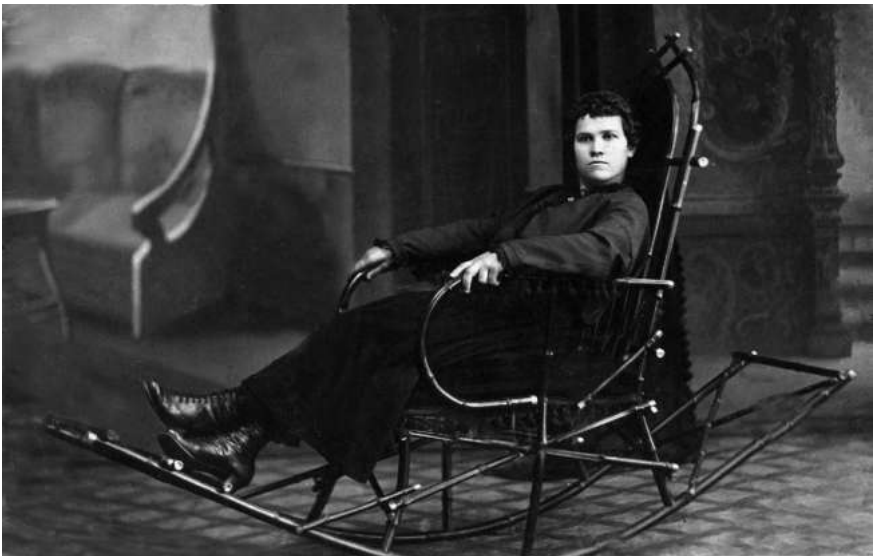
Проверкой по спецархивам МВД и МГБ при Совете Министров СССР установлено, что доказательств, подтверждающих вину (одно или два слова вымараны – Авт.) и других обвиняемых по этому делу к моменту их ареста в распоряжении органов следствия не имелось, хотя о наличии таких данных было указано в справках на аресты.

В обвинительном заключении указано, что эта контрреволюционная организация была создана обвиняемым (фамилия вымарана) по заданию вице-консула польского посольства (фамилия вымарана), однако проверкой по центральному Государственному особому архиву СССР (одно или два слова вымараны) о принадлежности (две фамилии вымараны) к агентуре польских разведорганов не установлено (лист дела 15, том IV). (…) О необъективном оформлении материалов следствия свидетельствует и тот факт, что в ходе дополнительной проверки не нашли своего подтверждения показания обвиняемых в совершении ими диверсионно-вредительских актов и других преступлений.

Так, собранными в ходе проверки документами и показаниями свидетелей (фамилии вымараны) и других, опровергнуты показания обвиняемого (фамилия вымарана) о том, что он осенью 1936 года в колхозе имени Стаханова якобы сжёг скотный двор, обвиняемого (фамилия вымарана) о том, что он в 1936 году поджёг ремонтную мастерскую.

В материалах дела на большинство обвиняемых имеются характеристики сельских советов, в которых они характеризовались как лица, враждебно настроенные к Советской власти, занимавшиеся антисоветской деятельностью. Допрошенные в процессе дополнительной проверки в качестве свидетелей бывшие председатели сельских советов (две фамилии вымараны), подписавшие эти характеристики, показали, что ни одна из этих характеристик не соответствует действительности». Таким образом, – указывается в протесте, – «следует признать, что все привлечённые лица по данному делу были репрессированы необоснованно».

Братья Осыховские. Слева направо: Игнатий, Александр, Григорий. Село Молчаново, 1912-1914 гг. (из архива В.В. Гайнатулиной).



Степанида Никитична Козлова – жена Александра Осыховского и бабушка автора, 1918-1919 гг., г. Чита (из архива В.В. Гайнатулиной).

Фото слева: Братья Осыховские – Игнатий и Николай, 1912-1914 гг. (из архива Л.Н. Осыховского).

Фото справа: Николай Эдуардович Осыховский за несколько месяцев до ареста, 1937 г. (из архива С.А. Вакулиной).

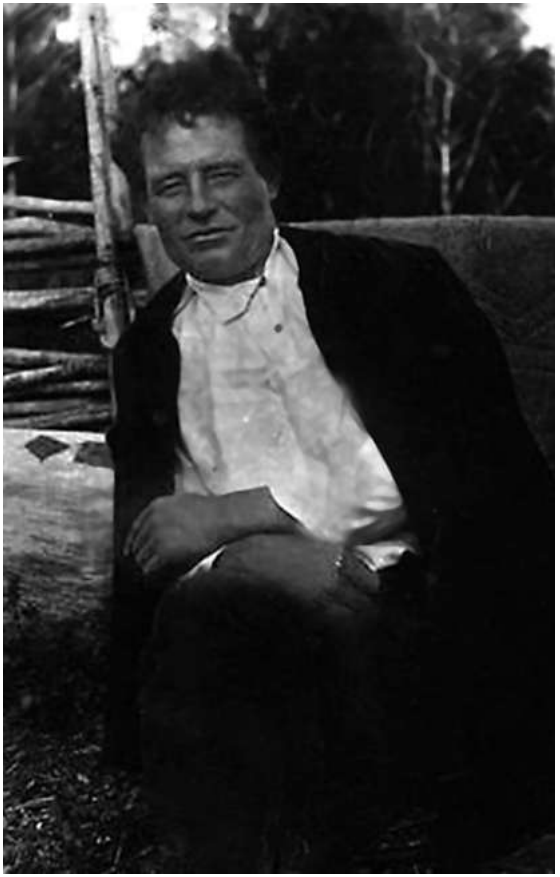
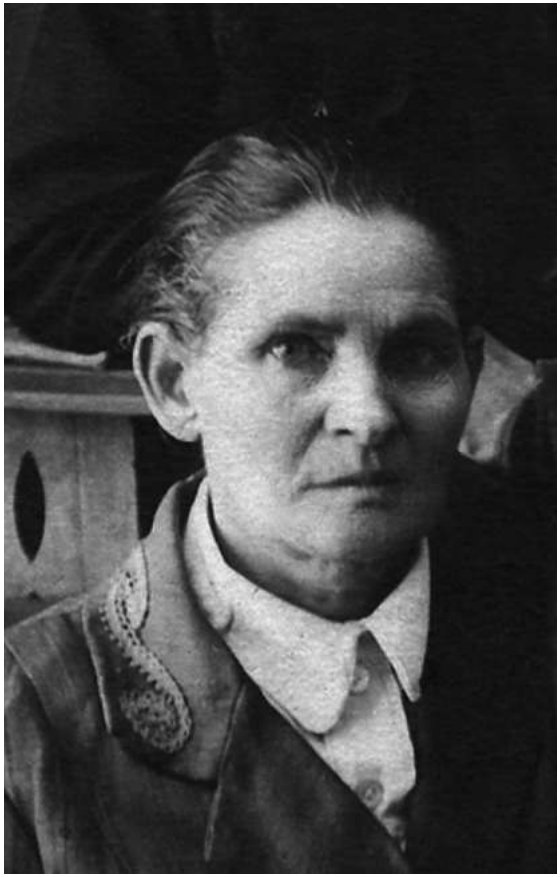


Фото слева: А.Э. Пикулина с родственниками, сидит слева. Справа сидит её дочь Анфия Маркеловна Москвитина. Середина 20-х годов (из архива Л.В. Толмачёвой).

Фото справа: Анастасия Эдуардовна Пикулина (Осыховская) – предположительно середина 20-х годов (из архива Л.В. Толмачёвой).

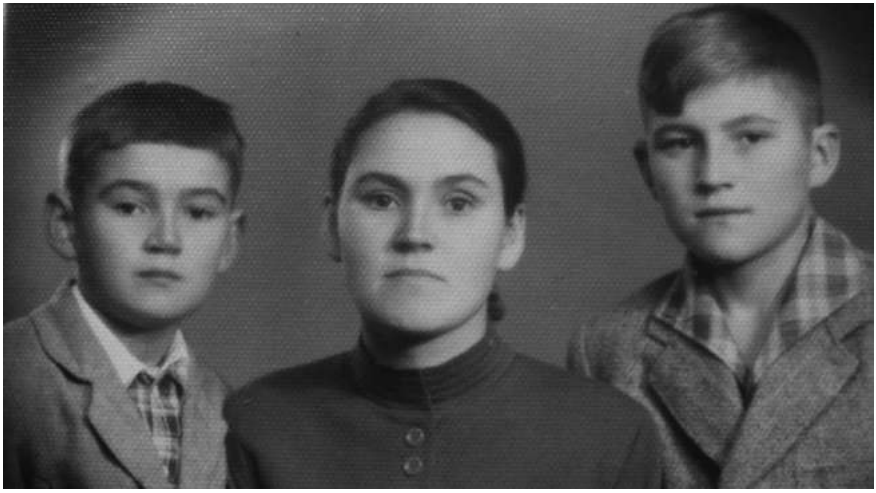


Владимир Александрович Осыховский – сын А.Э. Осыховского и отец автора, пос. Стрежевой. Около 1960 г. (из архива В.В. Стафеевой).

Эдуард Александрович Осыховский с женой – второй сын А.Э. Осыховского. Предположительно 80-е годы, г. Экибастуз (из архива Э.В. Осыховского).

Сыновья Николая Эдуардовича Осыховского – слева направо:
Владимир и Леонид. Таджикистан, конец 1950-х годов
(из архива Л.Н. Осыховского).

Владимир и Леонид Осыховские, жена Владимира и их дети –
Людмила и Леонид, (остальные неизвестны).
Таджикистан, конец 50-х годов (из архива Л.Н. Осыховского).



Сыновья от первого брака Владимира Николаевича – Борис и Александр, с матерью Ниной. Таджикистан, 1962 г.

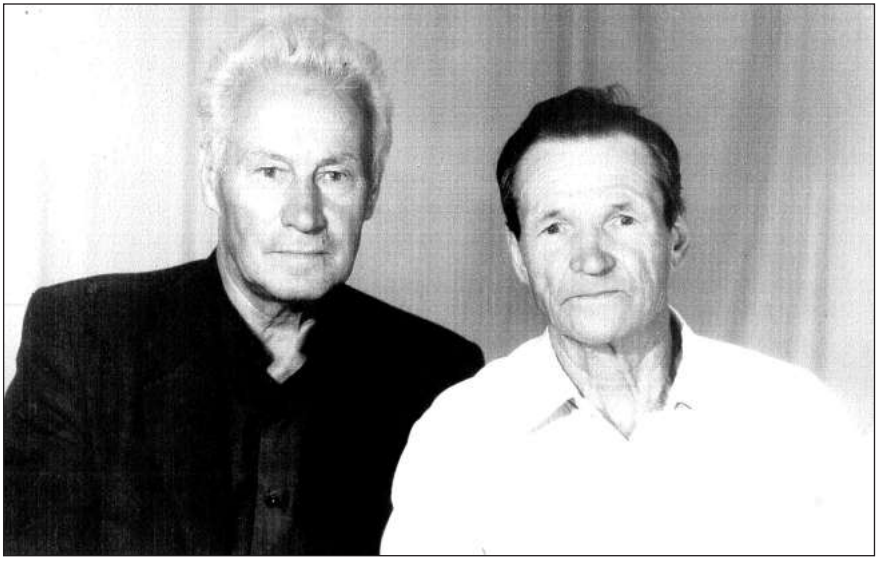
Леонид Николаевич Осыховский, предположительно 50-е годы (из архива Л.Н. Осыховского).

Леонид Николаевич с женой Людмилой Сергеевной (из архива Л.Н. Осыховского).

Младшая дочь Н.Э. Осыховского – Галина Корнева. Предположительно середина 50-х годов, г. Ярославль (из архива Л.Н. Осыховского).

Иван Григорьевич Осыховский (слева) с матерью Марфой Никитичной и другими родственниками. Предположительно конец 1937 года, с. Молчаново (из архива А.М. Осыховского).

Преподаватель Иван Григорьевич Осыховский со студентами техникума – сидит во 2-м ряду в середине. 50-е годы, г. Свердловск (из архива А.М. Осыховского).



Иван Григорьевич Осыховский с другом детства Владимиром Николаевичем Харитоновым. Середина 80-х годов, с. Молчаново (из архива А.М. Осыховского).

Фото слева:
Минадора Маркеловна Евсеева – дочь А.Э. Пикулиной-Осыховской (из архива С.А. Кондрашова).

Фото справа:
Анфия Маркеловна Москвитина – дочь Анастасии Эдуардовны Пикулиной-Осыховской. Предположительно середина 30-х годов, (из архива Л.В. Толмачёвой).

Встреча автора с родственниками в городе Томске (ветвь Александра Эдуардовича Осыховского), 6 августа 2011 г. (из архива автора).

Семья Осыховских в Томске за праздничным столом, 6 августа 2011 г. (из архива автора).

Внучки Александра Эдуардовича Осыховского, слева направо: Нина, Валентина, Тамара, Вера. Август 2011 г., Томск (из архива автора).

Внучки Александра Эдуардовича Осыховского. Слева направо - Валентина,Тамара, Вера, Нина. Август 2011 г., Томск.

Фото справа:
Леонид Николаевич знакомится с архивно-следственным делом отца.
Март 2013 г., Ярославль
(из архива автора).

Фото внизу:
Изучение дел репрессированных родственников.
Слева направо: Марина – дочь Г.Н. и В.Л.Корневых; В.Л. Корнев; Т.В. Шаркова-Осыховская; Л.Н. Осыховский. Март 2013 г., Ярославль
(из архива автора).

Встреча автора с родственниками в городе Ярославле (ветвь Николая Эдуардовича Осыховского), март 2013 г. (из архива Л.В. Осыховского).

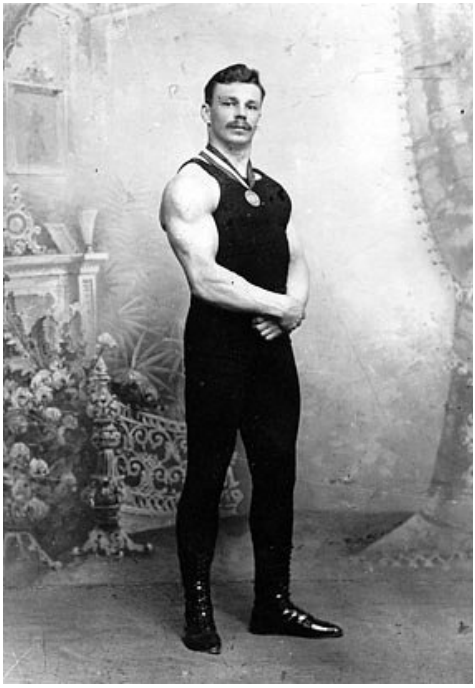


Фото слева:
С.И. Елисеев – русский спортсмен-силач, неоднократный чемпион мира мира.
Фото 1902 года из Википедии, эл.ресурс

Фото внизу:
Леонид Николаевич Осыховский с автором книги в Ярославле, 21 марта 2013 г. (из архива автора).

Автор с дочерью Юлианой,
г. Рязань, 02.02.2013 г.

Внуки автора – старший Роман (слева) и младший Александр Агафошины,
г. Рязань, 02.02.2013 г.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ М.Н. ЛЕОНОВА

Здесь следует прервать цепь арестов-приговоров и привести воспоминания Михаила Никитича Леонова – соратника братьев Осыховских по борьбе с колчаковской реакцией.

События, приведённые Михаилом Никитичем в воспоминаниях, перекликаются с событиями, которые были изложены в автобиографии Григория Эдуардовича Осыховского, с одной стороны, и зафиксированы работниками НКВД на допросах его брата Александра, с другой, – тем самым прямо или косвенно подтверждая их. С этой целью я и привожу его рассказ.

Судя по воспоминаниям, Михаил Никитич Леонов был хорошо знаком с семьёй Осыховских, особенно он сблизился с Александром Эдуардовичем: их объединяла не только совместная борьба против колчаковцев, но и крепкая дружба.

Родился Михаил Никитич в 1893 году в местечке Юзовка Екатеринославской губернии (в настоящее время город Донецк). В 16 лет поступил работать на металлургический завод в прокатный цех, где сблизился с социал-демократами. За связи с подпольной партийной организацией в апреле 1914 года был арестован и сослан в сибирское село Алатаево Нарымского края. Но в Алатаево Михаил Никитич, как он сам пишет, «решил не ехать – решил ехать в Молчаново». Там он квартировал у Анастасии Эдуардовны Пикулиной (Осыховской), где, видимо, и познакомился с её братьями. В ноябре 1916 года вместе с другими ссыльными Леонов был мобилизован в царскую армию и направлен в Томск. Революцию встретил, будучи активным членом Томской подпольной организации большевиков. В мае 1918 года, когда Советская власть в Томске пала, Михаилу Никитичу удалось уйти из города, и некоторое время он скрывался на одном из хуторов, а затем прибыл в Молчаново.

Свои воспоминания Михаил Никитич подарил молчановским журналистам, когда приезжал в село Молчаново. В сокращённом варианте они были любезно предоставлены автору.

Воспоминания М.Н. Леонова:

(…) Пока я добрался до места ссылки, мне пришлось идти по этапу семь месяцев. За это время я побывал в четырнадцати тюрьмах, правда, эти тюрьмы для меня явились как бы первичной школой политической грамоты, так как приходилось сидеть в одной камере с профессиональными революционерами. Прибыв к месту ссылки, я уже неплохо разбирался в политической ситуации в стране. (…)

В Алатаево я решил не ехать – решил ехать в Молчаново. По прибытии в село поселился у гражданки Осыховской Анастасии Эдуардовны.

От майковских крестьян, приезжавших на базар в Молчаново, узнал, что в селе Майково живёт бывший ссыльный А. Басов*. Я повидался с ним и там же встретил Арвида Дубельштейна. Позже в Молчаново прибыла комиссия по мобилизации лошадей для колчаковской армии, с этой комиссией приехал бывший ссыльный Кручинин Григорий, – он работал в губернской земской управе. Узнав, что я живу в Молчанове на полулегальном положении, он дал мне удостоверение в том, что я являюсь уполномоченным управы по Молчановской волости. В мои обязанности входило – подавать в управу сведения о ледоставе на реках и озёрах, о вскрытии рек и озёр, об атмосферных осадках и т.д.

Это удостоверение меня немного легализовало, и я стал чувствовать себя свободнее. Впоследствии Кручинин был расстрелян за сотрудничество с колчаковцами.

Спустя три месяца, когда моя физиономия немного изменилась, я решил съездить в Томск, чтобы установить связь с подпольной организацией. В Томске встретился с бывшим ссыльным В. Вегманом – членом партии с 1896 года, – он был редактором газеты «Рабочее знамя». Вегман рассказал об обстановке как в Сибири, так и по всей стране и дал адрес явочной

* Алексей Басов

квартиры, на которой проживали бывшие ссыльные А. Малиновский и Дианов. Но при этом сказал, чтобы я туда без особенной нужды не являлся, а поддерживал связь с подпольным комитетом через бывшего ссыльного латыша Карла Ильмера, проживавшего в то время в Томске в качестве шведского подданного под фамилией Вейс.

Ильмер часто приезжал в Молчаново, – явочной квартирой там был дом Ильи Пилипенко. Туда периодически приезжали товарищи из ряда сёл и особенно с латышских хуторов, – здесь они получали информацию о положении в Сибири и в стране. С установлением зимы Ильмер стал приезжать чаще. Мы ездили по сёлам и хуторам: он под видом купца, я – его работника. Там проводили беседы с жителями на различные темы, основными из которых были вопросы о советской власти и колчаковщине. Проводя беседы, мы советовали уклоняться от явки на призывные пункты и уходить в тайгу. Я лично отводил в тайгу на реку Иксу Николая Осыховского и А. Пикулина – молчановских ребят. Поскольку явка на призывные пункты была незначительна, колчаковцы издали приказ, в котором говорилось, что за неявку призывников будут сурово наказывать, поэтому многие ребята вынуждены были являться на призывные пункты, но мы советовали им стараться переходить на сторону Красной армии. (…)

В конце 1918 года в Сибири подготавливалось революционное восстание против правительства Колчака, центром восстания должен был стать город Омск. По типу Омска они должны были пройти и в других городах. Томская городская организация большевиков тоже готовилась к восстанию. Для проведения восстания и организации советской власти – в случае его успеха – с периферии губернии стягивались силы большевиков.

Приехавший в Молчаново Ильмер предложил мне, Басову и Дубельштейну выехать в Томск. Доставили нас туда бесплатно майковские крестьяне. Мы прибыли в Томск и явились на явочную квартиру Дианова, где он сообщил, что подготовка восстания провалилась, а главный штаб подготовки восстания

арестован и, следовательно, поднимать восстание в Томске немыслимо; было решено, что мы вернёмся в Молчаново. Обратно нас привезли те же майковские крестьяне. Но Дубельштейн в Майково не вернулся, потому что ещё раньше стал замечать, что в Майково за ним установлена слежка, поэтому его направили на станцию Богорол. Дианов тоже был вынужден выехать из Томска. Впоследствии Дубельштейн, Дианов и Карл Ильмер были арестованы и расстреляны колчаковцами.

В начале весны 1919 года я почувствовал, что мне дальше в Молчанове оставаться нельзя. Илья Пилипенко сказал, что нужно уходить, и дал совет двинуться на Чулым с тем, чтобы пробраться в партизанский отряд Лубкова. О том, где я буду находиться, он обещал сообщить Ильмеру.

Перед самым вскрытием Чулыма вместе с пареньком Барабановым, живущим у реки Икса, я пришёл на плотбище лесничего Владыкина. От рабочих плотбища узнал, что по деревням Чулыма свирепствует карательный отряд и что появляться в деревнях вверх по Чулыму опасно, но и пробраться к Лубкову тайгой, не зная местности, также было невыполнимо. Мой спутник шёл на Чулым работать, и лесничий Владыкин направил его на остров к лесорубу Клычову, с ним пошёл и я. Мы стали пилить дрова для пароходов. Проработав пару месяцев, я решил съездить в Молчаново к Пилипенко, чтобы узнать, что слышно от Ильмера и нет ли от него писем. Переписку мы вели, пользуясь тюремной азбукой. Приехав в устье на Оби, я встретил старого ссыльного матроса Попова, который сказал, что ехать в Молчаново нельзя, потому что там находится карательный отряд, который расстрелял Илью Пилипенко. Он сказал также, что они (колчаковцы – Авт.) разыскивают меня и моего друга Александра Осыховского.

Здесь мы прервём воспоминания Михаила Никитича и приведём трагические слова о гибели Ильи Пилипенко.

«По доносу судьи Шпилярского и врача Маклионова Пилипенко был арестован. Это произошло ночью 30 мая 1919 года,

когда колчаковские каратели в очередной раз прибыли в Молчаново на пароходе «Ермак». (…) Этой же ночью винтовочный залп карателей оборвал жизнь Ильи Пилипенко. (…) Этот факт с педантичной точностью зафиксировал начальник колчаковской милиции второго участка Милентьев в своём протоколе № 378 от 30 мая 1919 года. «Сего числа, – записано в протоколе, – в 12 часов ночи правительственным отрядом с парохода «Ермак» был расстрелян крестьянин с. Молчаново, той же волости Илья Сергеевич Пилипенко, 23 лет, за укрывательство в своём доме двух неизвестных и вредных правительству элементов». (…)

Мужественный поступок Ильи Сергеевича Пилипенко не забыт. Его именем для вечной памяти названа одна из улиц Молчанова»(31).

Далее Михаил Никитич вспоминает:

Пробыв у Попова три дня, и узнав, что каратели уходят из Молчанова вниз по Оби, я решил всё же поехать в Молчаново, чтобы узнать, что там произошло и выяснить, где скрывается Александр Осыховский. Поскольку река разлилась, я добрался ночью до озера Колмахтон, а оттуда пробрался на кладбище, от которого недалеко находился дом Осыховских. Рано утром увидел жену Григория Осыховского (Марфу Никитичну – Авт.) и попросил, чтобы кто-нибудь из братьев Осыховских пришёл ко мне на кладбище. Ночью пришёл Игнатий и сказал, чтобы я не уходил, что через день появится его брат Григорий, который знает, где скрывается Александр. На следующую ночь на кладбище пришёл Григорий и рассказал, где скрывается Александр. Пробравшись на покос, что находился на левом берегу Оби ниже Молчанова, на одной незатопленной гривке я нашёл Александра. Дня через два к нам пришёл Григорий с продуктами и посоветовал пробираться за реку Бакчар. На обласке мы с Александром добрались до устья реки Большой Татош, недалеко от Майково, и направились на латышские хутора. Пробыли там пару дней. В это время знакомый Александра латыш проехался по ближайшим деревням по направлению к Бакчару,

чтобы проверить, нет ли там стражников. Но всё было относительно спокойно, и мы стали пробираться к Бакчару.

На хуторе крестьянина Крицкого нас всё же задержал стражник и потребовал документы, а также спросил, куда мы идём. У Александра Осыховского был настоящий паспорт, а у меня – хотя и подложный, но так оформлен, что у стражника не вызвал подозрения. Мы сказали, что идём в село на работу, строить церковь (название села сейчас не вспомню), а Крицкий подтвердил, что в этом селе действительно есть недостроенная церковь. Стражник уехал, а мы – во избежание новой, нежелательной для нас встречи – пошли окраиной леса. Но поскольку идти лесом было трудно, приняли решение пережидать день в лесу, а ночью идти по дороге. Позже Григорий Осыховский рассказал, что он видел Крицкого, и тот сообщил, что когда стражник отъехал пару километров от хутора, он приказал ему (Крицкому – Авт.) вернуться обратно, чтобы задержать нас, так как у него возникли сомнения в правдивости наших объяснений.

Придя в село, в котором жил знакомый Александра Осыховского Егор Барабанов (с его сыном я был на Чулыме), – мы попросили Егора определить нас куда-нибудь. Он спрятал нас в своей бане, где мы прожили несколько дней. В это время Барабанов проверил, нет ли стражников по тем деревням, через которые нам нужно было проходить. После этого он отвёз нас в деревню, расположенную на правом берегу Бакчара, и здесь мы почувствовали себя, как за границей.

Барабанов рассказал, что за Бакчаром живёт много его односельчан-кержаков*, скрывающихся от властей в силу своих религиозных убеждений, предложил поговорить с ними и сказать, что мы тоже скрываемся от властей. «При этом, – сказал Барабанов, – старайтесь при них не курить, обязательно креститесь двумя пальцами, кланяйтесь в пояс и говорите: «Спаси вас Христос», и тогда они пустят вас на ночлег, накормят и напоят. Первый из кержаков, который встретится на вашем пути,

* Этнографическая группа русских старообрядцев.

будет Зотий, – если вы надумаете идти дальше, он укажет вам дорогу к другим кержакам». И Барабанов подробно рассказал, как найти Зотия.

Добрались мы до Зотия в тот же день, правда, дома его не оказалось: заслышав лай собак, он с женой и дочкой ушёл в глубь тайги. Нам пришлось долго кричать и объяснять, что мы от Баранова и что просим его вернуться домой. Первой пришла девочка, потом жена, она и позвала Зотия. Наконец появился и он, – грязный, заросший, дикарь-дикарём. Узнав, что по дороге нас задерживал стражник, который приезжал в его село, Зотий сказал:

– Идёмте в тайгу, вёрст за 5-6 от моей избы, – там построим себе землянку, где и будем все вместе зимовать.

Так и сделали. Отойдя на несколько километров от избы Зотия, мы выбрали место в тайге и начали сооружать на зиму убежище. Но когда узнали, что место, на котором уже построили землянку, во время половодья заливается водой, мы приняли решение идти дальше. Зотий посоветовал пробираться на реку Галку.

– Там есть посёлок на 10-12 домов, – сказал он, – и хотя его жители и сидят на Библии, но они не кержачат. Они курят и общаются с жителями, проживающими на реке Чая.

Мы пошли дальше. Пройдя несколько километров, остановились на ночлег у одного из кержаков. Утром, увидев у него курей, попросили сварить на дорогу по паре яиц, но хозяин сказал:

– Христос накормил странника хлебом, а о яичках ничего не говорил.

Заплатив ему за четыре яйца 50 рублей колчаковскими, мы с Александром решили, что оставаться у кержаков нет смысла, т.к. эти фанатики, хотя и не откажут в пристанище, и напоят и накормят, – если конечно будешь без конца креститься, кланяться в пояс и повторять «спаси вас Христос», – но пищу подадут в такой посудине, из которой противно есть. А если су-

нешься со своим котелком воды набрать, то могут и избить, к тому же у них не закуришь.

Мы двинулись дальше. По пути встретили несколько человек, среди которых были два эстонца, паренёк из Перми по имени Степан и ещё два парня из ближайшего от реки Галки населённого пункта (названия села также не помню). Одного из эстонцев звали Александром, другого Иваном Карловичем по фамилии Балынчик. Все они дезертировали из колчаковской армии.

В ноябре 1919 года через посёлок, где мы остановились, стали проходить подводы. Люди, ехавшие на них, говорили, что армия Колчака отступает, что она уходит от Красной армии и что её части хотят укрыться на реке Чая. Собравшись в доме, где жили эстонцы, мы стали решать, что делать дальше. Вскоре к нам пришёл сын Тиунова, у которого я жил одно время с Александром Осыховским. Пётр Иванович сказал, что у него в доме остановились два офицера с двумя солдатами из колчаковской армии. Посовещавшись, мы решили их захватить. Вооружившись охотничьими ружьями, пошли в дом Тиунова, где и взяли офицеров. Солдаты же рассказали, что они – крестьяне Тобольской губернии, были мобилизованы в колчаковскую армию и что офицеры заставили их везти в тайгу на реку Чая, где – как они говорили – отсидятся до поры до времени, а там видно будет. От офицеров мы узнали, что Томск уже освобождён Красной армией.

В избу, где мы находились, собрались все мужчины посёлка, и мы стали решать, что делать с офицерами. Решение приняли единодушное – расстрелять. На отобранных у офицеров двух подводах я, Александр Осыховский, двое эстонцев, пермяк Степан и двое солдат из колчаковской армии поехали в Молчаново. По прибытии туда моя квартирная хозяйка Осыховская Анастасия Эдуардовна рассказала следующее: «Когда пароходом прибыл в Молчаново карательный отряд, с парохода сошёл какой-то гражданин в штатском и стал спрашивать тебя, Миха-

ил Никитич, чтобы передать тебе письмо. Старик Пилипенко вызвался передать это письмо и сказал, что ты часто бывал у его сына Ильи. Каратели письмо у старика отобрали и выпороли его шомполами, а сына Илью сильно избили, а потом и расстреляли».

На улицах Молчанова мы встретили много колчаковских солдат с красными лентами на папахах. Среди них попался знакомый из Томска, который рассказал, что этот отряд – карательный и что он свирепствовал по сёлам Чулыма. Но когда солдаты отряда узнали, что Томск занят Красной армией, они перестреляли своих офицеров и, нацепив на папахи красные ленточки, избрали себе командира – некого Хабарова.

Из Молчанова мы поехали в Томск. По прибытии в город двое солдат, эстонец Александр, пермяк Степан и Александр Осыховский направились в военкомат. Осыховского определили в городскую милицию, Балынчика взяли на работу в ЧК (чрезвычайную комиссию – Авт.). Я пошёл в ревком (революционный комитет – Авт.), чтобы просить оказать мне содействие в отъезде на Украину. В ревкоме встретил Малиновского, который представил меня председателю ревкома (фамилию не помню) и сказал, что я хочу ехать на Украину, на что пред.ревкома ответил:

– Хорошо, поедете, но только в Нарымский край, – нужно организовать там советскую власть, а потом уж и на Украину можно.

Снабдили меня соответствующими документами, оружием и большой суммой денег керенками. И поехал я выполнять полученное задание. Закончив работу в Нарыме, вернулся в город Томск, там отчитался о проделанной работе и расходовании денег. Томский ревком направил меня в горком партии, секретарём горкома был тогда бывший ссыльный Карл Озол. Он направил меня в военкомат на должность начальника «Всеобуча».

В мае 1920 года белополяки захватили Киев, и центральным комитетом партии был выдвинут лозунг: «Все коммунисты на

фронт!» При Томском военкомате собралась группа коммунистов из девяти человек, я тоже подал рапорт, и меня зачислили в эту группу.

После демобилизации работал в прокуратуре до 1958 года. В данное время нахожусь, как говорят, на заслуженном отдыхе, хотя отдых конечно относительный, так как общественных поручений имею больше, чем тогда, когда работал.

М. Леонов, 15 июля 1966 г.

(фрагмент в Приложении №25).

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. МАРФА НИКИТИЧНА

I. «Контрреволюционерка»

Бракосочетание Марфы Никитичны Харитоновой и Григория Эдуардовича Осыховского состоялось в Молчанове 23 января 1915 года, Марфе было 17 лет, Григорию 22 года. Через год у них родилась дочка Августа*, ещё через два – сын Иван.

Краткая справка о Марфе Никитичне из УФСБ по Томской области:

«В соответствии с документами дела Осыховская Марфа Никитична, 06 октября 1898 г(ода) р(ождения), уроженка с(ела) Молчаново Кривошеинского района Нарымского округа Западно-Сибирского края, русская, гражданка СССР, беспартийная, образование низшее, из крестьянской семьи, замужем. На момент ареста проживала по месту рождения, род занятий – домохозяйка».

Ордер на обыск и арест Марфы Никитичны – жены «изменника родины» – сроком на десять суток был выписан 5 марта 1938 года, подписал его предположительно старший лейтенант Госбезопасности Н.А. Ульянов, круглая печать под документом отсутствует (Приложение №4). Арестовали тридцатидевятилетнюю женщину 8 марта 1938 года и, сопроводив в Колпашевскую тюрьму, посадили в камеру. Её муж на тот момент был уже расстрелян, но вряд ли она знала об этом. Вряд ли она знала и о том, что арестована, согласно оперативному приказу № 00486 от 15 августа 1937 года, который подписал народный комиссар внутренних дел СССР товарищ Ежов.

В преамбуле говорится: «С получением настоящего приказа приступите к репрессированию жен изменников родины, чле-

* Августа Григорьевна проживала в городе Новокузнецке, по профессии учитель. Согласно «Описи отдела наград за 1967-69 гг.», 28 ноября 1967 года получила звание «Заслуженный учитель РСФСР». По воспоминаниям её брата Ивана, Августа Григорьевна обладала спокойным, молчаливым характером. Её дочь Маргарита предположительно проживает в Санкт-Петербурге, сын Евгений – в Новокузнецке.

нов право-троцкистских шпионско-диверсионных организаций, осужденных военной коллегией и военными трибуналами по первой и второй категории, начиная с первого августа 1936 года. При проведении этой операции руководствуйтесь следующим: 1) В отношении **каждой, намеченной к репрессированию семьи** (выделено автором) проводится тщательная ее проверка, собираются дополнительные установочные данные и компрометирующие материалы. (…) О ходе операции доносить мне трехдневными сводками по телеграфу. О всех эксцессах и чрезвычайных происшествиях – немедленно. Операцию по репрессированию жен уже осужденных изменников родины закончить к 25/X с(его)/г(ода). Впредь всех жен изобличенных изменников родины, правотроцкистских шпионов, арестовывать одновременно с мужьями, руководствуясь порядком, устанавливаемым настоящим приказом»(32). Конец цитаты.

Впечатляет размах репрессии: операцию следовало начать и закончить за 25 дней, и «впредь всех жён изобличенных изменников родины» «арестовывать одновременно с мужьями». Таким образом, если у жён репрессированных были грудные дети, то они подвергались аресту вместе с матерями, потом их изымали и направляли в специальные детские дома.

Согласно анкете, Марфа Никитична была грамотной, до революции – так же как и её родители* – относилась к бедному крестьянству, имела одну корову и дом. После революции – только дом. Правда, через одиннадцать дней пребывания в тюрьме её социальное положение меняется: теперь она относится уже к классу крестьян-середняков, к этому же классу относятся и родители. «Состав семьи – Муж Осыховский Григорий Эдуардович арестован, сын Осыховский Иван Григорьевич 1917 года рождения, (…) до ноября 1937 года учился в г. Свердловске в каком-то техникуме» (так в анкете). Ни до, ни после революции репрессиям не подвергалась, наград не имела; «в Красной», «белой армиях», «в бандах, контрреволюционных организациях и восстаниях» участия не принимала.

* Мать – Харитинья Харитонова.

Обращают на себя внимание сведения об образовании Марфы Никитичны, а именно: в анкете записано «грамотная», в краткой справке ФСБ – образование «низшее», в Книге Памяти – начальное, тогда как по рассказам Галины Дмитриевны Мироновой* – её внучатой племянницы – она не умела даже расписываться. Об этом Галине поведала её бабушка – Александра Никитична.

Потянулись долгие дни ожиданий. Закончилась весна, миновал июнь, прошёл июль, уже и август подходил к концу, а допроса всё не было. Наконец, на сто шестидесятый день, 27 августа 1938 года, – как раз в годовщину расстрела мужа, – её доставили к оперуполномоченным. Это были: сержант 3-го отделения УГБ Нарымского окружного отдела НКВД – его фамилия частично сохранилась под протоколом допроса и похожа на фамилию «Резников» (точно с таким же статусом она фигурирует и в обвинительном заключении Марфы Никитичны), – и его помощник, тоже сержант, фамилия которого в материалах копии дела вымарана. Они начали якобы задавать вопросы, на которые Марфа Никитична якобы отвечает – утвердительно.

Вопрос: На допросе 20 марта 1938 года вы показали, что ваш муж Осыховский Григорий Эдуардович арестован НКВД в 1937 году. Вам известно, за что арестован ваш муж Осыховский?

Ответ: Да, известно. Муж Осыховский Григорий Эдуардович арестован НКВД в 1937 году за контрреволюционную деятельность как участник контрреволюционной организации.

Вопрос: Вам известны участники этой контрреволюционной организации?

Ответ: Да, известны.

Вопрос: Кого вы знаете из участников организации?

И Марфа Никитична якобы называет мужа, зятя и брата, которые к этому времени были уже арестованы. Отвечая на

---

* Проживает в Молчанове. Её двоюродный дед Г.И. Миронов в 1919 году принимал участие в захоронении выброшенных на берег с «барж смерти» замученных колчаковцами сторонников Советской власти. (По материалам местной газеты «Знамя» от 01.09.2009 г.).

очередной вопрос, говорит о том, что названные ею «лица принимали участие в разговорах, проходивших на контрреволюционные темы против свержения Советской власти». На вопрос: «Где находится ваш зять?» – записывается ответ: «Вскоре после ареста моего мужа он тоже был арестован НКВД». На вопрос: «Что вам известно о контрреволюционной деятельности вашего мужа, зятя и брата?» – записано: «Кроме того, что они являются участниками контрреволюционной организации и участвовали в сборищах, ничего неизвестно». На это сержант заявляет: «Вы говорите неправду. Следствие располагает данными, что известны факты контрреволюционной деятельности вашего мужа. Требуем дать показания по этому вопросу».

«Я не хотела больше говорить о своём муже и зяте, – якобы говорит Марфа Никитична, – но поскольку следствие имеет факты, уличающие меня в этом, я решила рассказать всё, что мне было известно о контрреволюционной деятельности мужа и зятя». И далее сержант НКВД будто бы со слов арестованной записывает: «Помню, муж говорил, что мы должны подготовить, как только начнётся война, вооружённое восстание против Советской власти, произвести убийство местных партийных и советских активистов, чтобы подготовить население к восстанию.

Вопрос: Вам предъявляется обвинение в том, что вы являетесь участницей контрреволюционной право-троцкистсткой организации. Вы признаёте себя виновной в этом?

Ответ: Да, действительно я являюсь участницей контрреволюционной организации и виновной себя в этом признаю.

И далее: «Протокол с моих слов записан верно и **лично мной прочитан, в чём расписываюсь,** (выделено автором) – это при том, что Марфа Никитична не умела ни читать, ни писать. Подпись арестованной под документом и на его каждой странице отсутствует, нет там и отпечатка пальца. В конце протокола лишь значится её фамилия, отпечатанная на машинке. Таким образом, этот факт даёт основание утверждать, что документ был сфабрикован оперуполномоченными НКВД, а «показа-

ния» неграмотной женщины, слепленные из смеси их вымыслов, были заготовлены заранее. По свидетельству Галины Дмитриевны, заключённая на допросах даже не понимала, о каких контрреволюционных организациях, в которых она якобы состояла, идёт речь, – об этом родственникам перед смертью рассказала сама Марфа Никитична. Протокол допроса, выполненный машинописным текстом с приличными орфографией, пунктуацией и стилем, только подтверждает этот тезис. В его тексте обращают на себя внимание «показания» заключённой о том, что её близкие люди, то есть муж и зять, были «злейшими врагами соввласти», что «оба они были поляками и работали по заданию польской разведки». Но, согласно выписке из Книги Памяти по Томской области, национальность зятя Марфы Никитичны, Мелешкевича Михаила, к польскому этносу никакого отношения не имеет: он был белорусом.

«Случаи противоправного ведения следствия были и раньше, но наиболее активно методы насилия стали применяться в региональных органах НКВД с 1937 года. Сталин дал указание Ежову, что «врагов народа надо бить, бить и бить, пока не признаются. (…). Следствие, как правило, начиналось с фразы: «Расскажите о своей контрреволюционной деятельности, но знайте, что нам всё известно», или: «Вы арестованы как участник контрреволюционной организации. Признаёте себя в этом виновным?» и т. п. Подавляющее большинство арестованных отказывались от предъявленных им обвинений. Нередко бывали случаи, когда нужных показаний не удавалось добиться по полгода и более. Тогда наступал следующий этап: арестованный мог месяцами сидеть в тюремной камере и не вызываться на допросы. В это время на него собирался «обличительный» материал, выбиваемый из других, ранее арестованных лиц. Наконец, когда требовалось получить от подследственного «собственные признания» для завершения следствия, в ход вступали незаконные методы воздействия, как позднее скромно называли пытки в документах НКВД»(33).

II. Обвинение

Копию обвинения, предъявленного Марфе Никитичне, вернее его фрагмент, предоставил автору Томский государственный архив. Подписал документ оперуполномоченный 3-го отделения сержант госбезопасности Резников (орфография, пунктуация и стиль документа сохранены).

«5. ОСЫХОВСКАЯ Марфа Никитишна 1898 года рождения, урождённая с. Молчаново, Кривошеинского района, Нарымского округа, русская, гр-ка СССР, б(ес)/п(артийная), муж и зять арестованы как враги народа, участники контрреволюционной организации и осуждены. До ареста безработная, проживала в с. Молчаново, Кривошеинского района».

(Обвиняется) в том, что:

1. Являлась участницей контрреволюционной правотроцкистской вредительской группы, существовавшей в с. Молчаново, Кривошеинского района, ставившей целью – свержение советской власти путём вооружённого восстания.

2. Как участница контрреволюционной организации представляла свою квартиру для контрреволюционных сборищ, где обсуждались вопросы о борьбе с советской властью.

3. В контрреволюционных целях систематически вела контрреволюционную агитацию среди окружающего её населения, распространяла провокационные слухи о скорой войне и гибели советской власти, клеветала на вождей партии и советского правительства,

т.е. в преступлении, предусмотренном ст.ст. 58-10-58-11, 19-58-8 УК РСФСР.

Виновной себя признала.

4. Изобличается показаниями обв(иняемого) ПАТРУШЕВА (д.д. 95, 167).

На основании вышеизложенного, настоящее дело по обвинению ВЕРНИКОВА А.В*., ХАРИТОНОВА А.Н., ПАТРУ-

* Правильно – Верников А.З.

ШЕВА М.Д., ЧАРСКОГО А.С. (он же ЗАЙЦЕВ И.С.) и ОСЫХОВСКОЙ М.Н. подлежит рассмотрению в Спецколлегии по Новосибирской области.

О(пер)/Уполном(оченный) 3 отд(еле)ния сержант Гос. Безопасности РЕЗНИКОВ.

СОСТАВЛЕНО: « » октября 1938г. (так в документе).
гор. Колпашево» (Приложение №26).

К контрреволюционной правотроцкистской вредительской группе, которая якобы существовала в Молчанове, отнесены все, кто упомянут в четвёртом пункте вышеприведённого обвинения. О них в своих публикациях рассказал Владимир Харитонов, внучатый племянник Марфы Никитичны Осыховской и Алексея Никитича Харитонова. «Одновременно с арестами поляков в начале 1938 года, – написал Владимир Николаевич, – началось «раскручивание» ещё одного дела. После ареста секретаря Запсибкрайкома ВКП(б) Р. Эйхе был арестован К.И. Левиц, первый секретарь Нарымского окружкома партии. Вскоре взяли А.З. Верникова – председателя Кривошеинского райпотребсоюза, М.Д. Патрушева и А.С. Чарского, а 8 марта – А.Н. Харитонова, председателя Молчановского сельпо. (…) «Контрреволюционную вредительскую группу» создал якобы Верников по заданию К.И. Левица, тот завербовал Харитонова, который в свою очередь привлёк в группу Патрушева, а он – Чарского». Закрытым судом все были приговорены к разным срокам заключения (см. выписки из Книги Памяти в Приложении), и «все, кроме Чарского, которому было разрешено подать кассационную жалобу в Верховный Суд РСФСР, 4 июня 1939 года были отправлены в лагерь во Владивостоке. На основании кассационной жалобы А.С. Чарского Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР в 1940 году отменила решение окружного суда, поскольку «в результате дополнительных расследований антисоветских действий со стороны Верникова, Патрушева, Харитонова, Чарского данные не подтвердились. Дело по их обвинению было прекращено, и – редкий случай – они вышли на свободу».

Из справки УФСБ РФ по Томской области:

М.Н. Осыховская «… содержалась под стражей в тюрьме в г. Колпашево. На основании определения Нарымского окружного суда Новосибирской области от 11 июля 1939 г. из-под стражи освобождена в связи с серьёзной болезнью. Сведения о дальнейшей судьбе М.Н. Осыховской в архивном уголовном деле отсутствуют».

Итак, 11 июля 1939 года, то есть через год и четыре месяца отсидки в Колпашевской тюрьме, Марфу Никитичну освободили в связи с серьёзной болезнью, в других источниках – в связи с тяжёлой болезнью. Родственники, приехавшие за ней, увидели ужасную картину: больная женщина лежала в каком-то помещении на голом цементном полу. О Марфе Никитичне В.Н. Харитонов пишет: «Перенесённые страдания повлекли неизлечимые в тюремных условиях болезни – паралич ног, асфиксию (и) отказ от пищи. Нарымский окружной суд постановил: изменить «меру пресечения» и освободить (заключённую), взяв подписку о невыезде. Сестра Осыховской поручилась за неё и забрала к себе в Молчаново».

О Марфе Никитичне с горечью вспоминает и Леонид Николаевич Осыховский: «Тётя Марфа действительно в 1939 году была освобождена из тюрьмы и отпущена умирать домой. Я в это время жил у дяди Василия Тябут (брата моей мамы). Помню, что тётя Марфа сильно болела и находилась в доме другого моего дяди по маме – Игнатия Тябут. Знаю, что вскоре она умерла, а нас всех – меня, брата Володю и сестру Галю – отправили по детским домам. На тот момент Володе было 14 лет, мне 10, а маленькой Гале – 5».

На основании постановления прокуратуры Томской области от 10 октября 1959 г. «уголовное дело Осыховской Марфы Никитичны прекращено за отсутствием в действиях последней состава преступления» (Приложения №№ 27,28). По прибытии домой Марфа Никитична умерла, не протянув и месяца. Ей было 40 лет.

III. Сын

Иван Григорьевич Осыховский – сын Марфы и Григория – родился 26 января 1917 года в селе Молчанове. О его детских годах воспоминаний не сохранилось, известно лишь, что отец часто брал мальчика с собой на охоту и рыбалку. В школе Ваня любил математику, физику, увлекался спортом, играл на гитаре и сочинял стихи. Вместе с другом писал под заказ картины для молчановских домохозяек, которые у тех пользовались неизменным успехом. «Малярам», – как в шутку называли ребят хозяйки, платили копейки, но им и того хватало.

С семнадцати лет юноша охотился уже самостоятельно: уходил в тайгу на двое, а то и на трое суток, набивал рюкзак дичи – бывало по 10-15 гусей, не считая мелкой птицы, – возвращался домой, а потом двое суток отсыпался. Отец, когда отправлял его на охоту, давал по счёту патроны и говорил, – «сколько патронов даю, столько и птицы принесёшь». Но у Ивана получалось ещё и сэкономить: по птице стрелять было интересно, но по пустым консервным банкам – куда интереснее*.

В 1935 году Иван успешно поступил в Томский электромеханический техникум, где заявил себя одним из лучших студентов. Там же начал тренироваться у известного спортсмена по гиревому спорту, чемпиона мира Сергея Ивановича Елисеева, был избран председателем совета физкультурников, занимался в драмкружке, не раз поощрялся за отличную учёбу и общественную работу.

В конце июня 1937 года в Молчанове арестовали отца Ивана. Тогда он не придал этому значения, подумал – ошибка, разберутся, хотя тут же вспомнил притеснения отца со стороны властей пятилетней давности. В сентябре по просьбе матери он ненадолго приехал в Молчаново, сдал в контору финансовые до-

* По воспоминаниям Александра Михайловича Осыховского – внука Ивана Григорьевича.

кументы отца и через несколько дней вернулся в Томск. А ровно через месяц ему вручили приказ об отчислении из техникума с формулировкой «за разлагательскую деятельность», но в чём она выражалась, он так и не понял. В это время Григория Эдуардовича уже не было в живых, но ни Ваня, ни его мать не знали об этом. Не знали, что через пять месяцев НКВДшники увезут в эту же самую тюрьму и Марфу Никитичну, но это будет потом, а сейчас Ивану надо было найти выход из новой беды. И выход был найден: он решает уехать в Свердловск, где надеется зачислиться на третий курс электроэнергетического техникума*. Но всё это время мысли о доме не покидают его: он беспокоится за мать и сестру с малолетними детьми, беспокоится за отца, который – как он думал – всё ещё томится в Колпашевской тюрьме и которого вместе с зятем Михаилом вот-вот должны отпустить. Но в конце марта 1938 года приходит сообщение из Молчанова о том, что арестована его мама, и он начинает понимать, что в стране творится беззаконие.

Через восемь месяцев после ареста матери свердловские НКВДшники нагрянули и к нему. С санкции военного прокурора Акимова двадцатилетнего юношу арестовали и препроводили в тюрьму, предъявив обвинение в причастности к «право-троцкистской террористической организации, существовавшей в Кривошеинском районе Нарымского округа». Постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения было объявлено Ивану через двадцать два дня после заключения под стражу. На допросе от 23 ноября 1938 года сотрудник ГБ товарищ Панов задал ему всего три вопроса и получил на них три исчерпывающих ответа.

«ВОПРОС: Вам предъявляется обвинение в том, что Вы яв(ля)лись участником право-троцкистсткой организации и

* Подробности зачисления Ивана Григорьевича в Свердловский электроэнергетический техникум неизвестны. Возможно, не последнюю роль в этом сыграли его отличные оценки за учёбу, грамоты за спортивные достижения и тренировки у чемпиона мира С.И. Елисеева.

пытались совершить террористический акт над одним из руководителей Советской Власти. Признаете ли Вы себя виновным?

ОТВЕТ: Виновным себя не признаю. Участником правотроцкистской организации я не являлся, террористического акта над руководителем советской власти совершить не пытался. (Подпись: Осыховский).

ВОПРОС: Вы лжете следствию, отпираясь от своей контрреволюционной деятельности. Следствие настаивает на дачи (так в тексте) правдивых показаний. Говорите правду!

ОТВЕТ: Я повторяю, что никакой контрреволюционной деятельности против советской власти я никогда не вел. (Подпись: Осыховский).

ВОПРОС: Следствие ещё раз настаивает на дачи правдивых показаний по существу предъявленного Вам обвинения, так как располагает достаточными данными о Вашей контрреволюционной деятельности. Ваши показания!

ОТВЕТ: Я ещё раз повторяю, что никакой контрреволюционной деятельности против сов. власти я не вел. (Подпись: Осыховский).

Допросил: Пом(ощник) нач(альника) 3 отд(еления) IV отдела мл(адший) лейтенант государственной безопасности Панов. Подпись» (Приложение №29).

В тюрьме Иван пробыл три с небольшим месяца: с первого ноября 1938 года по одиннадцатое февраля 1939-го, но эти три месяца едва не стоили ему жизни.

В своих воспоминаниях внук Ивана Григорьевича – Александр – написал: «Я думал, что моего деда Ивана в тридцать восьмом схватили вместе с родителями в Молчанове, а тут получается, что его взяли в Свердловске. Дедушка рассказывал, что его – так же, как и родителей, – пытались обвинить в какой-то деятельности, но потом выпустили, – видать, по его малолетству не могли придумать, что он мог такое сотворить против державы. Дедушка рассказывал, что на первом допросе, когда с него пытались выбить признание, следователь ударил его по голове

ручкой револьвера, – а дед был молодой, крепкий, не из трусливых, да и вины за собой не чувствовал, – так он в следователя запустил чернильницей, которая стояла у того на столе, на этом допрос и закончился. Деда посадили в неотапливаемый «стакан» на сорок восемь часов, – так называлась камера-одиночка, в которой можно было только стоять. Это был даже не карцер – это была смертельная ловушка для арестантов, она примыкала к монолитной стене, от которой на расстоянии вытянутой ноги шёл крутой обрыв. Арестанта помещали в карцер, и если он засыпал, то, теряя контроль над собой, падал в этот обрыв и погибал. Но тренированный и закалённый дед Иван мобилизовал все силы и выстоял. Достали его из «стакана» полуживого, а что было дальше, он уже не рассказывал. Говорил, что вскоре выпустили, – видать, в следствии что-то поменялось».

В «Постановлении» от декабря 1938 года (число не обозначено) сказано: «Из УНКВД Новосибирской области* в УНКВД Свердловской области поступил протокол допроса обвиняемого Патрушева М.Д.**, который изобличает Осыховского И.Г. как участника к(онтр)-р(еволюционной) организации правых, по заданию которой Осыховский готовил совершение террористического акта над одним из руководителей советского правительства». Конец цитаты.

Если в протоколе допроса «обвиняемого Патрушева» говорится об изобличении юноши, то в справке на арест уже набатом звучит утверждение о том, что «его террористические настроения после этого вылились в конкретный план совершения терактов против вождей партии и правительства. С этой целью Осыховский И.Г.» якобы «специально выезжал в Москву, имея при себе револьвер и несколько разработанных вариантов покушения на жизнь одного из членов правительства». Но Иван

* Томская область в то время входила в состав Новосибирской.

** Как изобличитель М.Д. Патрушев упоминается и в обвинительном заключении матери Ивана, но чтобы понять суть его изобличений, необходимо знать, каким путём они были добыты.

отмёл от себя все предъявленные измышления и виновным себя не признал. «Допрошенный Осыховский, – говорится в том же постановлении, – в течение 5 раз принадлежность к к-р организации и подготовку террористического акта отрицает».

Последующие допросы доказывают, что в Москве Иван никогда не бывал и не собирался выезжать туда. Таким образом, как ни старались работники НКВД, но собрать компромат на юношу так и не смогли, поэтому вынуждены были освободить его.

«Произведённым по делу расследованием установить причастность и практическую к(онтр)-р(еволюционную) работу не удалось, – сказано в постановлении от 11 февраля 1939 года. – В деле имеется одно лишь показание обв(иняемого) Патрушева М.Д., который причастность к к(онтр)-р(еволюционной) организации и практическую к-р работу Осыховского знал не лично, а от других лиц, которые не подтверждают показания Патрушева. На основании изложенного и руководствуясь ст. 4 УПК –

П О С Т А Н О В И Л:

Дело в отношении Осыховского Ивана Григорьевича прекратить за недоказанностью состава преступления. Осыховского И.Г. из-под стражи освободить.

П/нач. 3 отд. IV отдела мл. лейтенант ГБ: Панов
Согласен: Вр. нач. IV отдела УГБ капитан ГБ: Мизрах»
(Приложение №30).

Спустя 22 дня после ареста Ивана Осыховского, глава НКВД Ежов, находясь в опале, написал прошение об отставке*. Поэтому, как упоминалось выше, в образовавшуюся паузу между отставкой Ежова и назначением Берии и был выпущен на свободу невиновный юноша. С тех пор свой день рождения Иван Григорьевич отмечал дважды: один настоящий – 26 января, и второй – в день освобождения.

Будучи в середине 80-х годов на родине в Молчанове, в беседе с журналистами районной газеты Иван Григорьевич вспо-

* 23 ноября 1938 года.

минал: «В 1937 году после ареста отца мне пришлось оставить Томский техникум и уехать в Свердловск. Там поступил в электроэнергетический техникум, но в 1938 году был арестован, потом отпустили меня. Родных не было. За меня очень хорошо выступал техникум, – более четырёх месяцев. После этого окончил техникум, затем институт. Там же работал долгое время преподавателем».

Техникум Иван Григорьевич окончил в июне 1939 года. В 1940-м там же, в Свердловске, поступил в Уральский индустриальный институт и в декабре 1945-го с отличием окончил его по специальности инженер-энергетик. Был изобретателем, имел патент на изобретение щёткодержателей для коллекторных электродвигателей. В 1964 году Иван Григорьевич переехал в Вышгород Киевской области.

Стихи и рассказы Иван Григорьевич продолжал писать, будучи в зрелом возрасте. По словам его внука Александра Михайловича Осыховского, он уже давно написал повесть о русском богатыре-самородке Сергее Елисееве, который ещё до революции, выступая на мировом чемпионате по 32-борию, при своём весе около 80 киллограммов стал абсолютным чемпионом мира по гиревому спорту.

Сергея Ивановича Елисеева называли «красой и гордостью атлетического спорта» (34). Чемпион по борьбе Иван Поддубный, с которым Сергей Иванович сошёлся в спортивной схватке в Томске в 1925 году, и вовсе назвал его «крепким орешком». В этой схватке сошлись два великих спортсмена: Сергей Елисеев – чемпион по гиревому спорту, и Иван Поддубный – чемпион по борьбе. Победила ничья, тогда-то и назвал Поддубный Сергея «крепким орешком» и подарил ему на память золотую заколку в виде штанги с драгоценным камнем со словами «есть, оказывается, в России достойный соперник Ивану Поддубному» (35).

В 1905 году С.И. Елисеев прервал спортивную карьеру из-за революционной деятельности. Умер великий русский спортсмен в 1939 году, 63-х лет от роду.

«Так что мой дед Иван Григорьевич, – написал Александр в своих воспоминаниях, – многому научился у великого атлета Елисеева: начинал заниматься спортом под его руководством, когда ещё учился в техникуме в Томске, а повесть о нём написал уже в зрелом возрасте, будучи на Украине. Эту повесть он мечтал издать, но она так и осталась в рукописи. Умер Иван Григорьевич 22 июля 1998 года на 82-м году жизни, похоронен в городе Вышгороде.

Остаётся добавить, что сын Сергея Ивановича Елисеева, Глеб, был женат на родной сестре матери Ивана – Аграфене Никитичне Харитоновой. От этого брака у них родилось двое детей: дочь Галина (жила и умерла в Брянске) и сын Виктор. Глеб Сергеевич упоминается на одном из допросов Ивана Осыховского. Младший лейтенант Г.Б. Панов, обращаясь к арестованному, спрашивает: «Вы знаете Чарского Александра Сергеевича, Осыховскую Марфу Никитичну, Атанасова Дмитрия Афанасьевича, Елисеева Глеба Сергеевича, Анкудовича Петра Андреевича, (...), Верникова Абрам Захаровича (так в тексте) и Колмакову Елену*, и где Вы с ними встречались?» Из чего следует, что Глеб Сергеевич, возможно, также преследовался органами НКВД, и что его связь с женой и родственниками оборвалась в результате репрессий.

В начале 70-х годов в Томском аэропорту Глеб Сергеевич случайно встретился с Галиной Дмитриевной Мироновой, внучатой племянницей его жены. Но поговорить они не успели: Галина Дмитриевна спешила на посадку, она лишь сообщила, что Аграфена Никитична умерла. Дальнейшая судьба Глеба Сергеевича и судьба его сына неизвестны.

* Двоюродная сестра Ивана, жила на тот момент в г. Ленинграде.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ. МЕХАНИЗМ РЕПРЕССИЙ

Несмотря на то, что в данном исследовании приведено достаточное количество доказательств творившихся во времена репрессий беззаконий, в качестве их квинтэссенции позволю себе привести фрагменты из протокола допроса бывшего начальника 3-го отдела Управления НКВД Новосибирской области Ф.Н. Иванова («Линейные аресты»), а также рассказ бывшего следователя КГБ Анатолия Ивановича Спраговского о механизме репрессий в отношении жителей Томской области во второй половине 30-х годов («Люди должны знать об этом»). Приводятся в сокращении.

I. Линейные аресты

ИЗ ПРОТОКОЛА допроса бывшего начальника 3 отдела Управления НКВД Новосибирской области Ф.Н. Иванова (архив НКВД).

27 сентября 1955 г., г. Новосибирск

Помощник военного прокурора Западно-Сибирского военного округа подполковник юстиции Чурляев допросил в качестве свидетеля с соблюдением ст. ст. 162-168 УПК – Иванова Федора Николаевича, 1905 года рождения. В органах НКВД, МТБ, КГБ с 1938 по 1952 год, русский, образование высшее юридическое, из крестьян-середняков.

ВОПРОС: Расскажите о фактах нарушения социалистической законности, которые допускались сотрудниками 3 отдела УНКВД Новосибирской области в период вашей работы в этом отделе.

ОТВЕТ: Начались массовые аресты советских граждан на основании приказов НКВД СССР. В этих приказах, как правило, указывалось, что вскрыта какая-либо шпионско-террористическая группа или контрреволюционная диверсионно-вредительская организация, которая имела с каким-либо иностранным государством преступные связи, а на территории СССР

имела свои филиалы, поэтому в приказах предлагалось принять срочные меры к вскрытию и ликвидации этих контрреволюционных организаций. Кроме этого, в тех приказах прямо давалась установка: с целью ликвидации антисоветской базы (…) производить массовые, так называемые линейные аресты. Суть линейных арестов заключалась в том, что арест советских граждан производился при отсутствии на них каких-либо материалов, подтверждающих их преступную деятельность против советского государства, а арест производился по национальному признаку. Помню, что по этому вопросу, т. е. линейным арестам, из НКВД СССР было 12 приказов, в которых указывалось на производство арестов по национальным признакам, так, например, в приказах требовалось производить аресты: поляков, эстонцев, латышей, литовцев, немцев, харбинцев и других лиц. В связи с этими приказами работа отделений 3 отдела также строилась по линиям, т. е. первое отделение занималось немцами, второе отделение занималось японцами и китайцами, третье отделение занималось поляками, четвертое – латыши, эстонцы, литовцы, пятое отделение – белые офицеры и кулаки, шестое – промышленностью, седьмое – легкой промышленностью, восьмое отделение занималось сельским хозяйством и девятое – информационное [...] (…)

Расследование дел в отношении арестованных производились упрощенным способом, все следствие в основном сводилось к получению у арестованного его признательных показаний о принадлежности к какой-либо контрреволюционной организации или группе. Причем эти признательные показания, как правило, получались в результате применения к арестованным мер физического воздействия, а в то время к арестованным, которые не хотели дать признательные показания в своей принадлежности к контрреволюционной организации и своей антисоветской практической деятельности, широко применялись выстойки и конвейер. Арестованные, поставленные на выстойку, стояли на ногах без отдыха по суткам, стояли до

тех пор, пока не согласятся дать признательные показания. До осени 1937 г., т. е. до приезда в гор. Новосибирск бывшего заместителя наркома внутренних дел Вельского, случаев избиения арестованных при допросах не было, но когда прибыл Вельский, то он собрал совещание оперативного состава, где обратился со словами: «Арестованных бьете?» И сам же ответил: «Бейте, мы бьем» [...] (…)

Пом. военного прокурора ЗапСибВО
подполковник юстиции Чурляев
Верно: Подпись

Архив УФСБ по Томской области. Д. П-2980. 77.27'1-275.
Заверенная копия. Машинопись(36).

II. Люди должны об этом знать

В последнее время в периодической печати стали освещаться события Сталинских репрессий, и многие историки обращаются к живым свидетелям с тем, чтобы восстановить правду, каковой она была в действительности. Я отношу себя к таковым свидетелям, знающим о репрессиях 30-х годов по тем документальным материалам, с которыми мне довелось работать с 1955 по 1960 годы, т.е. время реабилитации советских граждан, объявленной решениями XX съезда КПСС. В то время я был старшим следователем следственного отдела Управления КГБ по Томской области. На мою долю выпало пересмотреть и составить заключения о реабилитации на десятки тысяч необоснованно расстрелянных советских гражданах в 1937–38 гг. Передо мной раскрылась картина вопиющего беззакония, искусство фальсификации дел бывшими работниками НКВД Запсибкрая, Томского Горотдела и Нарымского Окружкома НКВД. Как известно, до 1946 г. Томская область входила в состав Запсибкрая, а затем Новосибирской области. Проведение массовых репрессий в 37-38 годах осуществлялось под руководством УНКВД по Запсибкраю.

Для того чтобы понять, как развертывались события того периода, надо изучить дело по обвинению бывшего начальника Томского Горотдела НКВД Овчинникова Ивана Васильевича. До 1940 года – это один из активнейших сотрудников органов НКВД, осуществивший изоляцию многих тысяч томичей, за что был награжден орденом Ленина. А в 1940 году сам он был обвинен в грубых нарушениях соц. законности и расстрелян. В деле Овчинникова имелась стенограмма совещания, проведенного начальником УКНВД Запсибкрая Мироновым со всеми начальниками Райгоротделов НКВД края по организации проведения операции на местах. В памяти у меня сохранились лишь отдельные моменты из этого документа. (…) Главные из них – тезис Сталина о том, что по мере продвижения вперед к победе социализма усиливается сопротивление остатков эксплуататорских классов. Отсюда следовала установка на изоляцию всех бывших кулаков, белогвардейцев, переселенцев, колчаковцев, немцев, поляков, латышей, т.е. всех тех, кого считали бывшими людьми. На совещании, а проводилось оно в начале 1937 г., была дана установка сколько человек арестовать в каждом районе, городе, округе и пустить по первой и по 2-й категории. Это означало: расстрелять – 1-я категория; осудить на 10 лет без права переписки – 2-я категория. Так, г(ороду) Томску предлагалось пустить по 1-й категории 10-20 тыс(яч) человек и более, но не менее 10 тыс. По второй категории – не менее 20 тыс. человек. (…) Новокузнецк вызвался на соревнование с г. Томском, (…) Томск оказался победителем, за что Овчинников и получил орден Ленина. На местах были разработаны схемы различных контрреволюционных формирований. (…) Списки людей, подлежащих аресту, повсеместно были подготовлены заранее до объявления начала операции. В условиях Нарымского округа, где основным транспортным средством служила р(ека) Обь, было найдено оригинальное решение. С низовья реки Оби отряды НКВД по реке в сторону Колпашево на двух баржах доставили в Нарымский окротдел НКВД «врагов народа» Александровского, Кар-

гасокского, Парабельского, Колпашевского районов. В целях обеспечения охраны эти баржи были поставлены на якоря посередине реки, откуда арестованные доставлялись в окротдел на берег г(орода) Колпашево лодками. Это, так сказать, организационная сторона решения этого вопроса.

Как практически проводилась
работа по реабилитации граждан

В 50-х годах многочисленные заявления стали поступать от родственников осужденных о пересмотре дел. (…) Ведь кроме упомянутой выше «контрреволюционной» организации, участники которой обвинялись по ст. 58-10-11 УК РСФСР, сфабрикованы были дела на большое число участников других «контрреволюционных» организаций, обвинявшихся в шпионаже, измене Родине, диверсии, вредительстве и т.д., поднадзорных Военной прокуратуре. Около пяти лет десятку работников следственного отдела УКГБ по Томской области пришлось посвятить проверке обоснованности обвинения граждан в надуманных преступлениях. Чего только не было в их «признательных» показаниях! Это взрывы мостов через реки Томь и Обь, которых не было; взрывы пихтовых заводов, электростанций и т.д. Приходилось допрашивать тысячи свидетелей, знавших осужденных, чтобы установить истину, разъезжая по районам области. И, как правило, все обвинения, которые вменялись в вину осужденным, не находили своего подтверждения. А бывшие работники НКВД, которых удалось разыскать, как Карпов Сафон Петрович – Нарымский окротдел, Салтымаков, Казанцев, Лев и др., уже работники областного аппарата УКГБ, показали, что фальсификацией следственных дел они вынуждены были заниматься «сверху» в силу той политической обстановки.

Как фабриковались следственные дела

В зависимости от того, к какой «контрреволюционной» организации причислялись арестованные, заводились и следственные дела. Это были и групповые до 100-200 человек и одиночные. Как правило, работниками НКВД составлялся список

с указанием фамилии, имени и отчества, где (было) сказано, что эти лица являются участниками, например, «контрреволюционной кадетско-монархической повстанческой организации», действовавшей в Каргасокском районе. Или участниками «Польской организации Войсковой», «Право-Троцкистской организации» и т.д. В отдельных случаях имелась виза прокурора: «арестовать». В каждом одиночном деле имелся ордер на арест, в котором указывалась принадлежность к той или иной контрреволюционной организации, протокол производства обыска с указанием понятых, что облегчало нам устанавливать свидетелей в процессе пересмотра дел. Протоколы допроса обвиняемых размножались в нескольких экземплярах на множительных аппаратах, показания их перекрывались признаниями в причастности к организации и приводились конкретные факты подрывной деятельности. Люди, умевшие писать, учиняли свои подписи под каждым листом, а неграмотные ставили отпечаток пальца. В процессе проверки оказалось, что все эти дела являлись плодом фантазии работников НКВД, а вменявшиеся в вину факты «подрывной деятельности» опровергались собранными доказательствами. Ведь для объективных выводов о том, был ли в действительности взорван мост через р(еку) Обь или Томь, нужно было находить лиц, живших в то время в одном районе с осужденными и путем их допроса опровергать подобные факты обвинения, хотя из истории Сибири было известно, что таковых мостов в то время не было. (…) По каждому делу составлялось обвинительное заключение, а в конце приобщалась выписка из решения Тройки НКВД, где указывалось, что такой-то осужден к ВМН – расстрелу с указанием даты принятия Решения. По отдельным делам ВМН заменялась 10-ю годами с отбытием в лагерях без права переписки. В состав Тройки входили – начальник УНКВД, Прокурор Запсибкрая и Секретарь Крайкома партии. В процессе пересмотра дел этой категории было установлено, что подписывать протоколы или оставлять отпечатки пальцев обвиняемые вынуждены были под физическим или моральь-

ным воздействием. Широко применялись недозволенные методы ведения следствия: угроза оружием, зажим между дверями и косяком пальцев руки и последующим давлением с вызовом нестерпимой боли; сидением часами на спинках стульев и т.д. Обработке к подписанию протоколов подвергались арестованные и через провокаторов, которые подсаживались специально в камеры сотрудниками НКВД.

Как приводилось исполнение
приговора – Решение Тройки

В г(ороде) Колпашево, как показал один из исполнителей (расстрелов) К-в Сергей*, была создана специальная бригада. Для поддержания их боевого духа постоянно давался спирт. Рядом со зданием Окротдела НКВД была большая площадка, обнесенная высоким забором, там была вырыта яма, куда можно было подойти по специально устроенному трапу. В момент расстрела исполнители находились в укрытии, а при подходе арестованного к определенному месту раздавался выстрел, и он сваливался в яму. В целях экономии патронов была внедрена система удушия петлей с применением мыла. (…) В конце 60-х годов р(ека) Обь стала размывать берег, где производились расстрелы в Колпашево. Останки расстрелянных вымывались водой и уносились в неизвестность (речь видимо идёт о размыве Колпашевского Яра в 1979 году – Авт.).

В г(ороде) Томске имел место и такой эпизод. Ночью на двух автомашинах, загруженных трупами расстрелянных, выехали работники НКВД в лес за город для сжигания трупов. Операция проходила строго секретно. Никто из посторонних не должен (был) знать о месте сжигания и о самом факте сжигания трупов. Однако на рассвете в лесу попал пешеход, идущий навстречу автомашин(ам). Руководивший операцией сотрудник обратил внимание, что из-под брезента, которым был укрыт кузов машины, торчит нога. Это дало основание полагать, что встретившийся пешеход понял о цели перевозки. Последнему

* Полная фамилия опубликована в повествовании Спраговского.

предложили ехать до места, где было организовано сжигание трупов. А для того, чтобы весь этот процесс остался в строгой тайне, не было лишних свидетелей, в разведенный костер кинули того пешехода, где он заживо и сгорел.

Для чего я об этом пишу? Для того чтобы показать, какие зверства и произвол чинились в те годы. Это лишь отдельные факты, которые стали мне известны при пересмотре этой категории дел, которые выпали на мою долю. По каждому делу после проверки обоснованности предъявленного обвинения нами составлялось заключение, в котором делались выводы о реабилитации осужденных. Окончательное решение принималось судебной коллегией Областного Суда или же Военной Прокуратуры, т.е. по поднадзорности.

Часто задают вопрос, сколько людей погибло в годы необоснованных репрессий? У меня лично сложилось мнение, что погибло примерно столько, сколько в Великую Отечественную войну 1941–45 годов. Когда бывал в населенных пунктах области в связи с пересмотром дел 1937–38 гг., то интересовался у старожилов, сельских Советов и по обелискам, где были написаны имена погибших в годы войны, о потерях. Оказывалось, что число репрессированных превышало число погибших в ВОВ или же было близким к нему.

Что же происходило после тех репрессий?

Ярлык «враг народа» надолго укоренялся в умах людей. Вокруг оставшихся семей создавалась обстановка всеобщего презрения и унижения. Слышались и утверждались неоспоримые мнения: жена врага народа, сын или дочь врага народа и далее по родословной лестнице. Напрочь была закрыта дорога в будущее детям, поскольку в анкетных данных фигурировали слова – отец арестован в 1937 г. А в справках органов НКВД-МГБ-КГБ указывалось, что это «враг народа». Близкие родственники репрессированных не допускались к работе на ответственные участки, не принимались в ВУЗ и другие заведения. Прозрение

последовало только в 50-годах*. Жалобы арестованных и осужденных к 10 годам, с которыми они обращались в различные инстанции, вплоть до Сталина, оставались без рассмотрения. Многие из них приобщились к их следственным делам. (…)

Хотел бы поведать и еще об одной несправедливости в отношении уже реабилитированных «врагов народа». Вместо того чтобы родственникам сказать правду о постигшей судьбе их отца, брата, сестры, деда, арестованных в годы Сталинских репрессий, измышлялись данные о том, что они умерли в лагере от того или иного заболевания. Работникам учетно-архивного отдела УКГБ выдавался специальный перечень заболеваний, – так фабриковался документ о причинах смерти и затем через ЗАГС оформлялись свидетельства о смерти. Получив такое свидетельство, родственники успокаивали себя тем, что их отец, например, умер от воспаления легких, а не был расстрелян. (…) Все это происходило уже в моё время работы в УКНГБ по Томской области.

Бывший ст. следователь УКГБ по Томской области
А. Спраговский (37).

* Наверное всё-таки были счастливые исключения. Пример тому – судьба Ивана Григорьевича Осыховского, побывавшего в застенках Свердловской тюрьмы и после освобождения окончившего с отличием и техникум, и институт.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когда рукопись была подготовлена к печати, из Молчановского архива поступили некоторые материалы относительно членов семьи моего прадеда. Выяснилось, например, что его дочь, Евгения Эдуардовна Осыховская, с польскими потомками которой установить связь пока не удаётся, в мае 1910 года проживала ещё в Молчанове. Фамилия её мужа нам известна как Бластик, но уточнить по документам её также не удалось, мы лишь знаем, что в Польше у четы Бластик родилось двое сыновей: Станислав и Ростислав. Но, благодаря архивным материалам, относительно Евгении мы узнали, что в середине двадцатых годов, уже будучи в Польше, она написала письмо сестре Анастасии Пикулиной в Молчаново с просьбой об установлении даты своего рождения. По этому поводу Анастасия обратилась в Молчановский РИК с заявлением.

«Настоящим ставлю в известность, – написала Анастасия, – что моя сестра Евгения Эдуардовна Осыховская, согласно письма, просит получить метрику о рождении, причём согласно коего я обратилась в стол Загса* о выдаче мне таковой. По наведении же справки в книге о рождении за 1890 год, (эта справка) по-видимому, была по какой-то причине пропущенной. Причём, как мне известно, а также от восприемников** Сысоева Варлама и Сысоевой Прасковьи знаем, что Евгения Осыховская родилась в 1890 году 15 октября. А посему просим на основании выше изложенного, а также показаний восприемников, прошу РИК Евгению Осыховскую вписать в книгу о рождении за 1890 год, о чём и выдать соответствующий документ для отсылки сестре Осыховской».

Подпись Анастасии Пикулиной (Осыховской).

Видимо, в качестве доказательства к заявлению приведена и запись настоятеля Молчановской церкви в исповедальных

* Отдел ЗАГСа.

** Крестные отец и мать Евгении.

росписях за 1895 год под № 185, где «в графе «женского пола» записана «дочь польского поселенца (и) Евдокии Васильевны Осыховской – Евгения, от роду 5 лет 5 мес. Из сего явствует, что она родилась в 1890 году».

Таким образом, на основании протокола от 04.09.1926 года «соответствующий документ» Анастасии для отсылки сестре Евгении в Польшу был выдан.

Вместе с архивными материалами были получены и копии публикаций из газеты «Знамя коммунизма» Владимира Николаевича Харитонова, фрагменты которых приведены мною по ходу текста. Как краевед-исследователь Владимир Николаевич в своё время был допущен к подлинникам архивно-следственных дел репрессированных Кривошеинского района, в том числе, изучал дела и моих родственников.

Сама я с темой репрессий в нашей стране подробно ознакомилась в 1990-м году, прочитав в «Новом мире» «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына. Книга потрясла: ощущение было такое – будто из настоящего времени я переместилась в те страшные годы, когда сталинская репрессивная машина без суда и следствия расстреливала невинных людей. Но тогда мне казалось, что к моей семье это не имеет никакого отношения и уж тем более не касается меня лично. Я и предположить не могла, что придёт время, и передо мной откроется жуткая картина репрессий не только моего деда Александра, но также его старшей сестры, двух братьев, снохи и других членов этой семьи. Не знала и не думала, что до 1994 года – почти пятьдесят лет своей жизни (пусть и негласно), – буду носить клеймо внучки врага народа.

Сейчас понимаю, почему мой отец при двух встречах со мной ни единым словом не обмолвился о тех временах. Он боялся, что эти известия могут больно ранить меня, хотя к тому времени все родственники были реабилитированы, кроме деда. Но в то время (в первой половине 60-х годов) я была очень правильной девочкой: гордо несла звание пионерки и комсомолки, о чём кстати нисколько не жалею, была членом ученического

комитета, секретарём комсомольской организации, и вдруг… внучка врага народа! Этого я бы не пережила. Не говорила об этом и мама, – не знаю, почему: может, по той же причине, а может, отец и ей ничего не рассказывал.

Своего отца – Осыховского Владимира Александровича – я вспоминаю всегда с теплотой: он мне многое дал в плане становления личности, хотя у него и была другая семья. Его письма и две поездки к нему – это единственное, что связывало меня с ним в период отрочества и юности, что возвращает к памяти сейчас и будет возвращать всегда, хотя папы давно уже нет на белом свете.

Родился он 5 апреля 1924 года в городе Томске. Бабушка Стеша и дед Александр назвали его Владиленом, но впоследствии отец поменял свое имя на другое – «Владимир». В 1942 году после окончания Кыштовской средней школы районным военкоматом он был направлен в Белоцерковское военно-пехотное училище, эвакуированное в начале войны из Киевской области в Томск. После его окончания воевал на Полтавском направлении, почти сразу же был тяжело ранен, в госпиталях провёл более двух лет, перенёс одиннадцать операций, награждён орденом Великой Отечественной войны. Проживал в Стрежевом Томской области, работал учителем в восьмилетней школе. Умер в 1966 году в возрасте сорока двух лет.

Помню, как во время первого пребывания в его семье – мне было тогда 15 лет – я спросила:

– Каким было отчество дедушки Александра?

– Эдуардович, – ответил отец.

«Эдуард… так звали моего прадеда, – подумала я, – красивое имя». Мне бы и дальше порасспрашивать, но что-то удержало, хотя момент был самый подходящий. Тем не менее, думаю, что именно тогда во мне вспыхнула искорка, которая почти через полвека привела к поискам знаний о семье Осыховских, а затем и к изучению драматической судьбы многих из них во время Большого террора.

В 2008 году, набрав в поисковике Яндекса, фамилию «Осы-

ховский», первой, кого я обнаружила, была Людмила Сергеевна из Владивостока. Тогда я и представить не могла, что через три года установлю связь с её мужем, моим двоюродным дядей – Леонидом Николаевичем Осыховским, который после смерти матери и расстрела отца в восьмилетнем возрасте со своим старшим братом Володей и младшей сестрёнкой Галей остался круглым сиротой. Не догадывалась, что ещё через год по запросу из УФСБ РФ по Томской и Новосибирской областям, а также из государственных архивов Томской и Свердловской областей получу копии материалов «уголовных дел» репрессированных родственников и начну писать книгу об этом. И уж совсем не предполагала, что в марте 2013 года встречусь с Леонидом Николаевичем в Ярославле, куда он приезжал к племяннику и племянницам – детям брата и сестры. Но прежде, преодолев восемь часов полёта, Леонид Николаевич побывал в Санкт-Петербурге на юбилее своей воспитательницы Лидии Спиридоновны Дубовицкой, которая помогла ему выстоять в трудную годину и которой 18 марта 2013 года исполнилось 100 лет.

Следует сказать, что отношение к теме репрессий, равно как и к личности Сталина, в настоящее время остаётся неоднозначным, более того – противоречивым. В качестве примера приведу диалоги некоторых участников исторического форума «ГУЛАГ как символ произвола эпохи сталинизма», опубликованного в Интернете.

«Меня как историка, – пишет некто Сергеев, – радует, что граждане антисталинисты и сталинисты пикируются по данной теме, столь плотно обложившись цифрами, сайтами, фолиантами. (…) Странно это. Вроде бы 52 года власть была заинтересована в очернении Вождя и имела доступ к любым архивам. Но результат – словоблудие о ГУЛАГе, которое производит впечатление лишь на обывателя. Где то главное, что может убедить меня, историка? – (где) конкретные уголовные дела на «невинных»? Может вы, сограждане, поможете? Хотя бы о своих родственниках. Поясню: требуется случай осуждения гражданина

СССР при Сталине, который был невиновен по действующим тогда законам и который не был реабилитирован тогда же. С документами естественно». Запись сделана 10 ноября 2008 года.

«Сегодня, – оппонирует Сергееву одна из участниц того же форума, – многие продолжают почитать Сталина, ибо ему удалось сделать из нашей страны «сверхдержаву». Вопрос о том, какие средства для достижения цели были задействованы «отцом народов», никогда всерьёз на государственном уровне не обсуждался, хотя речь идёт о гражданах страны, – арестованных, раскулаченных, депортированных, расстрелянных и умерших в тюрьмах и лагерях ГУЛАГа. Через несколько десятков лет не останется никого, кто мог бы лично свидетельствовать о совершённых преступлениях против собственного народа, и тех, кто знал этих людей и слышал их рассказы»(38).

От себя добавлю, что бесчеловечным законам, равно как и деяниям в соответствии с ними, оправданий быть не должно, поэтому так важно, чтобы эти свидетельства не канули в забвение, и это наш долг перед репрессированными и собственной историей. Сторонников последней точки зрения стало бы намного больше, если бы встали из могил те, кто был уничтожен безвинно, ибо их исковерканные судьбы – это бедствие с далеко идущими последствиями. Бедствие – придумать название которому невозможно.

Последними документами в архивно-следственных делах моих родственников, как правило, идут постановления о их реабилитации, – они-то и подтверждают их безусловную невиновность. Из справок о реабилитации следует, что предъявленные им обвинения противоречили фактическим обстоятельствам, а значит, были не обоснованы и носили надуманный характер. Согласно этим документам, одни из них были реабилитированы через 20 с лишним лет, другие – почти через 60. Но полной реабилитации с официальной оценкой того периода в масштабах страны мы, их родственники, так и не дождались.

В книге «Засекреченные трагедии советской истории» И.Н. Кузнецов пишет: «Понятию человеческой нравственности

противоречит позиция – скрывать имена палачей, участвовавших в преступлениях против своего народа. Нельзя уводить от суда истории тех, кто совершал злодеяния, прикрываясь интересами их ныне живущих детей. Имена палачей должны быть названы вместе с именами их жертв. Это также необходимо сделать во имя светлой памяти немногочисленных чекистов, отказавшихся участвовать в репрессиях и погибших в годы произвола».

Существует точка зрения, что память о невинно убиенных и палачах для членов их семей и их потомков – это травмирующая память. С этим согласиться можно, но одинакова ли она по степени эмоционального воздействия на первых и вторых – судить не берусь. Годы репрессий не только сформировали эту память, но явились опасной предпосылкой к разрыву связей между поколениями, и это хорошо видно на примере семьи моего прадеда. Годы репрессий явились также и предтечей страха в людях и обществе, и этот страх не изжит до сих пор.

Мы, потомки погибших родственников, так никогда и не узнаем, как на самом деле проводились их допросы, как интерпретировались показания, какая правда записана с их слов, а какая – вымысел, и какую муку перенесли они, испытывая на себе меры физического воздействия, которые наверняка применялись к ним.

Хочу надеяться, что эта книга в какой-то степени отвечает просьбе господина Сергеева, хотя в основном предназначена для современников и потомков рода Осыховских. Хочу также надеяться, что вместе с родословной, которую я написала ранее и которая объединила под своё крыло более ста человек, эта книга послужит хорошим стимулом для укрепления оборванных связей, в каком бы уголке мира не находились представители рода Осыховских. Я написала её с единственной целью, – чтобы мы знали и помнили о драматических временах, которые пришлось пережить нашим родственникам, ибо народ, не знающий своей истории, обречён на её повторение.

2009–2013 гг.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Выписки из Книги Памяти по Томской области (39), выписки из архивно-следственных дел репрессированных

Репрессированные Осыховские и члены их семей

1. Осыховский Григорий Эдуардович

Родился в 1894 г., с. Молчаново; русский; образование среднее; б/п (беспартийный); отделение Сибторга, заведующий.

Проживал: Томская обл., с. Молчаново.

Арестован: 30 июня 1937 г.

Приговорен: 7 августа 1937 г.

Обвинение: к-р кад-монарх. и эсеровская орг-я (контрреволюционная кадетско-монархическая и эсеровская организация).

Приговор: расстрел. Расстрелян 27 августа 1937 г.

Реабилитирован: 9 мая 1957 г.

Источник: Книга Памяти Томской обл.

2. Мелешкевич Михаил Лаврентьевич (зять Григория и Марфы)

Родился в 1901 г., Белоруссия; Игумен; белорус; образование незаконченное высшее; б/п; Молчановская школа, преподаватель русского языка.

Проживал: Томская обл., с. Молчаново.

Арестован: 22 сентября 1937 г.

Приговорен: 18 октября 1937 г.,

Обвинение: «Польская организация Войсковая».

Приговор: расстрел. Расстрелян 5 ноября 1937 г.

Реабилитирован: 2 января 1959 г.

Источник: Книга Памяти Томской обл.

3. Осыховская-Колмакова Анна Эдуардовна

Родилась в 1878 г., с. Молчаново; полька; образование начальное; б/п; единоличница.

Проживала: Томская обл., с. Молчаново.

Арестована: 22 октября 1937 г.

Приговорена: 14 декабря 1937 г.

Обвинение: участие в «Польской организации Войсковой».

Приговор: расстрел. Расстреляна 8 января 1938 г.

Реабилитирована: 10 февраля 1959 г.

Источник: Книга Памяти Томской обл.

4. Осыховский Александр Эдуардович

Родился 9 июля 1895 г., с. Молчаново; русский, образование – грамотный.

Проживал: г. Новосибирск, ул. Ермака, 55.

Арестован: 28 октября 1937 г.

Обвинение: антисоветская агитация против вождя народов.

Приговорён: 19 марта 1938 г. по ст. 58-10 Новосибирским областным судом к 5-ти годам исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) с поражением в правах на 3 года. Убыл в Дальлаг, дальнейшая судьба неизвестна.

Реабилитирован: 21 июня 1994 года.

Источник: Архивно-следственное дело.

5. Осыховский Николай Эдуардович

Родился в 1898 г., с. Молчаново; поляк; образование начальное; б/п; охотник-промысловик.

Проживал: Томская обл., с. Молчаново.

Арестован: 15 февраля 1938 г.

Приговорен: 21 апреля 1938 г.

Обвинение: участие в «Польской организации Войсковой».

Приговор: расстрел. Расстрелян 12 мая 1938 г.

Реабилитирован: в сентябре 1957 г.

Источник: Книга Памяти Томской обл.

6. Осыховская Марфа Никитична (жена Григория Эдуардовича)

Родилась в 1898 г., с. Молчаново; русская; образование начальное; б/п; БОЗ (без определённых занятий?).

Проживала: Томская обл., с. Молчаново.

Арестована: 8 марта 1938 г.

Приговорена: 11 июля 1939 г.

Обвинение: участие в право-троцкистской организации. Освобождена в связи с тяжёлой болезнью.

Реабилитирована: 10 октября 1959 г.

Источник: Книга Памяти Томской обл.

7. Харитонов Алексей Никитич (брат Марфы Никитичны)

Родился в 1906 г., с. Молчаново; русский; образование начальное; б/п; Молчановское сельпо, председатель.

Проживал: Томская обл., с. Молчаново.

Арестован: 8 марта 1938 г.

Приговорен: 18 мая 1939 г.

Обвинение: к-р троцкистская организация.

Приговор: 10 лет, 5 лет поражения в правах.

Реабилитирован: 5 мая 1941 г.

Источник: Книга Памяти Томской обл.

8. Осыховский Иван Григорьевич (сын Григория и Марфы Осыховских)

Родился 26 января 1917 г., с. Молчаново; русский; образование – студент 3-го курса Свердловского энерготехникума.

Проживал: г. Свердловск, ул. 5-я Загородная, дом № 37, 2-й этаж, комн. 24.

Арестован: 1 ноября 1938 г.

Обвинение: к-р право-троцкистская организация в Кривошеинском районе Нарымского округа.

Приговор: Освобождён 11 февраля 1939 года за недоказанностью преступления.

Источник: Архивно-следственное дело.

Репрессированные земляки Осыховских

1. Голдовский Самуил Аввакумович – возможно, соратник Осыховских по борьбе с колчаковской реакцией.

Родился в 1881 г., Смоленская губ., Красненский уезд, д. Литахино; русский; образование начальное; б/п. Не работал.

Проживал: Томская обл., Парабельский р-н, с. Соколовка.

Арестован: 13 декабря 1937 г.

Приговорен: 29 декабря 1937 г.

Обвинение: к-р кад-монарх. и эсеровская орг-я.

Приговор: расстрел. Расстрелян 8 января 1938 г.

Реабилитирован: в июне 1958 г.

Источник: Книга Памяти Томской обл.

2. Тиунов Иван Алексеевич – помогал партизанам в борьбе против колчаковской реакции. Родился в 1892 г., Пермская губ., Осинский р-н, д. Оскино; русский; образование начальное; б/п; колхоз «Красный факел», колхозник.

Проживал: Томская обл., Асиновский р-н, д. Килинка.

Арестован: 2 августа 1937 г.

Приговорен: 7 августа 1937 г.

Обвинение: к-р кадетско-монархич. орг-я.

Приговор: расстрел. Расстрелян 19 августа 1937 г.

Реабилитирован: 9 июля 1959 г.

Источник: Книга Памяти Томской обл.

3. Черкашин Изот Сергеевич – соратник Осыховских по борьбе с колчаковской реакцией. Родился в 1892 г., Ставропольская губ., Медвежинский уезд, с. Жуковка; русский; образование начальное; б/п; неуставная артель «Ударник», жестянщик.

Проживал: Томская обл., Кривошеинский р-н, пос. Шегаровка.

Арестован: 22 октября 1937 г.

Приговорен: 1 декабря 1937 г.,

Обвинение: к-р кад-монарх. и эсеровская орг-я.

Приговор: расстрел. Расстрелян 8 декабря 1937 г.

Реабилитирован: в апреле 1958 г.

Источник: Книга Памяти Томской обл.

4. Верников Абрам Захарович (из обвинительного заключения М.Н. Осыховской) Родился в 1902 г., Екатеринославская губ., с. Знаменка; еврей; образование начальное; член КПСС; контора «Союзхлебторговля», уполномоченный.

Проживал: Томская обл., Колпашево.

Арестован: 8 марта 1938 г.

Приговорен: 18 мая 1939 г.

Обвинение: право-троцкистская организация.

Приговор: 10 лет, 5 лет поражения в правах.

Реабилитирован: в апреле 1957 г.

Источник: Книга Памяти Томской обл.

5. Патрушев Михаил Дмитриевич (из обвинительного заключения М.Н. Осыховской). Родился в 1901 г., Оренбургская губ., Белорецкий завод; русский; образование среднее; б/п; зав. магазином.

Проживал: Томская обл., с. Кривошеино.

Арестован: 24 февраля 1938 г.

Приговорен: 18 мая 1939 г.

Обвинение: право-троцкистская организация.

Приговор: 6 лет ИТЛ, 5 лет поражения в правах.

Источник: Книга Памяти Томской обл.

6. Чарский Александр Сергеевич (из обвинительного заключения М.Н. Осыховской). Родился в 1902 г., Владимирская губ., Судогодский уезд, с. Бережки; образование начальное; б/п; Кривошеинский райпотребсоюз, ответисполнитель заготконторы.

Проживал: Томская обл., с. Кривошеино.

Арестован: 26 февраля 1938 г.

Приговорен: 18 мая 1939 г.

Обвинение: ст. 58-02, к-р троцкистская организация.

Приговор: 4 года ИТЛ, 3 года поражения в правах

Источник: Книга Памяти Томской обл.

7. Чесновский Адам Иванович (из протокола допроса Г.Н. Худякова).

Родился в 1912 г., Томская обл., Кривошеинский р-н, д. Малиновка; латыш; неграмотный; б/п; единоличник.

Проживал: Томская обл., Кожевниковский р-н, д. Малиновка.

Арестован: 17 февраля 1938 г.

Приговорен: 12 апреля 1938 г.

Обвинение: «Партия святых».

Приговор: расстрел. Расстрелян 22 мая 1938 г.

Реабилитирован: в марте 1957 г.

Источник: Книга Памяти Томской обл.

8. Вайвод Устин Тимофеевич (из протокола допроса Г.Н. Худякова). Родился в 1877 г., Витебская губ., д. Шкильтер; латыш; неграмотный; б/п; колхоз «1 Мая», колхозник.

Проживал: Томская обл., Кривошеинский р-н, пос. Крестовки.

Арестован: 17 февраля 1938 г.

Приговорен: 12 апреля 1938 г.

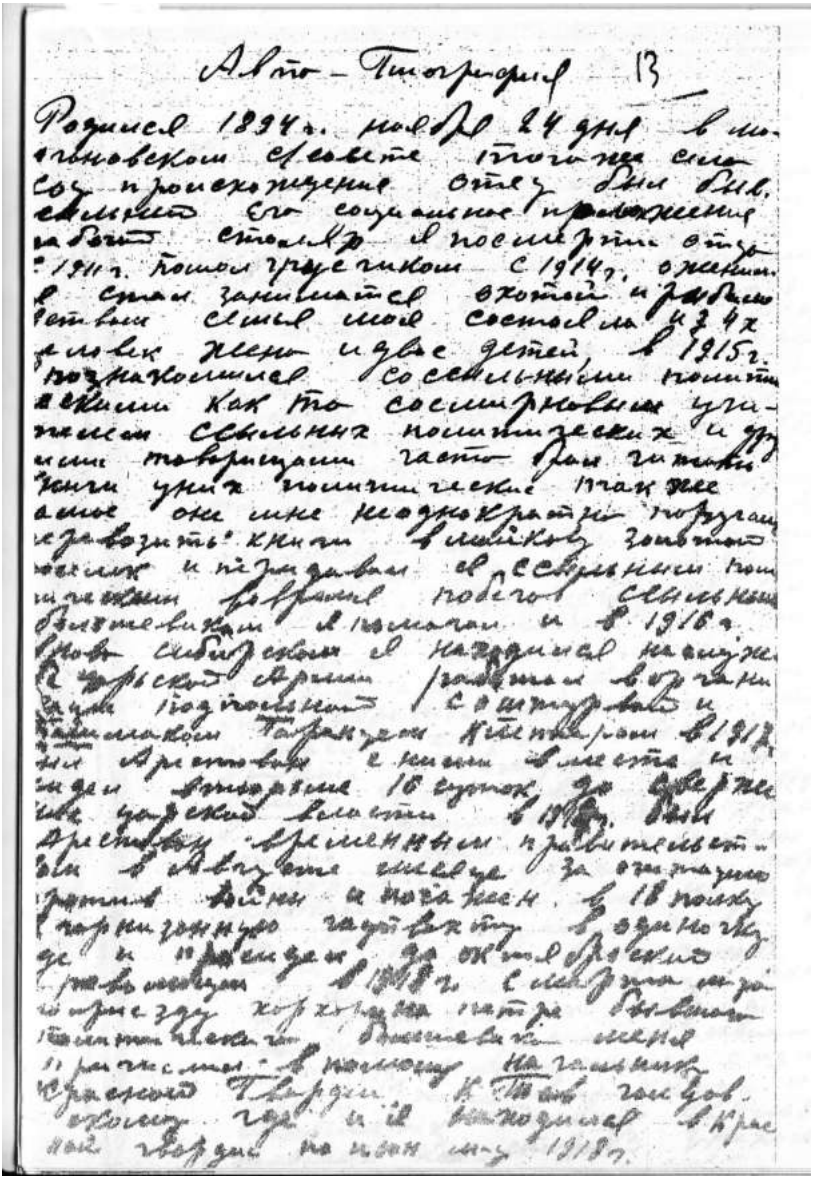
Обвинение: «Партия святых».

Приговор: расстрел. Расстрелян 22 мая 1938 г.

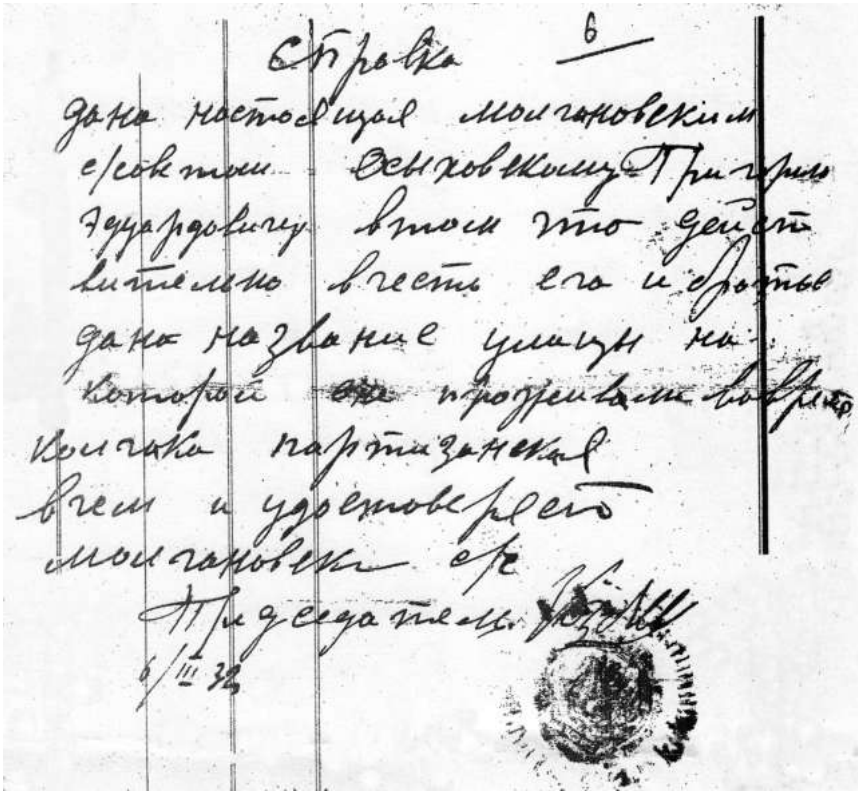
Реабилитирован: в марте 1957 г.

Источник: Книга Памяти Томской обл.

II.Документы из архивно-следственных дел Осыховских: №№ 1-30



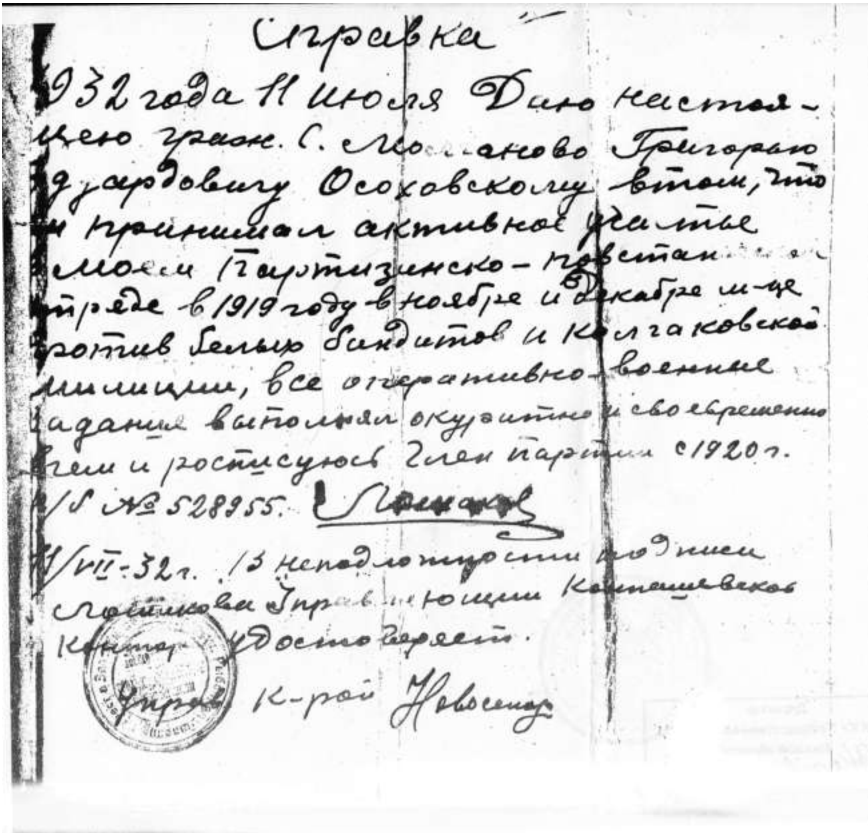
1. Фрагмент автобиографии Григория Эдуардовича Осыховского, 1932–34 гг.



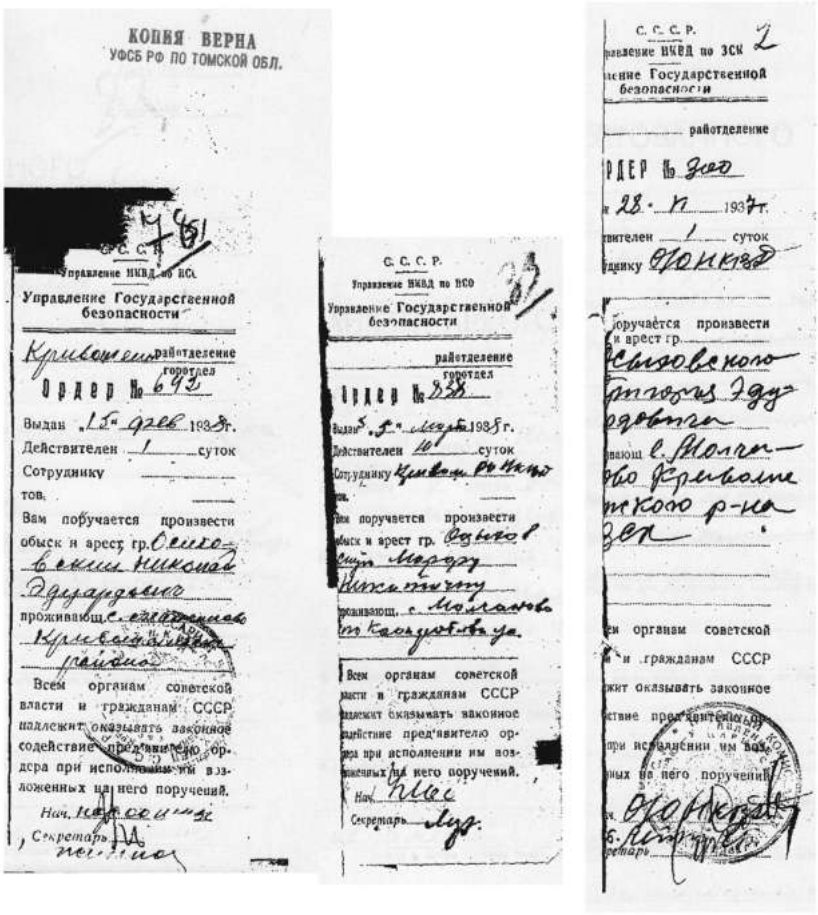
Справка 6

дана настоящая молчановским
с/советом Осыховскому Григорию
Эдуардовичу в том что действи-
тельно в честь его и братьев
дано название улицы на
которой ~~они~~ проживали во время
колчака партизанская
в чем и удостоверяется
молчановский с/с
Председатель [illegible]
6/III 32

2. Справка сельского совета о переименовании улицы села Молчанова в честь братьев Осыховских, воевавших против колчаковцев в 1918–19 гг.


Справка
1932 года 11 июля Дано настоящего гражд. с. Лошаково Григорию Эдуардовичу Осоховскому в том, что он принимал активное участие в моем Партизанско-повстанческом отряде в 1919 году в ноябре и декабре м-це против белых бандитов и Колчаковской милиции, все оперативно-военные задание выполнял окуратно и своевременно в чем и росписуюсь член партии с 1920 г.
п/б № 528955. Лошаков
11/VII-32 г. Подлинность подписи Лошакова Управляющий [illegible] Конторы удостоверяет.
Упр. К-рой Новосел[illegible]

3. Справка Лошакова, подтверждающая участие Г.Э. Осыховского в партизанском движении против Колчака в 1919 году.



КОПИЯ ВЕРНА
УФСБ РФ ПО ТОМСКОЙ ОБЛ.

[redacted]

С. С. С. Р.
Управление НКВД по НСО
Управление Государственной безопасности
Криволоцкий райотделение
горотдел
Ордер № 692
Выдан „15" фев 1938 г.
Действителен 1 суток
Сотруднику
тов.
Вам поручается произвести обыск и арест гр. Осыховский Николай Эдуардович
проживающ. с. Молчаново Криволоцкого района
Всем органам советской власти и гражданам СССР надлежит оказывать законное содействие пред'явителю ордера при исполнении им возложенных на него поручений.
Нач. [illegible]
Секретарь [illegible]

С. С. С. Р.
Управление НКВД по НСО
Управление Государственной безопасности
райотделение
горотдел
Ордер № 838
Выдан „5" марта 1938 г.
Действителен 10 суток
Сотруднику Криволоцкого НКВД
тов.
Вам поручается произвести обыск и арест гр. Осыхов Сергей Мордух Никитичну
проживающ. с. Молчаново Колоцкого р-на
Всем органам советской власти и гражданам СССР надлежит оказывать законное содействие пред'явителю ордера при исполнении им возложенных на него поручений.
Нач. [illegible]
Секретарь [illegible]

С. С. С. Р.
Управление НКВД по ЗСК
Управление Государственной безопасности
райотделение
ОРДЕР № 300
28. II 1937 г.
Действителен 1 суток
Сотруднику ОГОНКВД
Вам поручается произвести обыск и арест гр. Осыховского Григория Эдуардовича
проживающ. с. Молчаново Криволоцкого р-на ЗСК
Всем органам советской власти и гражданам СССР надлежит оказывать законное содействие пред'явителю ордера при исполнении им возложенных на него поручений.
Нач. ОГОНКВД
Секретарь [illegible]

4. Ордера на арест Г.Э. Осыховского, М.Н. Осыховской и Н.Э. Осыховского.

КОПИЯ ВЕРНА
УФСБ РФ ПО ТОМСКОЙ ОБЛ.

12. Партийность (в прошлом и в настоящем) Несостоял.

13. Национальность и гражданство (подданство) Русский.

14. Категория войнского учета-запаса и где состоит на учете снят по возрасту

15. Служба в белых и др. к-р армиях, участие в бандах и восстаниях против Совласти (когда и в качестве кого) Не служил и в бандах не участвовал

16. Каким репрессиям подвергался при Соввласти: судимость, арест и др. (когда, каим органом и за что) Не подвергался.

17. Состав семьи жена Марфа Никитишна 39 л. сен Иван 19 л
(близкие родственники, их имена, фамилии, адреса и род занятий)
живут на фамилии Осыховские в с. Молчаково зап

Подпись арестованного Осыховского

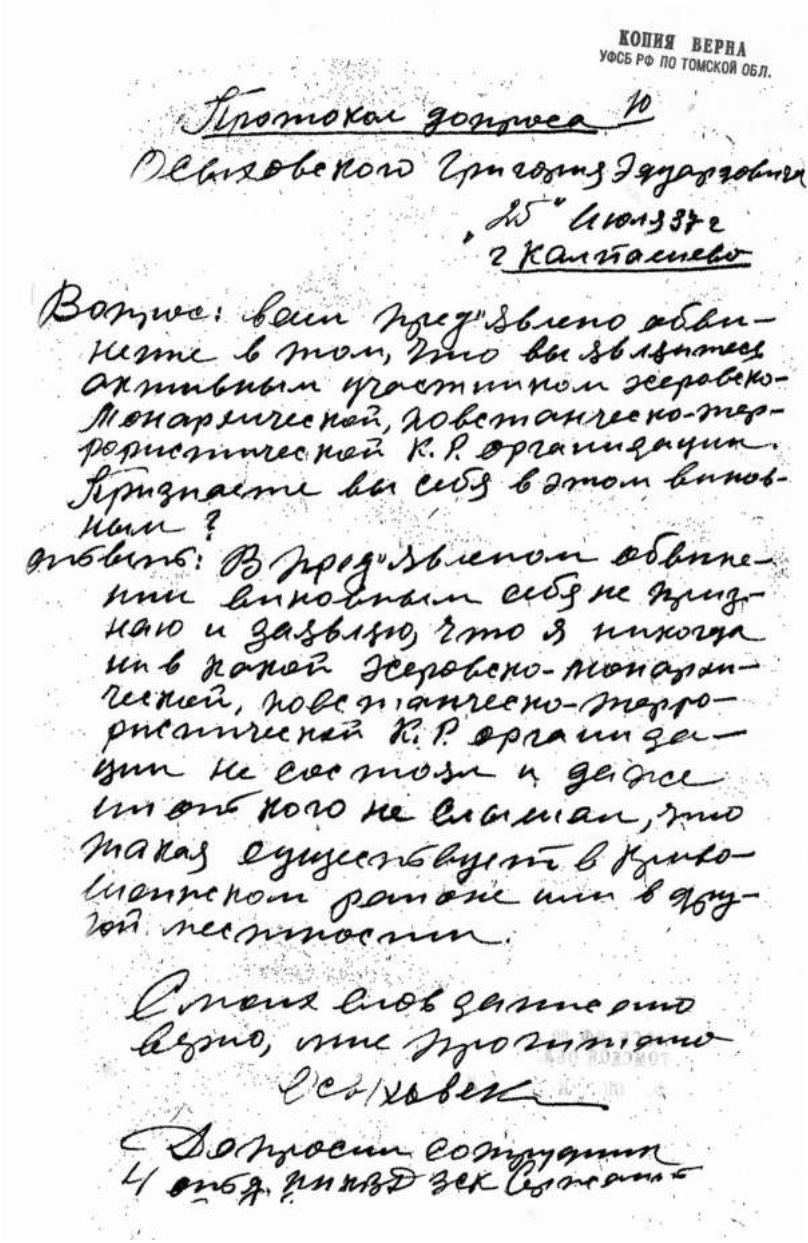
1. Особые внешние приметы
2. Кем и когда арестован Кадымским отделом НКВД 30/VI 37
3. Где содержится под стражей
4. Особые замечания

Подпись сотрудника, заполнившего анкету Жудяк

„ " 2 июля 1937 г.

Примечание: Анкета заполняется четко и разборчиво со слов арестованного и проверяется по документам.

5. Последняя страница анкеты Г.Э. Осыховского.



КОПИЯ ВЕРНА
УФСБ РФ ПО ТОМСКОЙ ОБЛ.

Протокол допроса 10
Осыховского Григория Эдуардовича
„25" июля 37 г
г Калтасиево

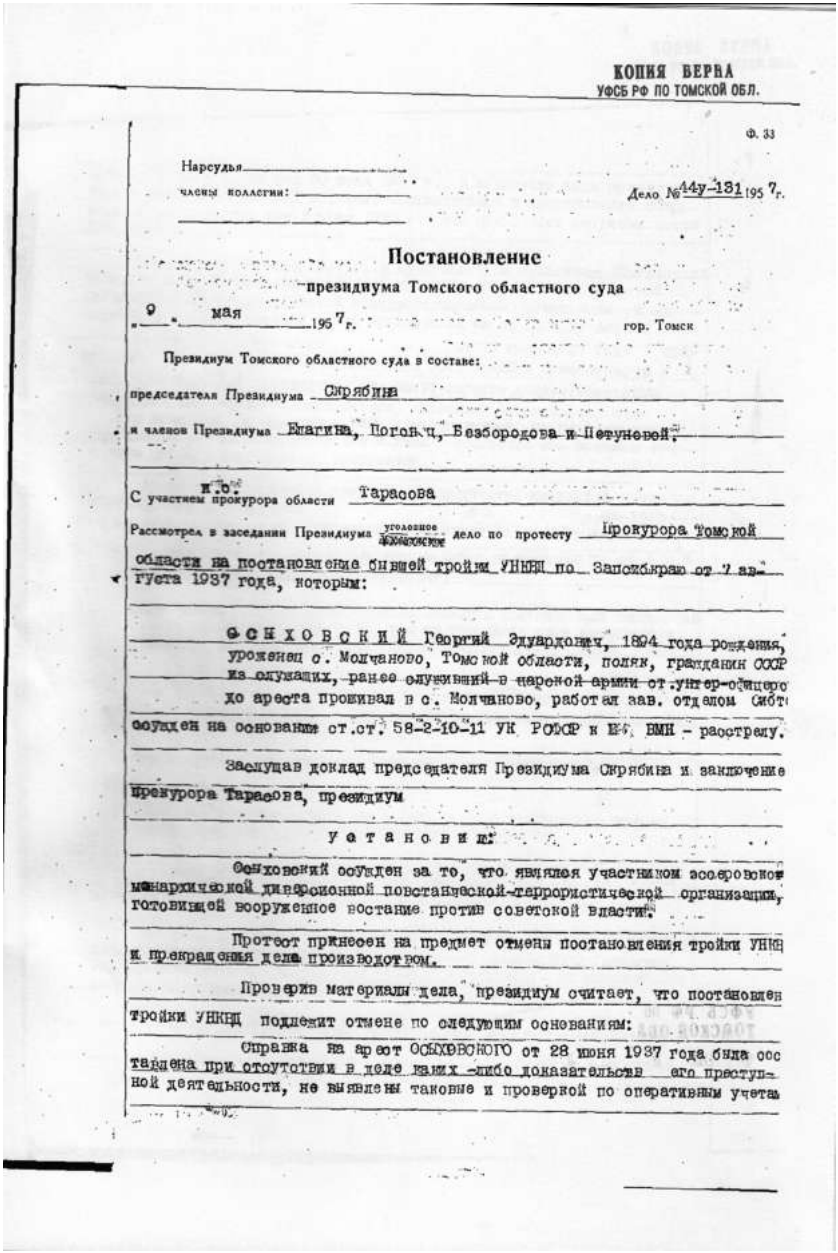
Вопрос: вам пред"явлено обвинение в том, что вы являетесь активным участником Жеровско-Монархической, повстанческо-террористической К.Р. организации. Признаете вы себя в этом виновным?

Ответ: В пред"явленом обвинении виновным себя не признаю и заявляю, что я никогда ни в какой Жеровско-монархической, повстанческо-террористической К.Р. организации не состоял и даже ни от кого не слышал, что такая существует в Кривошеинском районе или в другой местности.

С моих слов записано верно, мне прочитано
Осыховск

Допросил сотрудник
4 отд. ЧИКВД ЗСК Сержант

6. Протокол допроса Г.Э. Осыховского от 25 июля 1937 г.



КОПИЯ ВЕРНА
УФСБ РФ ПО ТОМСКОЙ ОБЛ.

Ф. 33

Нарсудья _____

члены коллегии: _____

Дело № 44у-131 1957 г.

Постановление

президиума Томского областного суда

«9» мая 1957 г. гор. Томск

Президиум Томского областного суда в составе:

председателя Президиума Скрябина

и членов Президиума Елагина, Погонец, Безбородова и Петуновой.

С участием и.о. прокурора области Тарасова

Рассмотрел в заседании Президиума уголовное дело по протесту Прокурора Томской области на постановление бывшей тройки УНКВД по Запсибкраю от 7 августа 1937 года, которым:

ОСЫХОВСКИЙ Георгий Эдуардович, 1894 года рождения, уроженец с. Молчаново, Томской области, поляк, гражданин СССР из служащих, ранее служивший в царской армии ст.унтер-офицеро до ареста проживал в с. Молчаново, работал зав. отделом Сибт осужден на основании ст.ст. 58-2-10-11 УК РСФСР к ВМ, ВМН - расстрелу.

Заслушав доклад председателя Президиума Скрябина и заключение прокурора Тарасова, президиум

Установил:

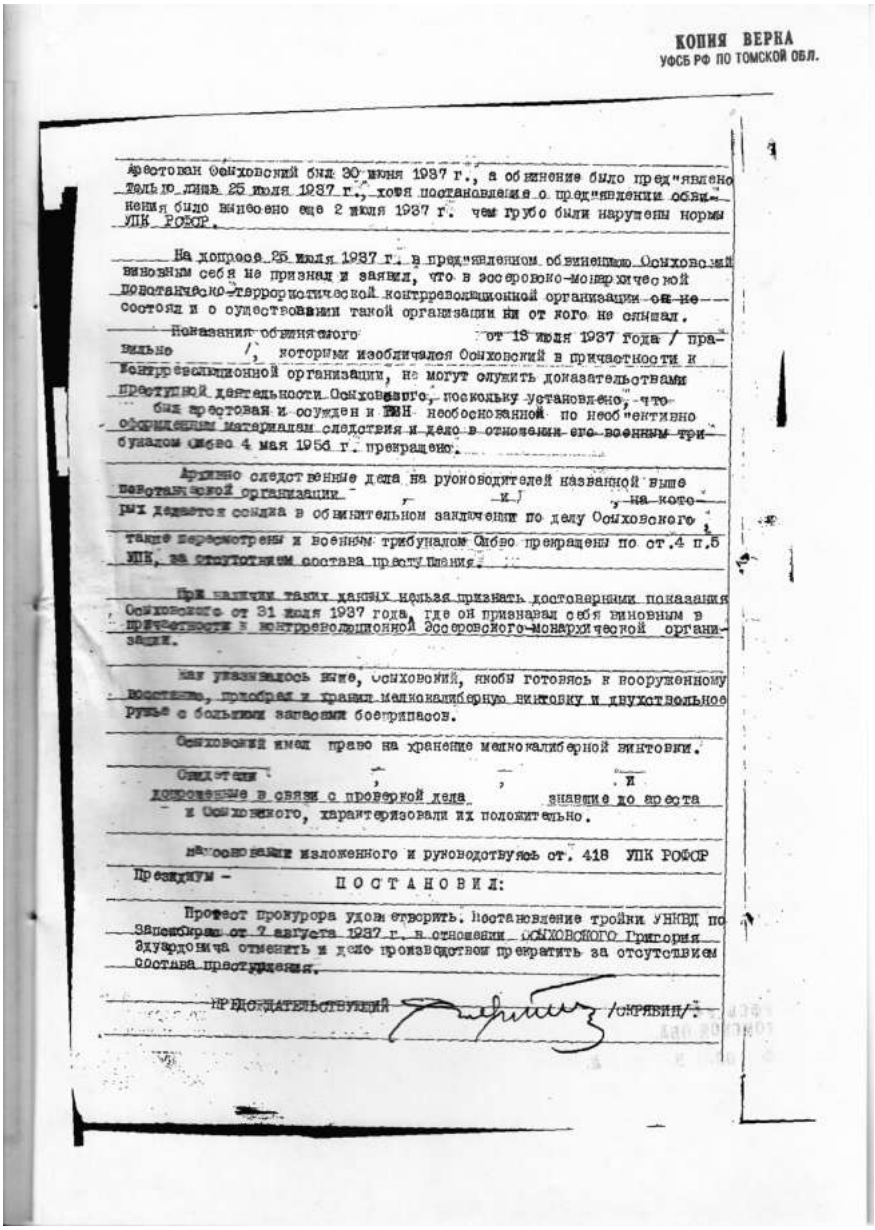
Осыховский осужден за то, что являлся участником эсеровско монархической диверсионной повстанческой-террористической организации, готовившей вооруженное восстание против советской власти.

Протест принесен на предмет отмены постановления тройки УНКВ и прекращения дела производством.

Проверив материалы дела, президиум считает, что постановлен тройки УНКВД подлежит отмене по следующим основаниям:

Справка на арест ОСЫХОВСКОГО от 28 июня 1937 года была сос тавлена при отсутствии в деле каких-либо доказательств его преступной деятельности, не выявлены таковые и проверкой по оперативным учетам

7. Постановление президиума Томского областного суда от 9 мая 1957 г. о реабилитации Г.Э. Осыховского, 1-я страница.



КОПИЯ ВЕРНА
УФСБ РФ ПО ТОМСКОЙ ОБЛ.

1

Арестован Осыховский был 30 июня 1937 г., а обвинение было предъявлено только лишь 25 июля 1937 г., хотя постановление о предъявлении обвинения было вынесено еще 2 июля 1937 г. чем грубо были нарушены нормы УПК РСФСР.

На допросе 25 июля 1937 г. в предъявленном обвинению Осыховский виновным себя не признал и заявил, что в эсеровско-монархической повстанческо-террористической контрреволюционной организации он не состоял и о существовании такой организации ни от кого не слышал.

Показания обвиняемого от 18 июля 1937 года / правильно /, которыми изобличался Осыховский в причастности к контрреволюционной организации, не могут служить доказательствами преступной деятельности Осыховского, поскольку установлено, что был арестован и осужден к ВМН необоснованно по несостоятельному оформленным материалам следствия и дело в отношении его военным трибуналом Сибво 4 мая 1956 г. прекращено.

Архивно следственные дела на руководителей названной выше повстанческой организации , и , на которых давается ссылка в обвинительном заключении по делу Осыховского, также пересмотрены и военным трибуналом Сибво прекращены по ст.4 п.5 УПК, за отсутствием состава преступления.

При наличии таких данных нельзя признать достоверными показания Осыховского от 31 июля 1937 года, где он признавал себя виновным в причастности к контрреволюционной эсеровско-монархической организации.

Как указывалось выше, Осыховский, якобы готовясь к вооруженному восстанию, приобрел и хранил малокалиберную винтовку и двухстволье ружье с большими запасами боеприпасов.

Осыховский имел право на хранение малокалиберной винтовки.

Свидетели , , и допрошенные в связи с проверкой дела знавшие до ареста и Осыховского, характеризовали их положительно.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 418 УПК РСФСР

Президиум – П О С Т А Н О В И Л:

Протест прокурора удовлетворить. Постановление тройки УНКВД по Запсибкраю от 2 августа 1937 г. в отношении ОСЫХОВСКОГО Григория Эдуардовича отменить и дело производством прекратить за отсутствием состава преступления.

Председательствующий /СМИРНОВ/

8. Постановление президиума Томского областного суда от 9 мая 1957 г. о реабилитации Г.Э. Осыховского, 2-я страница.

РСФСР

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

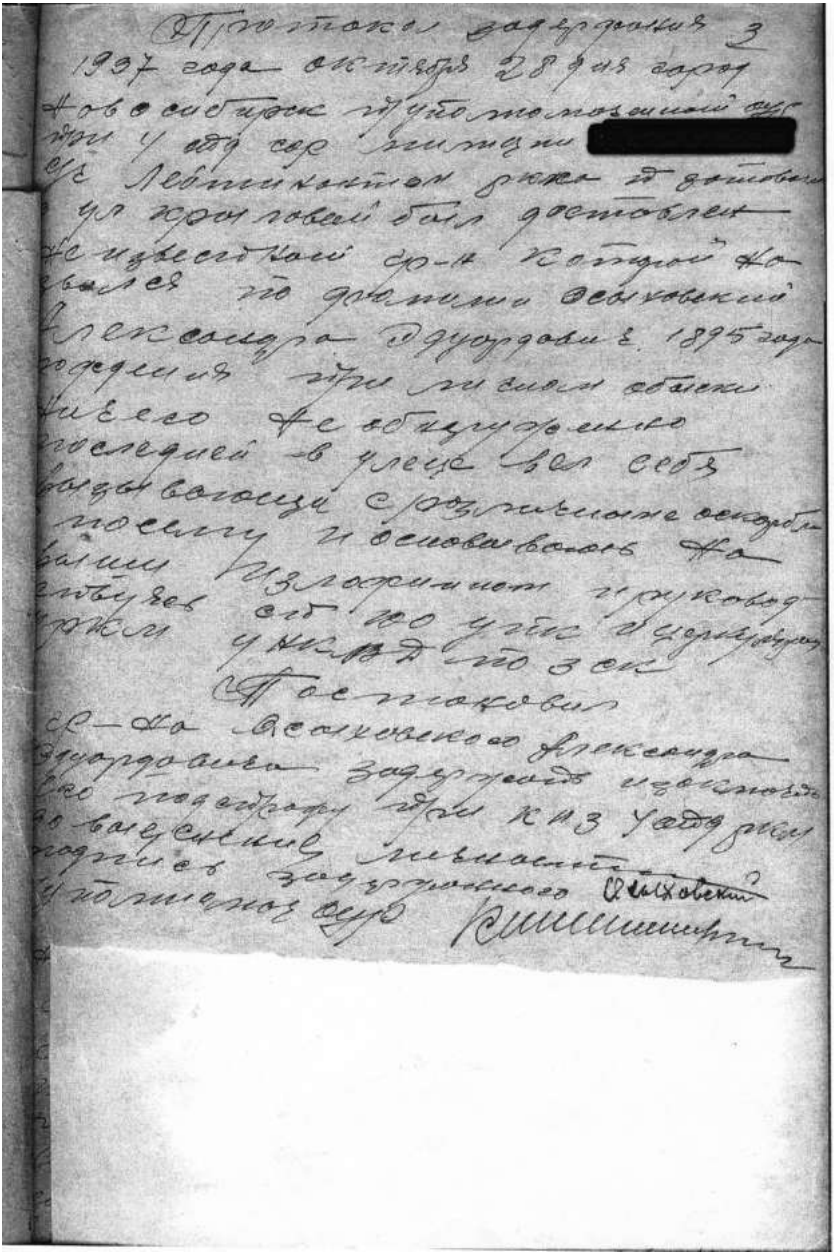
ЭК № 068508

Гр. Осыховский
(фамилия,
Григорий Эдуардович
имя, отчество)
умер(ла) двадцать девятого октября тысяча
(прописью и
девятьсот сорок третьего года 29/X. 1943 года
цифрами год, месяц и число)
возраст 49 лет.
Причина смерти Гепертонической болезни.
о чём в книге записей актов гражданского состояния о смерти
1957 года августа месяца 3 числа
произведена соответствующая запись за № 7
Место смерти: город, селение
район область, край,
республика
Место регистрации: с. Молганово
(наименование и
Край бюро ЗАГС Томской области
местонахождение бюро ЗАГС)
Дата выдачи „30" Сентября 1957 г.

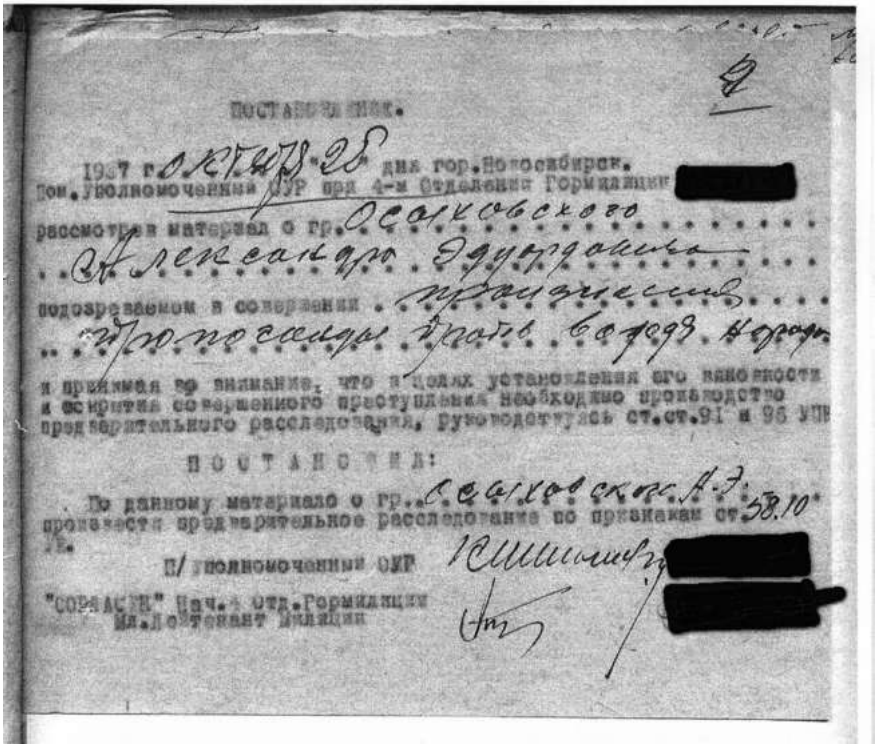
М. П.

Заведующий бюро записей актов гражданского состояния

9. Свидетельство о смерти Г.Э. Осыховского, выданное родственникам через 20 лет после его расстрела.



10. Протокол задержания Александра Эдуардовича Осыховского.



ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

1937 г. октября 28 дня гор. Новосибирск.
Пом. Уполномоченный ОУР при 4-м Отделении Гормилиции [redacted]
рассмотрев материал о гр. Осыховского
Александра Эдуардовича
подозреваемом в совершении произнесения
пропаганды против всего народа
и принимая во внимание, что в целях установления его виновности и сокрытия совершенного преступления необходимо производство предварительного расследования, руководствуясь ст.ст.91 и 96 УПК

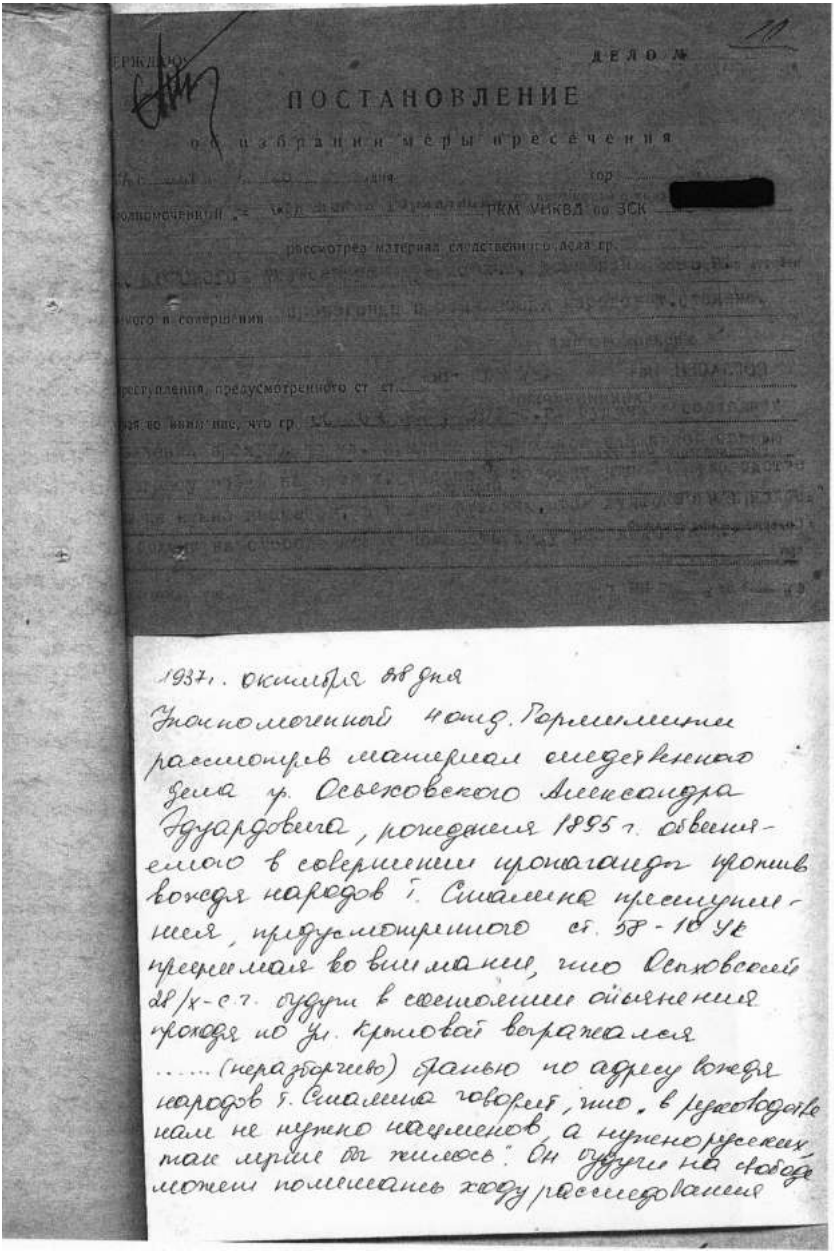
ПОСТАНОВИЛ:

По данному материалу о гр. Осыховского А.Э. произвести предварительное расследование по признакам ст. 58.10 УК.

П/ уполномоченный ОУР [redacted]

"СОРФАСЕН" Нач. 4 отд. Гормилиции
Мл. Лейтенант Милиции [redacted]

11. Постановление о предварительном расследовании дела А.Э. Осыховского.



ДЕЛО № 11

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

об избрании меры пресечения

...дня ... год

...полномоченный ... РКМ УНКВД по ЗСК [redacted]

рассмотрев материал следственного дела гр.

...ного в совершении

...преступления, предусмотренного ст. ст.

...ая во внимание, что гр.

1937 г. октября 28 дня

Уполномоченный 4 отд. Гормилиции рассмотрев материал следственного дела гр. Осыховского Александра Эдуардовича, рождения 1895 г. обвиняемого в совершении пропаганды против вождя народов т. Сталина преступления, предусмотренного ст. 58-10 УК принимая во внимание, что Осыховский 28/X-с.г. будучи в состоянии опьянения проходя по ул. Крыловой выражался ..... (неразборчиво) бранью по адресу вождя народов т. Сталина говорит, что „в руководстве нам не нужно нацменов, а нужно русских, так лучше бы жилось". Он будучи на свободе может помешать ходу расследования

12. Постановление об избрании меры пресечения А.Э. Осыховского, 1-я страница.

руководствуясь ст. ст. 144, 147 и 158 УПК—

ПОСТАНОВИЛ:

Мерой пресечения в отношении гр. [illegible]

избрать содержание под стражей в Новосибирской следственной тюрьме.

Уполномоченный [illegible]

СОГЛАСЕН: Нач.

„САНКЦИОНИРУЮ"

Пом. Прокурор [illegible]

Постановление мне об'явлено 28/X 37 г. дня 193 г.

Подпись:

СПРАВКА

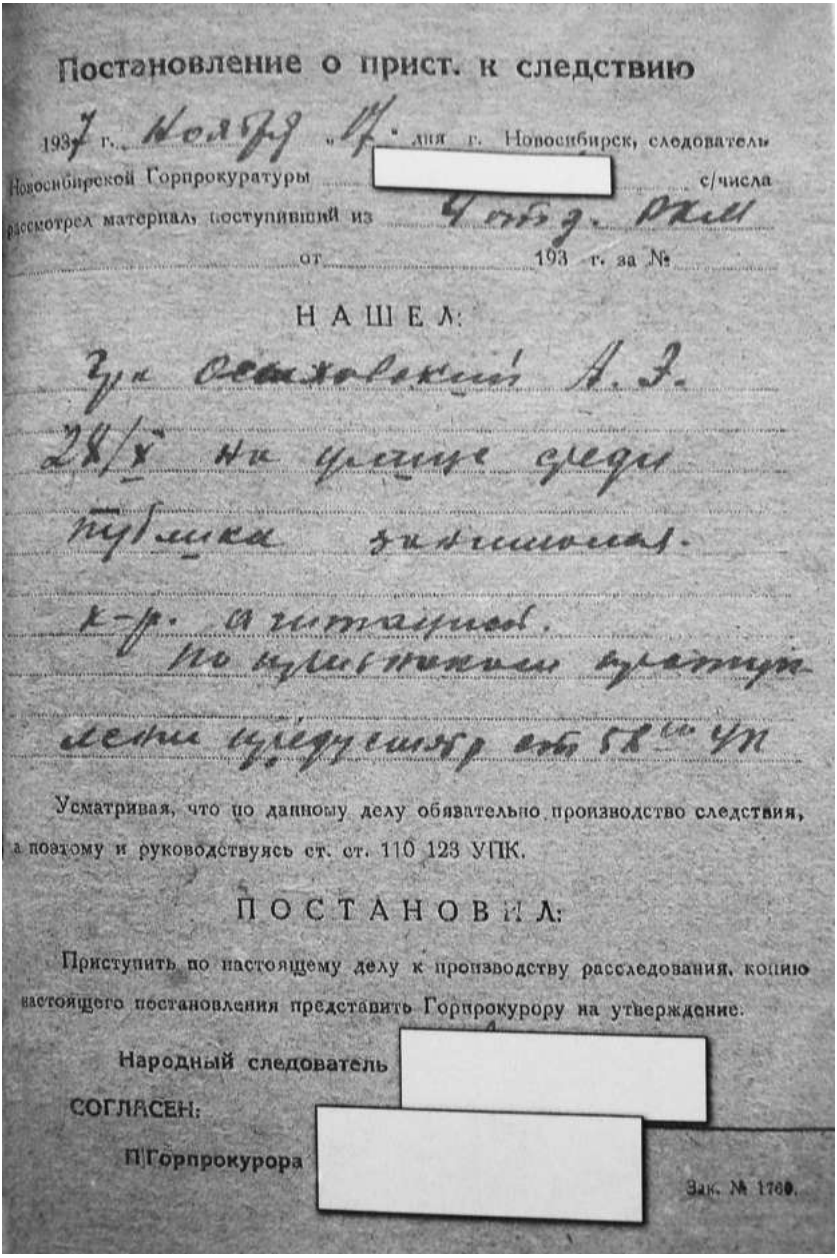
Содержался под стражей

при _____

с „____" по „____" 193 г.

[illegible] 45.000 10[illegible]

13. Постановление об избрании меры пресечения А.Э. Осыховского, 2-я страница.



Постановление о прист. к следствию

1937 г. Ноября „17" дня г. Новосибирск, следователь Новосибирской Горпрокуратуры [redacted] с/числа рассмотрел материал, поступивший из 4 отд. РКМ от 193 г. за №

НАШЕЛ:

Гр. Осыховский А. Э.
28/X на улице среди
публика занимался
к-р. агитацией.
По признакам преступ-
ления предусмотр. ст. 58-го УП

Усматривая, что по данному делу обязательно производство следствия, а поэтому и руководствуясь ст. ст. 110 123 УПК.

ПОСТАНОВИЛ:

Приступить по настоящему делу к производству расследования, копию настоящего постановления представить Горпрокурору на утверждение.

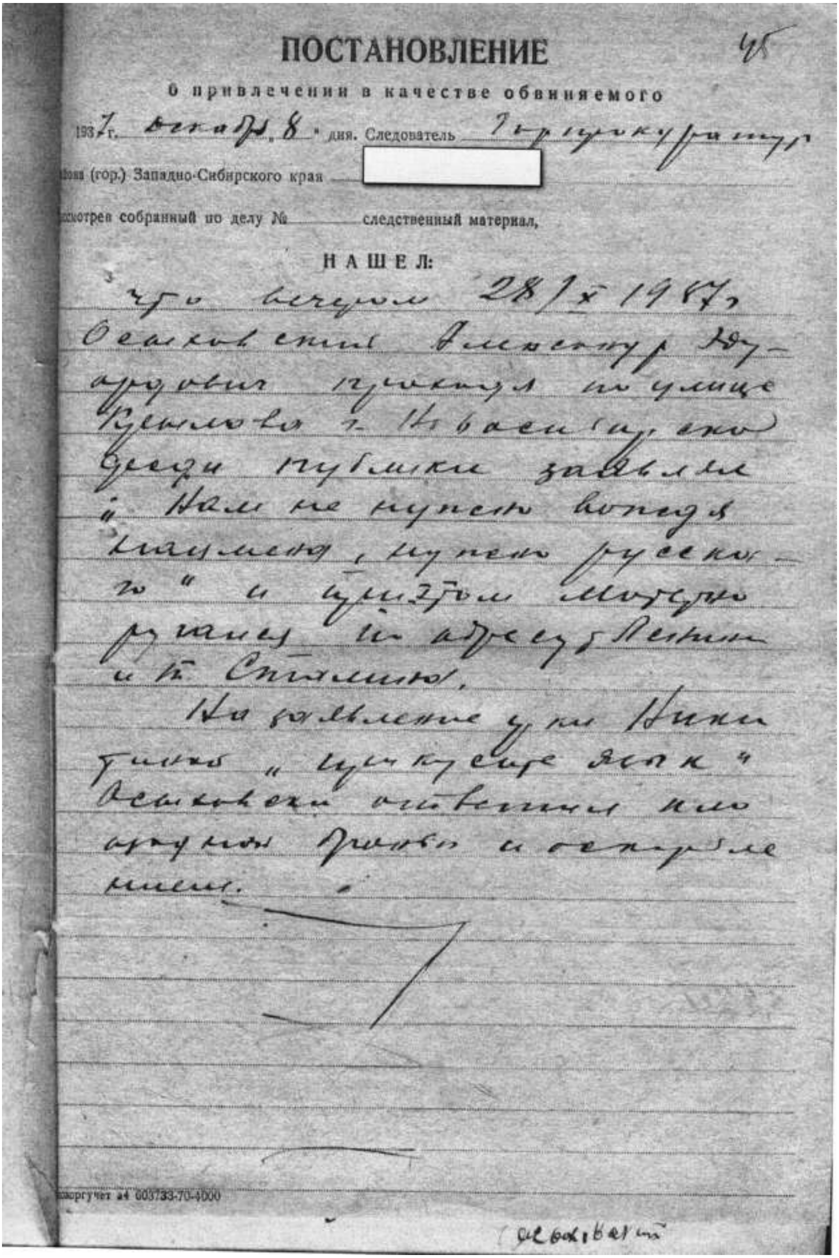
Народный следователь [redacted]

СОГЛАСЕН:

П/Горпрокурора [redacted]

Зак. № 1760.

14. Постановление о прист(уплении) к следствию
по делу А.Э. Осыховского.



ПОСТАНОВЛЕНИЕ 45

о привлечении в качестве обвиняемого

1937 г. декабря 8 дня. Следователь Горпрокуратуры

района (гор.) Западно-Сибирского края [redacted]

рассмотрев собранный по делу № следственный материал,

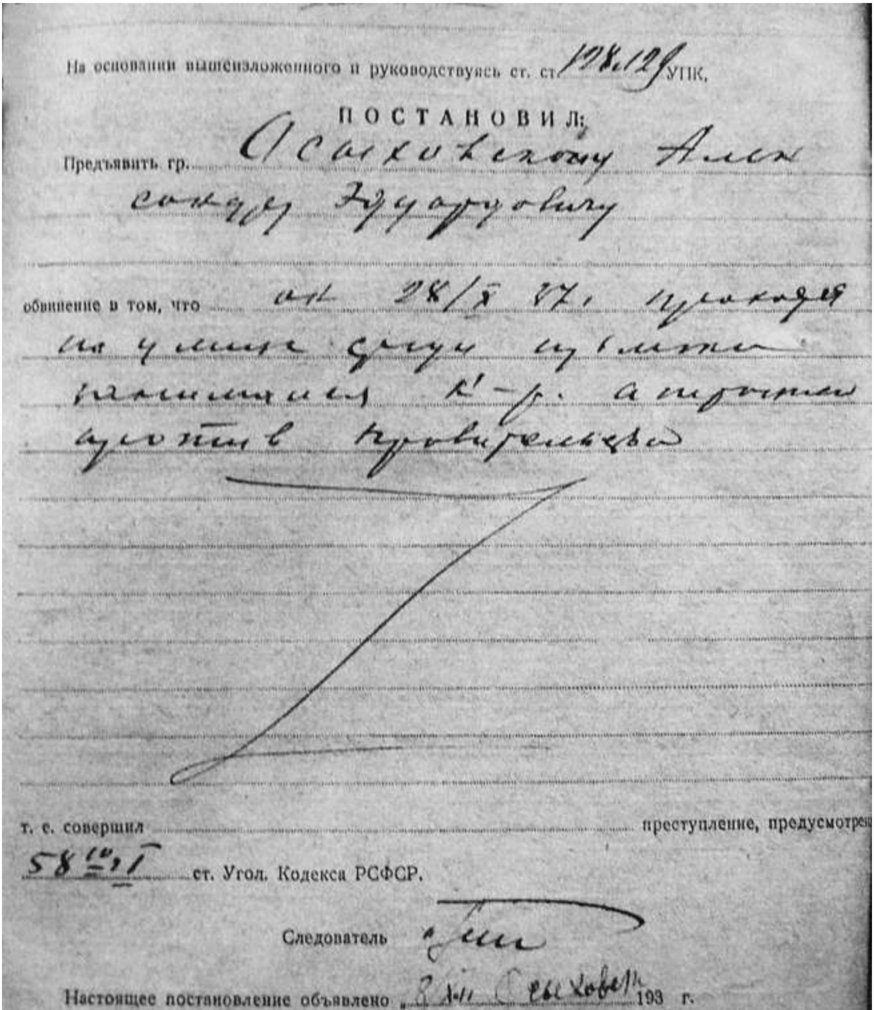
НАШЕЛ:

что вечером 28/X 1937 г. Осыховский Александр Эдуардович проходя по улице Крылова г. Новосибирска, среди публики заявлял: «Нам не нужно вождя Ильича, нужен русского» и притом матерно ругался по адресу Ленина и т. Сталина.

На замечание гр-ки Никитиной «прекратите это» Осыховский ответил ему грубой бранью и оскорблением.

Осыховский

15. Постановление о привлечении А.Э. Осыховского в качестве обвиняемого, 1-я страница.



На основании вышеизложенного и руководствуясь ст. ст. 128, 129 УПК,

ПОСТАНОВИЛ:

Предъявить гр. Осыховскому Александру Эдуардовичу

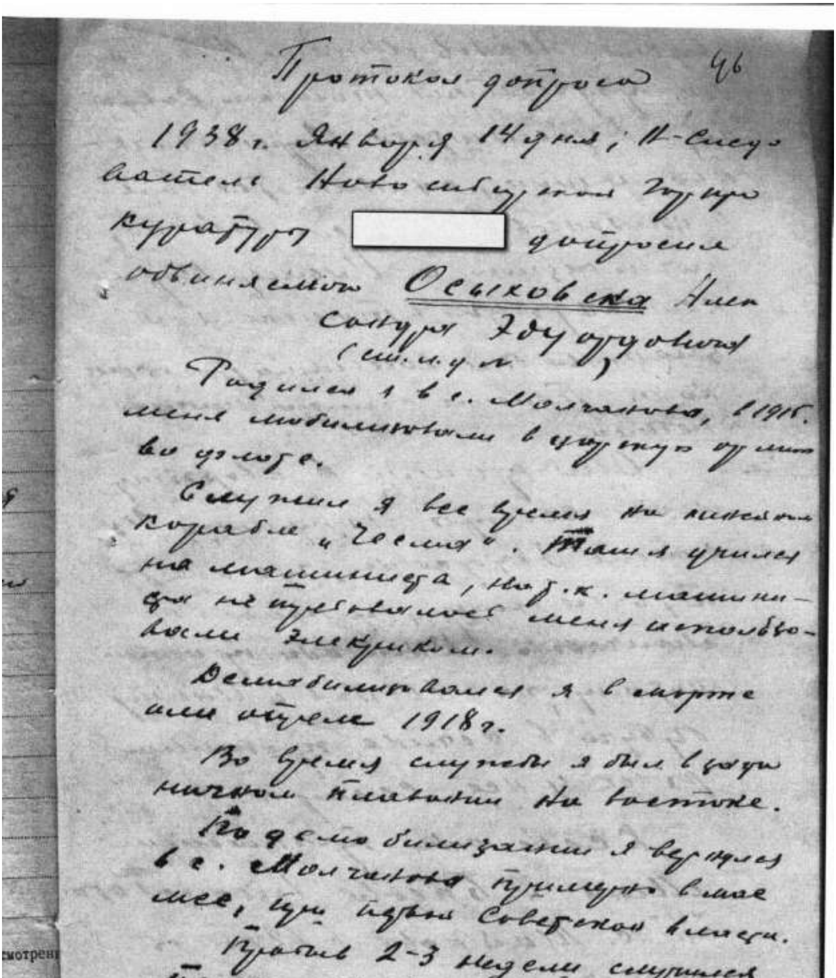
обвинение в том, что он 28/X 37 г. проходя по улице среди публики занимался к-р. агитацией против правительства

т. е. совершил преступление, предусмотренное 58^{10}, I ст. Угол. Кодекса РСФСР.

Следователь [подпись]

Настоящее постановление объявлено 3 XII Осыховский 193 г.

16. Постановление о привлечении А.Э. Осыховского в качестве обвиняемого, 2-я страница.


Протокол допроса 46

1938 г. января 14 дня, я — следователь Новосибирской прокуратуры [redacted] допросил обвиняемого Осыховского Александра Эдуардовича (см. у л.)

Родился я в с. Молчаново, в 1915 меня мобилизовали в царскую армию во флоте.

Служил я все время на минном корабле «Чесма». Там я учился на машиниста, но т.к. машинисты не требовались меня использовали электриком.

Демобилизовался я в марте или апреле 1918 г.

Во время службы я был в дальнем плавании на востоке.

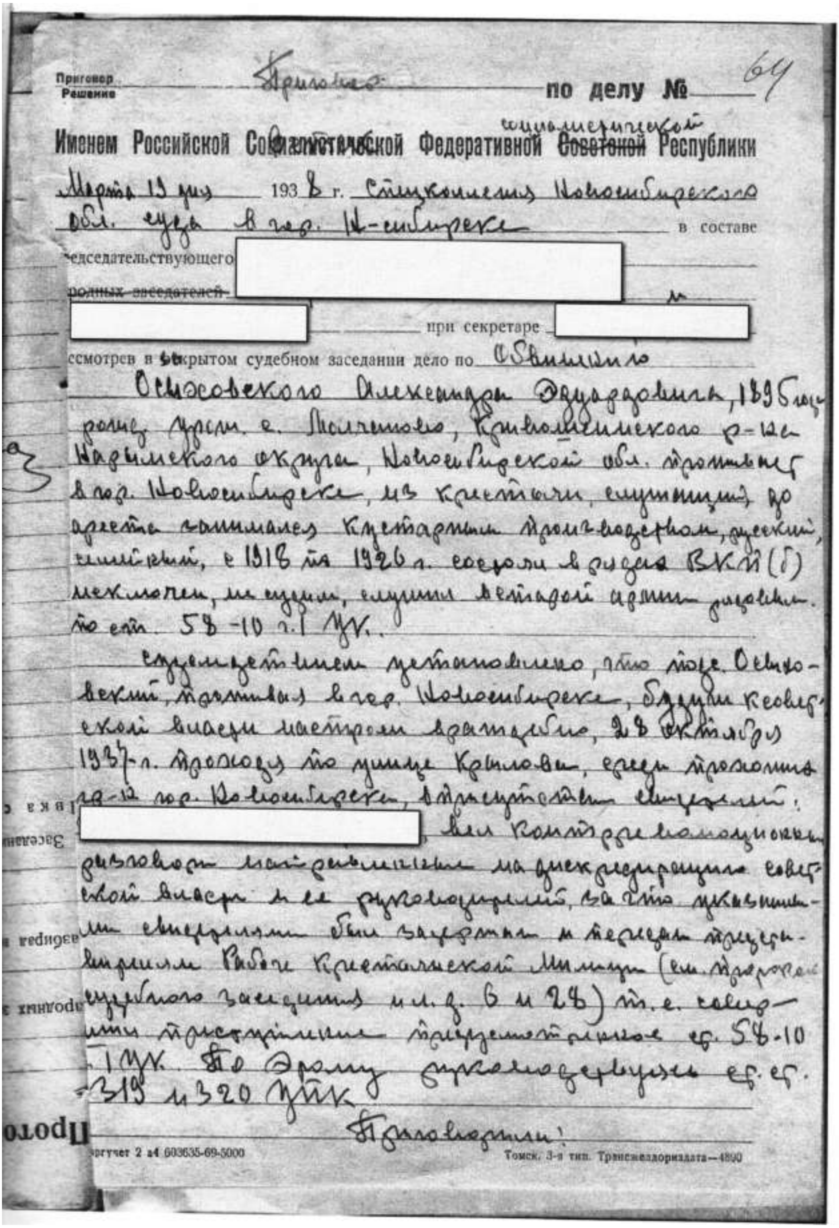
По демобилизации я вернулся в с. Молчаново примерно в мае мес., при первой Советской власти.

Прожив 2-3 недели случился переворот, в с. Молчаново прибыл колчаковский отряд карателей.

До прихода карательного колчаковского отряда в с. Молчаново туда приехали из Томска

Осыховский

17. Фрагмент протокола допроса А.Э. Осыховского от 14 декабря 1937 г.



Приговор ~~Решение~~ *Приговор* по делу № *64*

Именем Российской Социалистической Федеративной ~~Советской~~ *социалистической* Республики

Марта 19 дня 193*8* г. *Спецколлегия Новосибирского обл. суда в гор. Н-сибирске* в составе

председательствующего [redacted]

народных заседателей [redacted] и [redacted] при секретаре [redacted]

рассмотрев в закрытом судебном заседании дело по *обвинению*

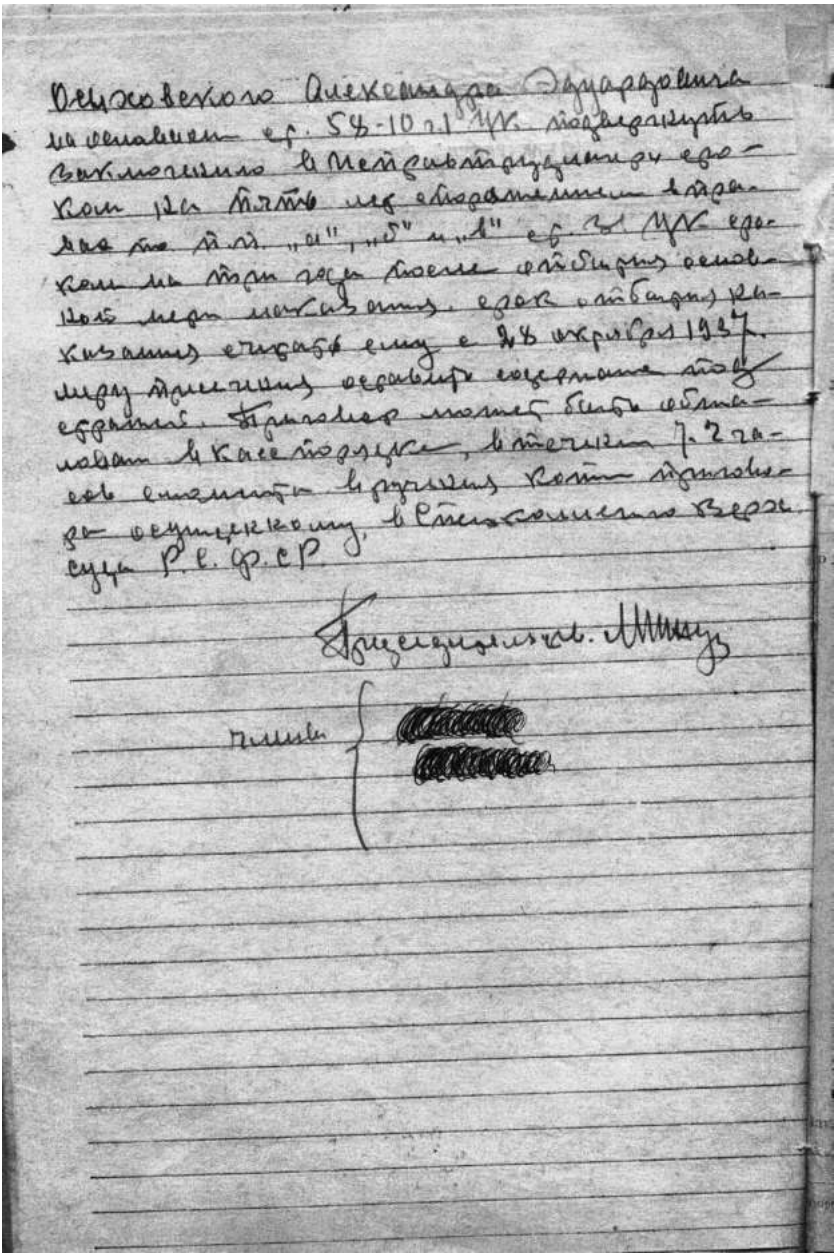
Осыховского Александра Эдуардовича, 1895 года рожд., уроженца с. Молчаново, Кривошеинского р-на Нарымского округа, Новосибирской обл., проживающего в гор. Новосибирске, из крестьян, служащего, до ареста занимался кустарным производством, русский, ..., с 1918 по 1926 г. состоял в рядах ВКП(б), ..., не судим, служил в Красной армии рядовым, по ст. 58-10 ч.1 УК.

Судебным следствием установлено, что под. Осыховский, проживая в гор. Новосибирске, будучи к советской власти настроен враждебно, 28 октября 1937 г. проходя по улице Крылова, среди прохожих гр-н гор. Новосибирска, в присутствии свидетелей [redacted]*, вел контрреволюционные разговоры, направленные на дискредитацию советской власти и ее руководителей, за что указанными свидетелями был задержан и передан представителям Рабоче-Крестьянской Милиции (см. протокол судебного заседания л.д. 6 и 28) т.е. совершил преступление предусмотренное ст. 58-10 ч.1 УК. По этому руководствуясь ст.ст. 319 и 320 УПК*

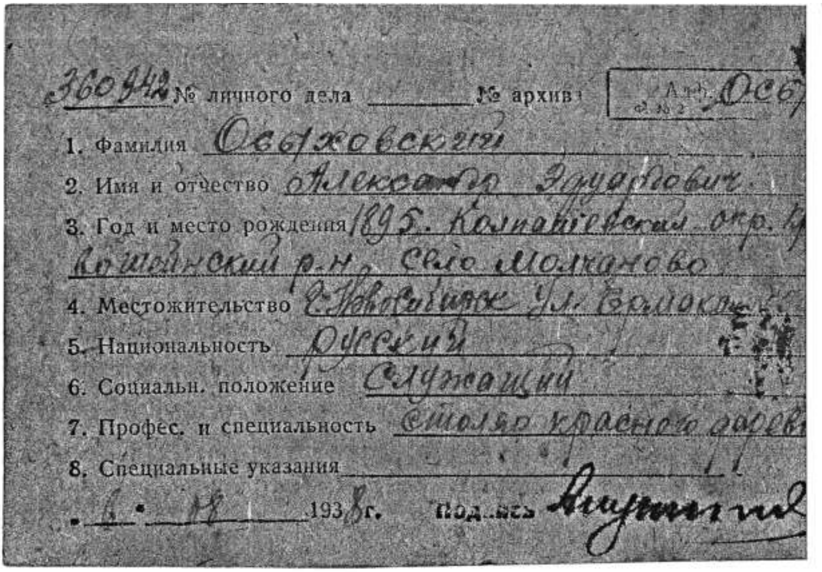
Приговорил:

Торгучет 2 з4 603635-69-5000 Томск, 3-я тип. Трансжелдориздата—4890

18. Приговор специальной коллегии Новосибирского областного суда А.Э. Осыховскому от 19 марта 1938 г., 1-я страница.



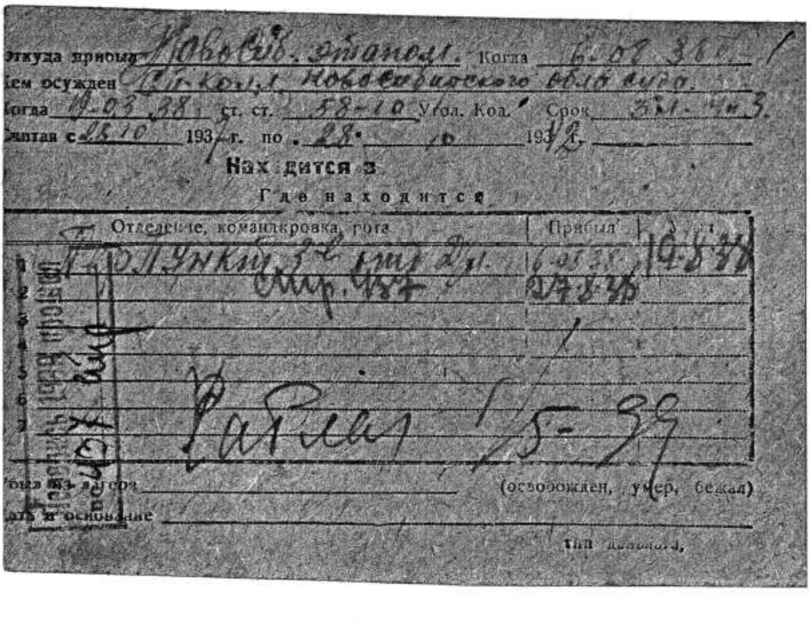
19. Приговор специальной коллегии Новосибирского областного суда А.Э. Осыховскому от 19 марта 1938 г., 2-я страница.



360942 № личного дела ________ № архив. Осы...

1. Фамилия Осыховский
2. Имя и отчество Александр Эдуардович
3. Год и место рождения 1895. Колпашевский окр. Кривошеинский р-н, село Молчаново
4. Местожительство г. Новосибирск ул. Ермака
5. Национальность русский
6. Социальн. положение служащий
7. Профес. и специальность столяр красного дерева
8. Специальные указания ________

6.10.1938 г. Подпись



Откуда прибыл Новосиб. этапом. Когда 16.08.38
Кем осужден Сп. колл. Новосибирского обл. суда
Когда 19.03.38 ст. ст. 58-10 Угол. Код. Срок 5 л. 4 м. 3.
Считая с 25.10 1937 г. по 25.10 1942 г.

Находится в

Где находится

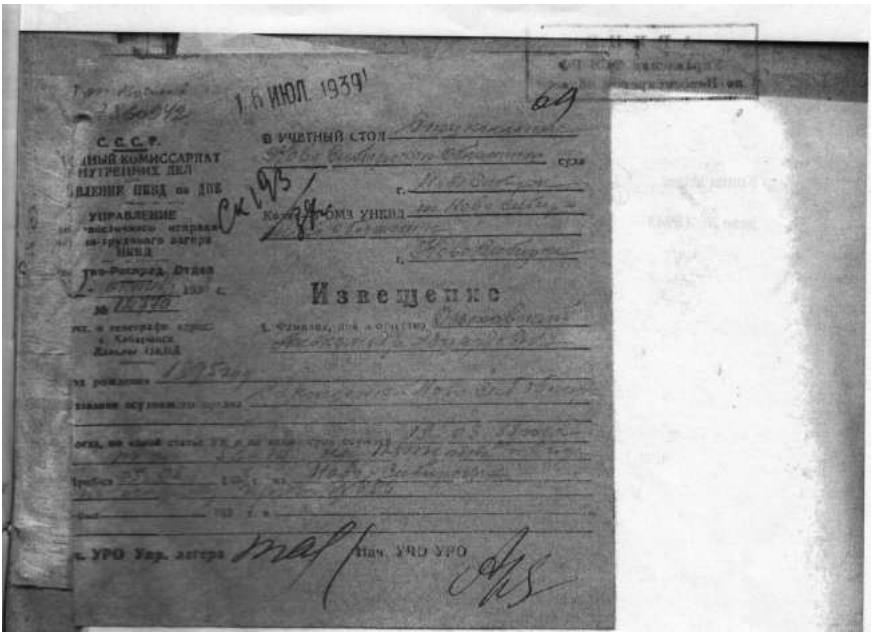
	Отделение, командировка, рота	Прибыл	Убыл
1			19.8.38
2		27.8.38	
3			
4			
5			
6			
7			

Убыл из лагеря ________ (освобожден, умер, бежал)

Куда и основание ________

Тип. Дальлага.

20. Карточки заключённого А.Э. Осыховского в Дальлаге.



16 ИЮЛ. 1939

С.С.С.Р.

В УЧЕТНЫЙ СТОЛ

Извещение

21. Извещение в учётный стол спец. коллегии Новосибирского обл. суда о прибытии в Дальлаг заключённого А.Э. Осыховского.

Прокуратура
Российской Федерации

ПРОКУРАТУРА
НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

630099, г.Новосибирск, ул.Каменская, 20А

23.05.2012 12-445-2012

На № _____ от _____

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

Гр. Осыховский Александр Эдуардович
(фамилия, имя, отчество)

родился 1895, с.Молчаново Кривошеинского района Нарымского округа
(год и место рождения)

Место жительства до ареста г.Новосибирск

Место работы и должность до ареста Кустарь-одиночка

Дата ареста 28 октября 1937 года

Когда и каким органом осуждён (репрессирован), квалификация содеянного и мера наказания (основная и дополнительная) 19 марта 1938 года Новосибирским областным судом по ст.58-10 ч.1 УК РСФСР к 5 годам лишения свободы с поражением в правах на срок 3 года.

Дата освобождения _____

На основании ст.3, ст.5 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года гражданин Осыховский Александр Эдуардович
(фамилия, имя, отчество)

реабилитирован заключением прокуратуры Новосибирской области от 21 июня 1994 года.

Заместитель прокурора Новосибирской области
старший советник юстиции **П.К. Афанасьев**

22. Справка о реабилитации Александра Эдуардовича Осыховского.

КОПИЯ ВЕРНА
УФСБ РФ ПО ТОМСКОЙ ОБЛ.

12. Партийность (в прошлом и в настоящем) б/партий.

13. Национальность и гражданство (подданство) поляк

14. Категория воинского учета-запаса и где состоит на учете состоит

15. Служба в белых и др. к-р армиях, участие в бандах и восстаниях против Совласти (когда и в качестве кого) служил в германскую войну в 1917 году

16. Каким репрессиям подвергался при Совласти: судимость, арест и др. (кем каким органом и за что) не подвергался

17. Состав семьи сын Владимир 12 лет, сын Леон
(близкие родственники, их имена, фамилии, адреса и род занятий)
дочь Галина Згода

Подпись арестованного Н. Осыховский

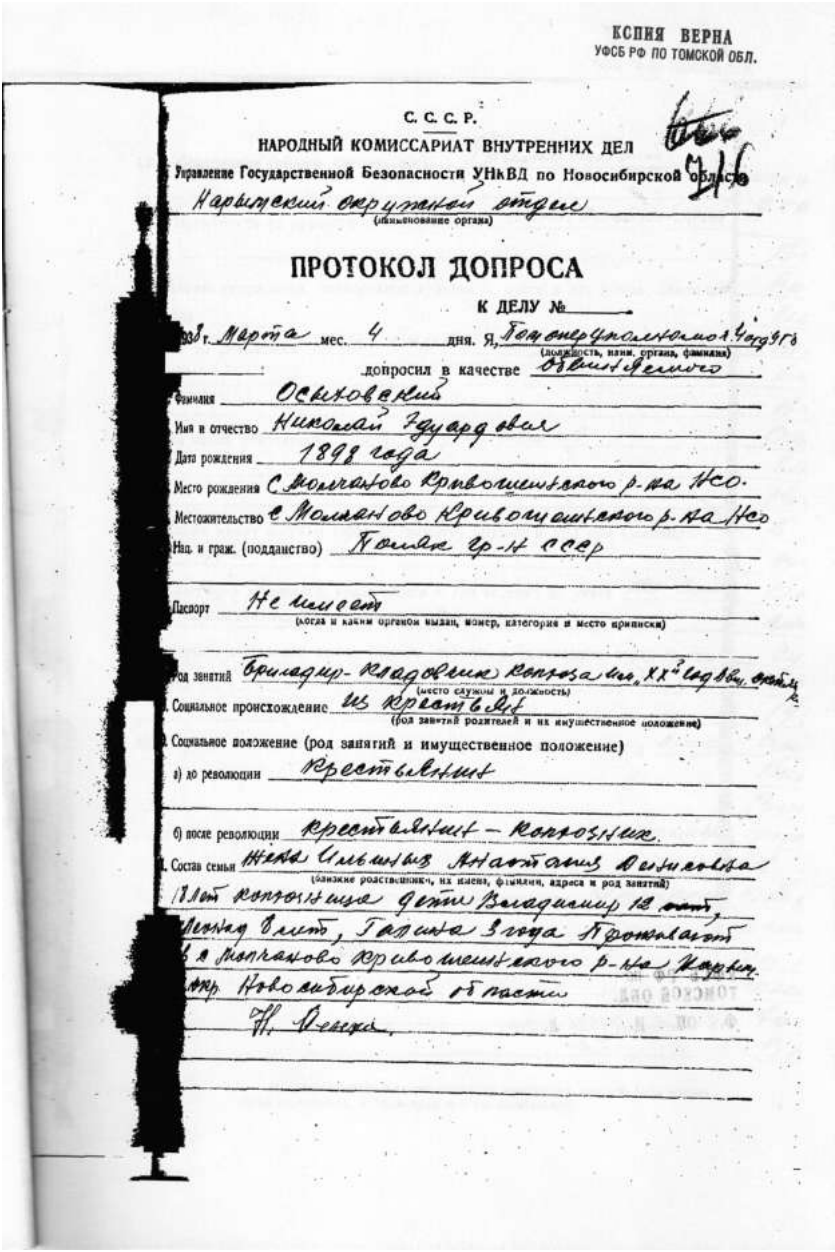
1. Особые внешние приметы
2. Кем и когда арестован 15/II-38 г. Нарым. Окр. Отд. НКВ
3. Где содержится под стражей в Колпашевской тюрь
4. Особые замечания

Подпись сотрудника, заполнившего анкету

„16" февраля 1938 г.

Примечание: Анкета заполняется четко и разборчиво со слов
ванного и проверяется по документам.

23. Фрагмент анкеты от 16 февраля 1938 г.
Николая Эдуардовича Осыховского.



КОПИЯ ВЕРНА
УФСБ РФ ПО ТОМСКОЙ ОБЛ.

С. С. С. Р.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Управление Государственной Безопасности УНКВД по Новосибирской области

Карымский окружной отдел
(наименование органа)

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К ДЕЛУ №

1938 г. Марта мес. 4 дня. Я, Помоперуполномоч. 4 отд. УГБ
(должность, наим. органа, фамилия)

допросил в качестве обвиняемого

Фамилия Осыховский

Имя и отчество Николай Эдуардович

Дата рождения 1898 года

Место рождения с Молчаново Кривошеинского р-на НСО.

Местожительство с Молчаново Кривошеинского р-на НСО

Нац. и граж. (подданство) Поляк гр-н СССР

Паспорт Не имеет
(когда и каким органом выдан, номер, категория и место приписки)

Род занятий бригадир-кладовщик колхоза им. XX-й год Вел. Октября
(место службы и должность)

Социальное происхождение из крестьян
(род занятий родителей и их имущественное положение)

Социальное положение (род занятий и имущественное положение)

а) до революции крестьянин

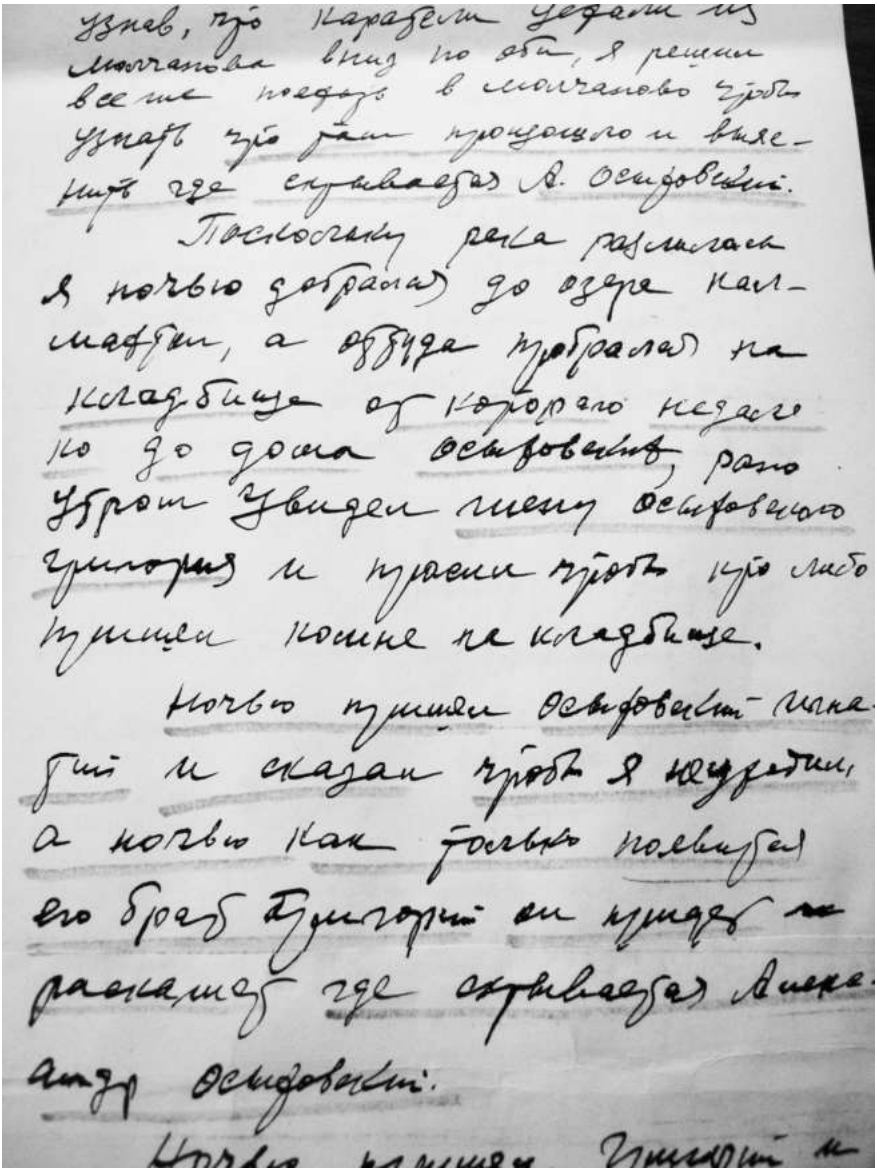
б) после революции крестьянин — колхозник.

Состав семьи Жена Ильиных Анастасия Денисовна
(близкие родственники, их имена, фамилии, адреса и род занятий)

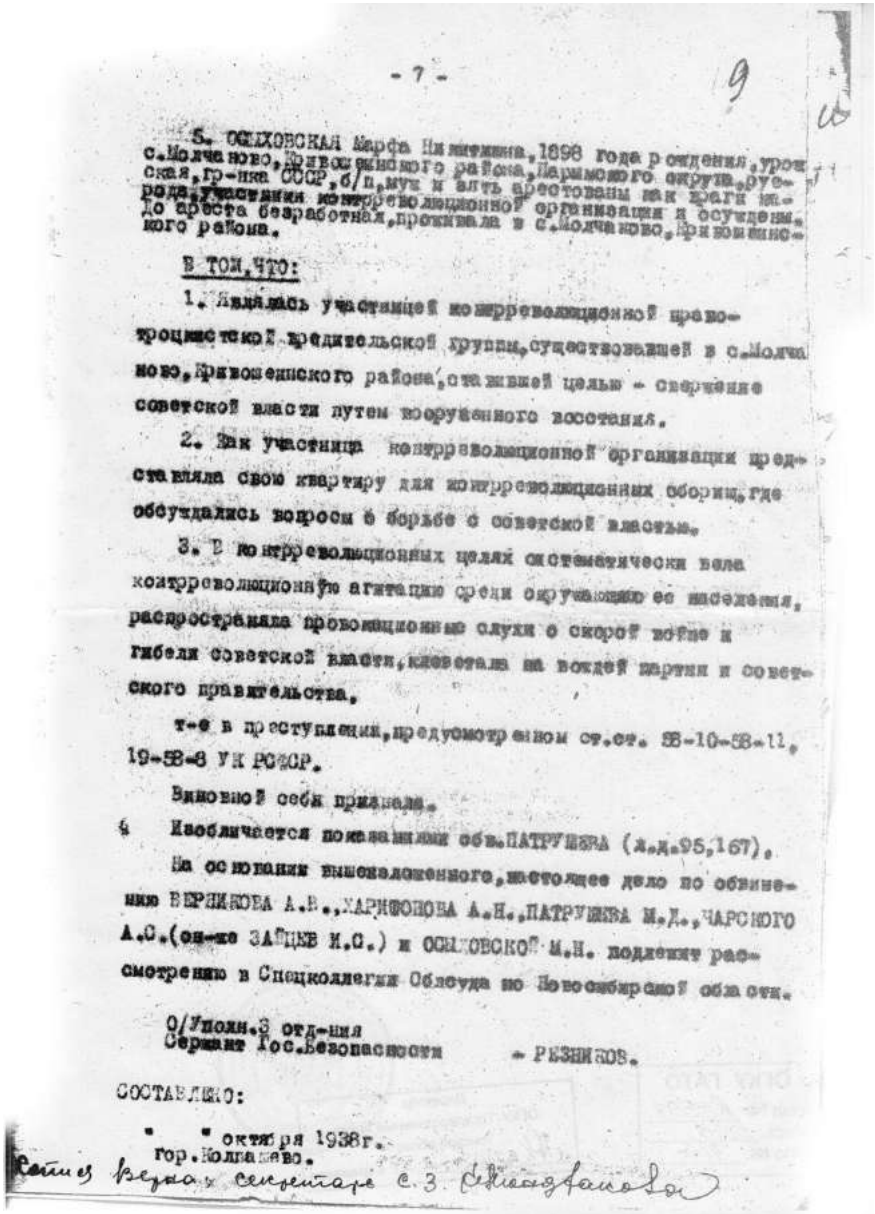
18 лет колхозница дети Владимир 12 лет, Леонид 8 лет, Галина 3 года Проживают с Молчаново Кривошеинского р-на Карым. окр. Новосибирской области

Н. Осыхов.

24. Фрагмент протокола допроса Н.Э. Осыховского от 4 марта 1938 г.



25. Фрагмент из воспоминаний Михаила Никитича Леонова.



- 7 -

9

5. ОСЫХОВСКАЯ Марфа Никитична, 1898 года рождения, урож. с.Молчаново, Кривошеинского района, Парымского округа, русская, гр-нка СССР, б/п, муж и зять арестованы как враги народа, участники контрреволюционной организации и осуждены. До ареста безработная, проживала в с.Молчаново, Кривошеинского района.

В ТОМ, ЧТО:

1. Являлась участницей контрреволюционной право-троцкистской вредительской группы, существовавшей в с.Молчаново, Кривошеинского района, ставившей целью - свержение советской власти путем вооруженного восстания.

2. Как участница контрреволюционной организации представляла свою квартиру для контрреволюционных сборищ, где обсуждались вопросы о борьбе с советской властью.

3. В контрреволюционных целях систематически вела контрреволюционную агитацию среди окружающего ее населения, распространяла провокационные слухи о скорой войне и гибели советской власти, клеветала на вождей партии и советского правительства.

т-е в преступлении, предусмотренном ст.ст. 58-10-58-11, 19-58-8 УК РСФСР.

Виновной себя признала.

Изобличается показаниями обв. ПАТРУШЕВА (л.д.95,167).

На основании вышеизложенного, настоящее дело по обвинению ВЕРНИКОВА А.В., ХАРИТОНОВА А.Н., ПАТРУШЕВА М.Д., ЧАРСКОГО А.С. (он-же ЗАЙЦЕВ И.С.) и ОСЫХОВСКОЙ М.Н. подлежит рассмотрению в Спецколлегии Облсуда по Новосибирской области.

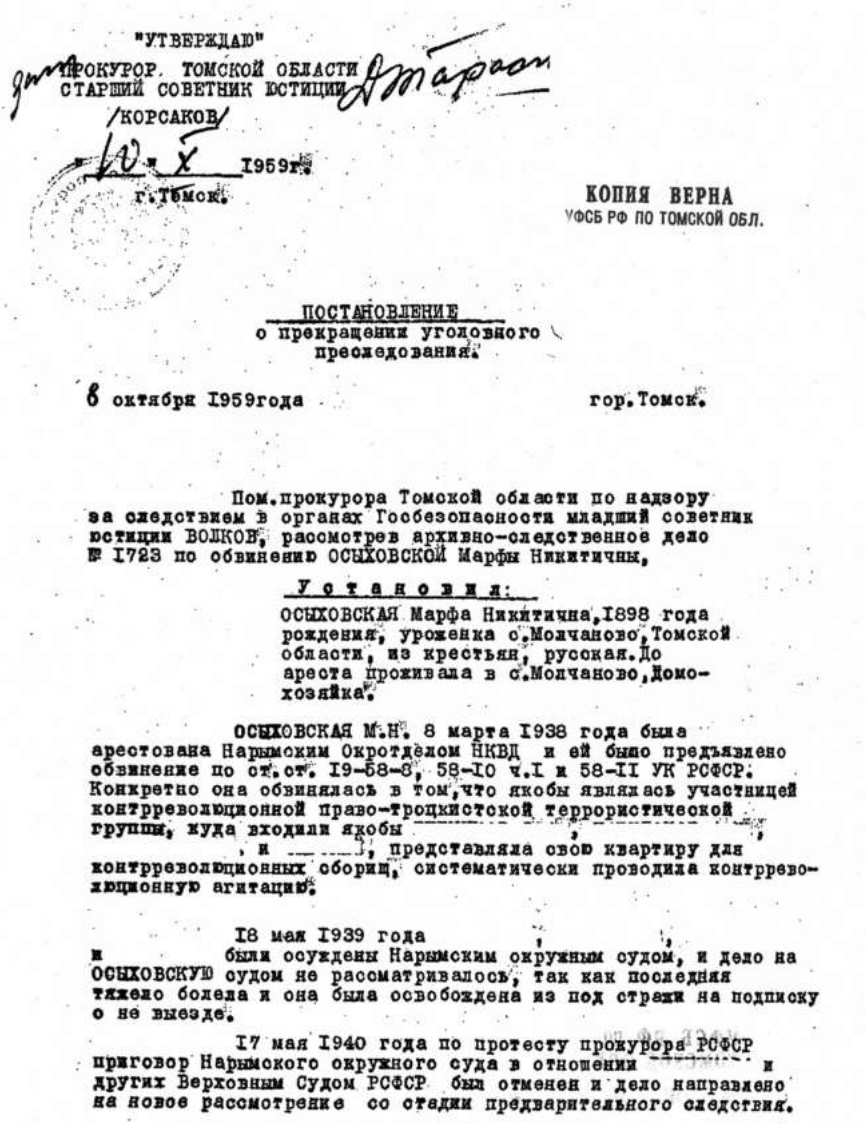
О/Уполн. 3 отд-ния
Сержант Гос.Безопасности - РЕЗНИКОВ.

СОСТАВЛЕНО:

" " октября 1938г.
гор.Колпашево.

Копия верна секретарь с.з. [illegible]

26. Обвинение, предъявленное Марфе Никитичне Осыховской, – жене Григория Эдуардовича.



"УТВЕРЖДАЮ"
ПРОКУРОР ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ
СТАРШИЙ СОВЕТНИК ЮСТИЦИИ
/КОРСАКОВ/
10 X 1959г.
г.Томск.

КОПИЯ ВЕРНА
УФСБ РФ ПО ТОМСКОЙ ОБЛ.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
о прекращении уголовного преследования.

6 октября 1959года гор.Томск.

Пом.прокурора Томской области по надзору за следствием в органах Госбезопасности младший советник юстиции ВОЛКОВ, рассмотрев архивно-следственное дело № 1723 по обвинению ОСЫХОВСКОЙ Марфы Никитичны,

У с т а н о в и л:

ОСЫХОВСКАЯ Марфа Никитична, 1898 года рождения, уроженка с.Молчаново, Томской области, из крестьян, русская. До ареста проживала в с.Молчаново, домохозяйка.

ОСЫХОВСКАЯ М.Н. 8 марта 1938 года была арестована Нарымским Окротделом НКВД и ей было предъявлено обвинение по ст.ст. 19-58-8, 58-10 ч.I и 58-11 УК РСФСР. Конкретно она обвинялась в том, что якобы являлась участницей контрреволюционной право-троцкистской террористической группы, куда входили якобы _____, _____, _____ и _____, представляла свою квартиру для контрреволюционных сборищ, систематически проводила контрреволюционную агитацию.

18 мая 1939 года _____, _____, _____ и _____ были осуждены Нарымским окружным судом, и дело на ОСЫХОВСКУЮ судом не рассматривалось, так как последняя тяжело болела и она была освобождена из под стражи на подписку о не выезде.

17 мая 1940 года по протесту прокурора РСФСР приговор Нарымского окружного суда в отношении _____ и других Верховным Судом РСФСР был отменен и дело направлено на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

27. Постановление о прекращении уголовного преследования М.Н. Осыховской, 1-я страница.

КОПИЯ ВЕРНА
УФСБ РФ ПО ТОМСКОЙ ОБЛ.

При дополнительном расследовании предъявленное обвинение , , и ОСЫХОВСКОЙ не нашло своего подтверждения, в связи с чем в отношении , , и уголовное преследование было прекращено за недоказанностью предъявленного обвинения, на ОСЫХОВСКУ также было вынесено постановление о прекращении уголовного преследования, но в мотивировочной части не было указано, по каким же основаниям прекращено уголовное преследование, или за ее смертью, или за недоказанностью предъявленного обвинения.

Обвиняемый был осужден по настоящему делу 20 июля 1941 года по ст.58-10 ч. I УК РСФСР, однако в 1957 году дополнительной проверкой было установлено, что также неосновательно осужден и 19 апреля 1957 года Президиумом Верховного Суда РСФСР приговор в отношении его отменен и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления.

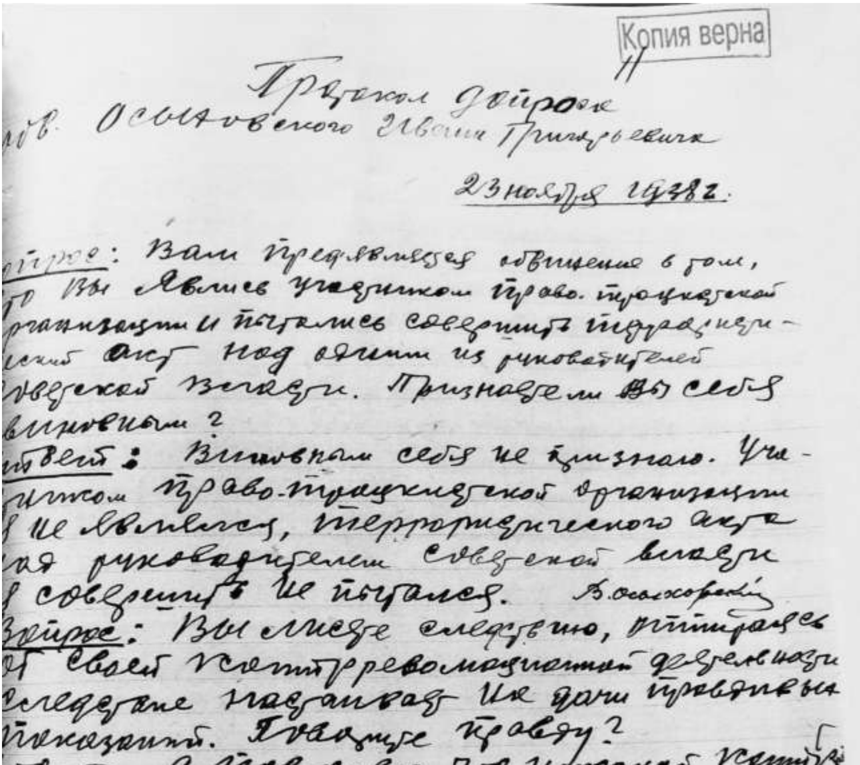
Учитывая, что по данному делу никаких доказательств против ОСЫХОВСКОЙ не имеется, что при вынесении постановления о прекращении дела 15-IУ-1941г. в отношении ОСЫХОВСКОЙ не были указаны конкретные мотивы прекращения, руководствуясь ст.4 п.5 УПК РСФСР,

П О С Т А Н О В И Л:

Уголовное преследование в отношении ОСЫХОВСКОЙ Марфы Никитичны прекратить, за отсутствием в действиях последней состава преступления.

ПОМ.ПРОКУРОРА ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ ПО НАДЗОРУ ЗА СЛЕДСТВИЕМ В ОРГАНАХ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ МЛАДШИЙ СОВЕТНИК ЮСТИЦИИ /ВОЛКОВ/

28. Постановление о прекращении уголовного преследования М.Н. Осыховской, 2-я страница.



Копия верна

Протокол допроса
тов. Осыховского Ивана Григорьевича

23 ноября 1938 г.

Вопрос: Вам предъявляется обвинение в том, что Вы являетесь участником право-троцкистской организации и пытались совершить террористический акт над одним из руководителей советской власти. Признаете ли Вы себя виновным?

Ответ: Виновным себя не признаю. Участником право-троцкистской организации я не являлся, террористического акта над руководителем советской власти я совершить не пытался. И. Осыховский

Вопрос: Вы лжете следствию, отпираясь от своей контрреволюционной деятельности. Следствие настаивает на даче правдивых показаний. Говорите правду?

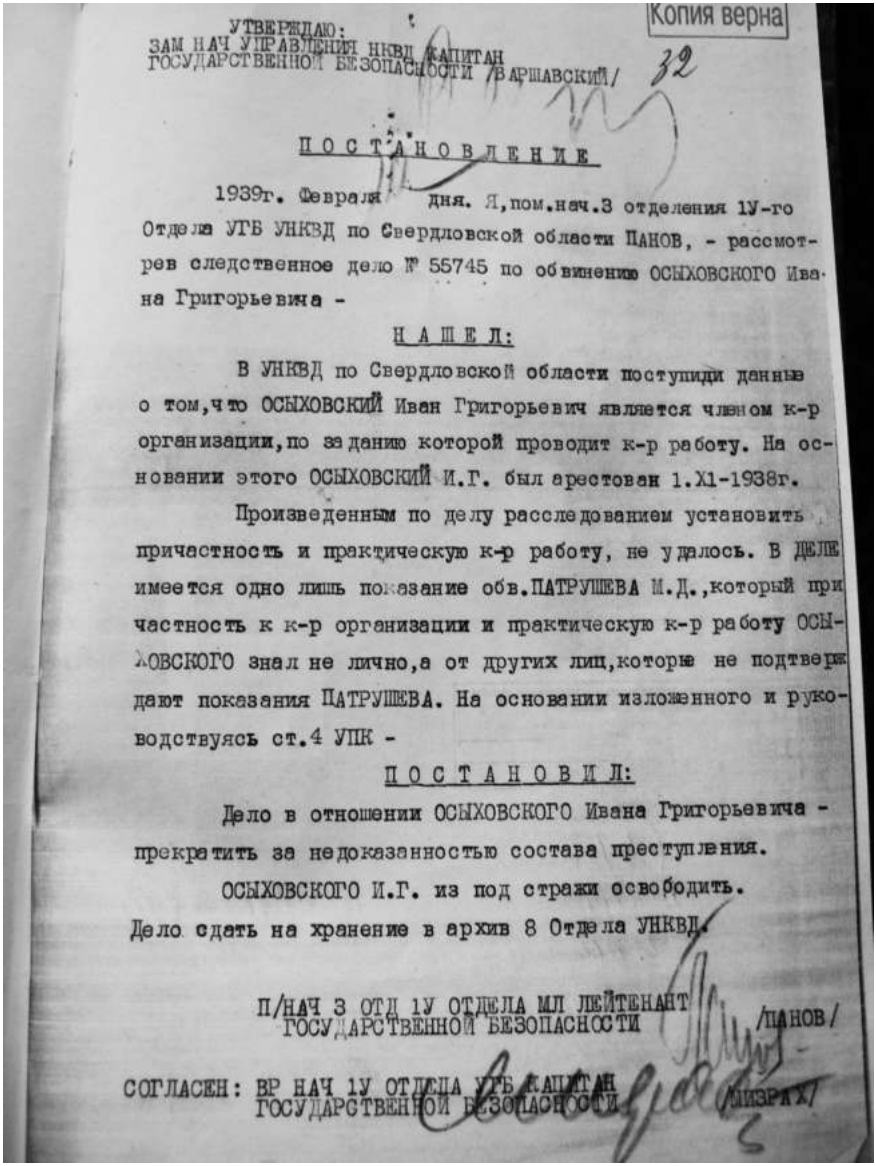
Ответ: Я повторяю, что никакой контрреволюционной деятельности против советской власти я никогда не вел. И. Осыховский

Вопрос: Следствие еще раз настаивает на даче правдивых показаний по существу предъявленного Вам обвинения, так как располагает достаточными данными о вашей контрреволюционной деятельности. Ваши показания?

Ответ: Я еще раз повторяю, что никакой контрреволюционной деятельности против сов. власти я не вел. — И. Осыховский

Допросил: Пом. нач. [illegible] мл. лейт. госбез. Попов?

29. Протокол допроса Ивана Григорьевича Осыховского
от 23 ноября 1938 г.



Копия верна

УТВЕРЖДАЮ:
ЗАМ НАЧ УПРАВЛЕНИЯ НКВД КАПИТАН
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ /ВАРШАВСКИЙ/

32

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е

1939г. Февраля дня. Я,пом.нач.3 отделения 1У-го Отдела УГБ УНКВД по Свердловской области ПАНОВ, - рассмотрев следственное дело № 55745 по обвинению ОСЫХОВСКОГО Ивана Григорьевича -

Н А Ш Е Л:

В УНКВД по Свердловской области поступили данные о том,что ОСЫХОВСКИЙ Иван Григорьевич является членом к-р организации,по заданию которой проводит к-р работу. На основании этого ОСЫХОВСКИЙ И.Г. был арестован 1.XI-1938г.

Произведенным по делу расследованием установить причастность и практическую к-р работу, не удалось. В ДЕЛЕ имеется одно лишь показание обв.ПАТРУШЕВА М.Д.,который причастность к к-р организации и практическую к-р работу ОСЫХОВСКОГО знал не лично,а от других лиц,которые не подтверждают показания ПАТРУШЕВА. На основании изложенного и руководствуясь ст.4 УПК -

П О С Т А Н О В И Л:

Дело в отношении ОСЫХОВСКОГО Ивана Григорьевича - прекратить за недоказанностью состава преступления.

ОСЫХОВСКОГО И.Г. из под стражи освободить.

Дело сдать на хранение в архив 8 Отдела УНКВД.

П/НАЧ 3 ОТД 1У ОТДЕЛА МЛ ЛЕЙТЕНАНТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ /ПАНОВ/

СОГЛАСЕН: ВР НАЧ 1У ОТДЕЛА УГБ КАПИТАН
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ /МИЗРАХ/

30. Постановление от 11 февраля 1939 г. о недоказанности состава преступления И.Г. Осыховского.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «GENEALOGIA Stankiewicze z przyjaciomi», электронный ресурс: ссылка http://www.stankiewicze.com/?kat=23&sub=449, а также http://kdkv.narod.ru/1864/Ssilka-ZapSib.html

2. По материалам диссертации С.А. Мулиной «Участники польского восстания 1863 года в Западно-Сибирской ссылке», Омск, 2005 г. Электронный ресурс: «Справочная информация генеалогических изысканий», режим доступа – ссылка http://kdkv.narod.ru/1864/Ssilka-ZapSib.html#14

3. Ссылка электронного ресурса утеряна.

4. Памятная книжка Томской губернии на 1871 год.- Томск. 1871. с. 270-271, Н.А. Костров «Поездка в Нарым». Электронный ресурс, ссылка http://www.molchanovo.tomskinvest.ru/history.html («Поездка в Молчаново в 1870 году»).

5. А. Сандлер, М. Этлис. «Современники ГУЛАГА», стр.183, г. Магадан, 1991 г.

6. Оперативный приказ Народного Комиссара внутренних дел СССР № 00447 от 30 июля 1937 г., г. Москва (в подлиннике). Электронный ресурс, ссылка http://allin777.livejournal.com/177953.htm

7. В.А. Ханевич. «Поляки в Томске (XIX–XX)», стр. 544, г. Томск, 2012 г.

8. И.Н. Кузнецов. «Засекреченные трагедии советской истории», изд. «Феникс», г. Ростов-на-Дону, 2008 г., электронная библиотека.

9. По материалам публикации «Ильмер Карл Петрович (1891-1919)». Электронный ресурс: «История СССР ру», ссылка http://www.istoriacccr.ru/il_mer_karl_petrovit.html

10. «История села Молчанова и далее – села Майково». Электронный ресурс администрации Молчановского сельского поселения, ссылка http://www.msp.tomskinvest.ru/

11. Александр Красноперов. «Побег из Нарыма». Томская областная газета «Красное знамя» (выпуск «Выходной») от

12.07.2003 г. (электронный ресурс, ссылка http://www.pseudology.org/Kojevnikov/Stalin_pobeg.htm)

12. А.В. Гаврилин. «Уголовные дела православных священников как источники изучения сталинских репрессий на территории Латвии», журнал «Церковь и время» № 52. Электронный ресурс, ссылка

http://www.mospat.ru/church-and-time/521

13. Из воспоминаний библиотекаря Колпашевского кадетского корпуса Н.Д. Ситниковой Электронный ресурс: «Белый Яр», ссылка http://belyar.tom.ru/viewtopic.php?f=17&t=1429

14. Автор novosibirsk. «Всех арестовали». Электронный ресурс: «Жизнь и Бизнес в Сибири», ссылка http://insibir.com/vseh-arestovali/

15. «Конвейер НКВД. Из хроники большого террора на томской земле» – «Сборник документов и материалов», руководитель проекта и составитель Б.П. Тренин (Водолей Publishers, Томск – Москва 2004). Электронный ресурс, ссылка http://konveyer-nkvd.blogspot.ru/2012/02/1936-1937-810.html

16. Оперативный приказ Народного Комиссара внутренних дел СССР № 00485 от 11 августа 1937 г., г. Москва. Электронный ресурс, ссылка

http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/370811.htm

17. Автор tomsc. «Допрос бывшего сотрудника уголовного розыска А.В. Смирнова». Электронный ресурс, ссылка http://insibir.com/dopros-byivshego-sotrudnika-ugolovnogo-rozyiska-a-v-smirnova/

18. А.Г. Тепляков. «Машина террора. ОГПУ-НКВД Сибири в 1929-1941 году», глава «Психология, быт и нравы». Электронный ресурс, ссылка http://www.fedy-diary.ru/?p=2684

19. «Краткий курс истории ВКП(б) 1938 года». Электронный ресурс, ссылка http://lib.ru/DIALEKTIKA/kr_vkpb.txt

20. Интервью с А.Г. Тепляковым от 30.03.2013 г.: «Власть не ассоциирует себя с репрессированными, она ассоциирует себя с властью». Электронный ресурс «Тайга.инфо», ссылка

http://tayga.info/details/2012/03/30/~107485

21. Публикация от 23.05.2013 г. «Областные власти не будут расторгать договор о продаже бывшей пересыльной тюрьмы в Новосибирске». Электронный ресурс: «Тайга.инфо», ссылка http://tayga.info/news/2013/05/23/~112641

22. Александр Сухачёв. «Справедливость бессмертия», часть вторая, глава 9. Электронный ресурс, ссылка http://www.proza.ru/2012/08/21/898

23. В.В. Куземко. «Записки сталинского зека». Электронный ресурс, ссылка

http://samlib.ru/k/kuzemko_wladimir_walerxjanowich/7-3.shtml

24. Ю.И. Моисеенко. «Памятник русскому поэту Осипу Мандельштаму». Электронный ресурс, ссылка

http://www.pseudology.org/Mandelshtam/Memuars/Monument.htm

25. В. Шаламов, «Очерки преступного мира», с. 515, издательство «Современник», г. Москва, 1989 г.

26. В. Шаламов, «Очерки преступного мира», с. 461, издательство «Современник», г. Москва, 1989 г.

27. Телеграмма секретаря ЦК ВКП(б) И. Сталина. Электронный ресурс, ссылка

http://www.memo.ru/history/y1937/hronika1936_1939/10.html:

28. Автор Novosibirsk, «Нашли ещё почти сотню польских повстанцев». Электронный ресурс: «Жизнь и Бизнес в Сибири». Ссылка http://insibir.com/nashli-eshhyo-pochti-sotnyu-polskih-povstantsev/

29. «Колпашевский Яр – форум». Электронный ресурс: ссылка http://forum.211.ru/topic/135241/

30. Автор tomsc, «Рассказывает бывший сотрудник Нарымского окружного отдела НКВД Г.Н. Худяков». Электронный ресурс: «Жизнь и Бизнес в Сибири, ссылка http://insibir.com/rasskazyivaet-byivshiy-sotrudnik-naryimskogo-okruzhnogo-otdela-nkvd-g-n-hudyakov/

31. Сборник методических материалов «Волшебные места, где я живу душой», выпуск 4, стр.21-22., Томская областная детско-юношеская библиотека, Томск 2009 г.

32. Оперативный приказ НКВД СССР № 00486 от 15 августа 1937 г. Электронный ресурс, ссылка http://www.memo.ru/history/document/00486.htm

33. С.В. Кудрявцев. «Методы следствий и первая волна репрессий в НКВД», гл. четвёртая из книги «Верой и правдой» (председатель редакционного совета генерал-майор А.А. Котельников). Электронный ресурс, ссылка http://yaroslavl.fsb.ru/book/gl45.htm

34. Аркадий Суханов. «Краса и гордость атлетического спорта». Электронный ресурс, ссылка

http://selifan.pochta.ru/almanah/eliseev.htm

35. Пётр Семененко. «Крепкий орешек». Электронный ресурс, ссылка http://www.bodysekret.ru/atlets/eliseev.html

36. Автор tomsc, «Жизнь и бизнес в Сибири». Электронный ресурс ссылка

http://insibir.com/dopros-byivshego-nachalnika-nkvd-novosibirskoy-oblasti-f-n-ivanova/

37. А.И. Спраговский. «Люди должны знать об этом». Электронный ресурс «Мемориал», Красноярск. Ссылка http://www.memorial.krsk.ru/memuar/Spragovsky.htm

38. «Исторический форум «ГУЛАГ как символ произвола эпохи сталинизма». Электронный ресурс: ссылки http://forum-history.ru/showthread.php?t=315

http://forum-history.ru/showthread.php?p=11475#poststop

39. Выписки из Книги Памяти. Электронный ресурс: сайт «Мемориал», ссылка http://lists.memo.ru/

В качестве основного материала в книге использованы:

1. Копия архивно-гражданского дела и копия неполного архивно-следственного дела Г.Э. Осыховского.
2. Копии неполных архивно-следственных дел А.Э. Осыховского, Н.Э. Осыховского, М.Н. Осыховской, И.Г. Осыховского.
3. Выписки из Книги Памяти по Томской области: электронный ресурс «Мемориал» – «Жертвы политического террора в СССР», ссылка http://lists.memo.ru/
4. Письма из УФСБ РФ по Томской и Новосибирской областям и ЦИТО УФСИН по Хабаровскому краю.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия 4

Часть первая. Григорий Эдуардович 16
I. Предыстория 16
II. Автобиография 23
III. Гражданское дело 28
IV. В праве на жизнь отказано 35
V. Арест 37
VI. Третий допрос 41

Часть вторая. Анна Эдуардовна 47
I. Шестидесятилетняя «шпионка» 47
II. Вершители судеб. Эффект бумеранга 50

Часть третья. Александр Эдуардович 56
I. Задержание 56
II. В следственно-пересыльной тюрьме 61
III. Допросы и обыск 63
IV. Допросы с пристрастием 68
V. Приговор 72
VI. Этапом в Дальлаг. Непонятное исчезновение 74

Часть четвёртая. Николай Эдуардович 78
I. Польские повстанцы 78
II. Арест. Постановление «Тройки» 80
III. Колпашевский Яр 84
IV. Вершители судеб. Эффект бумеранга 87
V. Репрессированы неосновательно 91

Часть пятая. Из воспоминаний М.Н. Леонова..... 109

Часть шестая. Марфа Никитична 119
I. «Контрреволюционерка» 119
II. Обвинение..... 124
III. Сын..... 127

Часть седьмая. Механизм репрессий..... 134
I. Линейные аресты..... 134
II. Люди должны об этом знать..... 136
ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 143
ПРИЛОЖЕНИЯ..... 149
ПРИМЕЧАНИЯ 185

Тамара Владимировна ШАРКОВА-ОСЫХОВСКАЯ

ВЫЗОВ ЗАБВЕНИЮ

Документально- художественное исследование
истории семьи

Книга издается в авторской редакции
Ответственный за выпуск Л. АЛАДЫШЕВА
Корректор О. ВАСИЛЬЕВА
Компьютерная верстка В. НАЗАРОВА
В оформлении обложки использована фотография
«Морозное утро» автора Владимира МАНДРАКОВА.
Дизайн обложки Алексея ДИВИНА

Формат 70х90/16.
Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 12

ИП Аладышева Г.Е. Издательский дом «Контраст»
Отпечатано